МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования

«ПЕНЗЕНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Историко-филологический факультет ПИ им. В. Г. Белинского	Кафедра «История России и методика преподавания истории»
Направление подготовки	44.03.01 – Педагогическое образование
Профиль	История
Форма обучения	Очная

БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА

на тему:
Плен в период Второй мировой войны: историко-антропологическое исследование

Студент _____ (подпись, дата) **Забодаев Денис Сергеевич**

Научный руководитель _____ (подпись, дата) **Якупова Д.В.**

Нормоконтролёр _____ (подпись, дата) Кондрашин В.В.

Работа допущена к защите (протокол заседания кафедры от 15.06.2020 № 9)

Заведующий кафедрой _____ (подпись, дата) **Кондрашин В.В.**

Работа защищена с отметкой хорошо (протокол заседания ГЭК от 25.06.20 № 18)

Секретарь ГЭК _____ (подпись, дата) **Кузьмина Т.Н.**

Пенза, 2020

ПЕНЗЕНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
Педагогический институт имени В.Г. Белинского

Историко-филологический факультет *Кафедра «История России и методика преподавания истории»*

Направление подготовки:
44.03.01 Педагогическое образование
профиль: История

УТВЕРЖДАЮ:
Зав. кафедрой _____
«1» октября 2019 г.

ЗАДАНИЕ
ПО ВЫПУСКНОЙ КВАЛИФИКАЦИОННОЙ РАБОТЕ

Забодаева Дениса Сергеевича

Ф.И.О.

1. Тема выпускной квалификационной работы: «Плен в период Второй мировой войны: историко-антропологическое исследование»
2. Научный руководитель: к.и.н., доцент Якупова Д.В.
3. Срок сдачи студентом законченной работы: 30 мая 2020 г.
4. Перечень подлежащих разработке вопросов:
1) изучить историко-правовые аспекты военного плена;
2) выяснить обстоятельства пленения и условия содержания советских военнопленных в концлагерях;
3) изучить вопрос репатриации и послевоенной судьбы советских военнопленных.

5. График выполнения выпускной квалификационной работы

№ п/п	Вид деятельности	Срок выполнения раздела	Подпись науч. рук.	Подпись зав. кафедрой
1	Написание заявления на написание выпускной квалификационной работы; составление плана выпускной квалификационной работы; подборка библиографического списка по темы выпускной квалификационной работы (не менее 30 источников)	21.09 – 31.10		
2	Сдача на проверку 1 главы выпускной квалификационной работы	01.03		
3	Сдача на проверку 2 главы выпускной квалификационной работы	02.04		
4	Подготовка выступления на ежегодной научно-практической конференции	01.04 – 30.04		
5	Написание не менее одной статьи по теме выпускной квалификационной работы и публикация в сборнике материалов конференции "Лебедевские чтения"	01.04 – 30.04		
6	Прохождение предзащиты, получение допуска к защите	06.05 – 15.05		
7	Представление завершенной работы	29.05		
8	Проверка оригинальности в системе "Антиплагиат.ВУЗ"	07.06 – 10.06		

6. Дата выдачи задания «7» октября 2019 г.

Научный руководитель _____
(подпись) (ФИО)

Задание принял к исполнению студент _____ Забодаев Д. С.
(подпись) (ФИО)

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ……..……..…..……. ….3

ГЛАВА 1. ИСТОРИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ВОЕННОГО ПЛЕНА

1.1. Германия и международные конвенции о правах военнопленных……..... ...14

1.2. Политика руководства нацистской Германии по отношению к советским военнопленным……..……..……..…….. ...27

1.3. Массовое пленение красноармейцев в оценках советского руководства……..…….....…..... ...34

ГЛАВА 2. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ПЛЕНЕНИЯ И УСЛОВИЯ СОДЕРЖАНИЯ СОВЕТСКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ В КОНЦЛАГЕРЯХ

2.1. Обстоятельства пленения и проблема численности советских военнопленных…..……... ...43

2.2. Учет, условия содержания и порядок захоронения военнопленных…….....……...……..……... ...49

2.3. Сопротивление и коллаборационизм советских военнопленных в концлагерях…….....…… ...65

ГЛАВА 3. РЕПАТРИАЦИЯ И ПОСЛЕВОЕННАЯ СУДЬБА СОВЕТСКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ

3.1. Освобождение и репатриация советских военнопленных..... ...75

3.2. «Фильтрация» бывших военнопленных: организация и результаты ...87

3.3. Преследование военнопленных в СССР в послевоенный период..... ...98

ГЛАВА 4. ПРИМЕНЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ ИССЛЕДОВАНИЯ В ПРЕПОДАВАНИИ ИСТОРИИ В СРЕДНИХ ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ.....…..... 110

ЗАКЛЮЧЕНИЕ…….....……...……..… 121

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ..... 125

ПРИЛОЖЕНИЯ……..…….…… 134

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность работы. 2020 год ознаменован 75 годовщиной Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. (далее – ВОВ). Указом Президента РФ № 327 от 08.07.2019 г.[1] в целях сохранения исторической памяти 2020 год был объявлен Годом памяти и славы. Был разработан план проведения различных мероприятий, за исполнение которого отвечает специально организованный Российский организационный комитет «Победа». Также был создан официальный сайт[2], на котором подробно освещается вся информация, связанная с событиями Года памяти и славы.

В настоящее время в связи с открытием и опубликованием закрытых ранее архивных данных мы наблюдаем актуализацию интереса к различным проблемам, связанным с событиями ВОВ. Одним из таких мало исследованных в военной истории вопросов является весьма широкая и объемная тема плена и репатриации.

Количество советских солдат и офицеров, попавших в плен в период Второй мировой войны – несравнимо с любой из предыдущих войн. И именно их судьба оказалась столь трагической. Проблемы плена мы в контексте нашего исследования рассмотрим на примере советских военнопленных в годы ВОВ как наиболее массовой категории пострадавших в исследуемый период.

Изучение проблемы советских военнопленных стало возможным на качественно новом уровне лишь с 1990-х гг. XX столетия, когда исследователи получили доступ к необходимым архивным материалам. Значительное расширение источниковой базы за последние десятилетия сделало актуальной задачу проведения фундаментального комплексного

---

[1] Указ Президента РФ « О проведении в Российской Федерации Года памяти и славы» № 327 от 08.07.2019 г. [Электронный ресурс] // URL: https://xn--2020-k4dg3e.xn--p1ai/upload/doc/doc-ykaz.pdf (дата обращения: 09.10.2019 г.).

[2] Год памяти и славы 2020 [Электронный ресурс] // URL: https://xn--2020-k4dg3e.xn--p1ai/ (дата обращения: 12.04.2020 г.).

исследования по данной теме.

История военнопленных ВОВ до сих пор изучена недостаточно полно. Данная тема многогранна, и ее рассмотрение важно для восстановления целостной картины войны. Между тем она вызывает не только академический интерес. Об ее актуальности свидетельствует факт подписания в январе 1995 г. Президентом РФ Указа, касающегося бывших советских военнопленных[1].

Проблема советских военнопленных – это комплексная проблема, в которой пересекаются интересы разных научных дисциплин. Она актуальна не только в рамках изучения собственно данной темы, но также может служить отправной точкой для формирования самостоятельных исследовательских направлений по различным ее аспектам в дальнейшем.

Объект бакалаврской работы – политика руководства нацисткой Германии по отношению к советским военнопленным в концлагерях, а также дальнейший процесс репатриации.

Предметом работы являются военнопленные Красной Армии времен ВОВ.

Хронологические рамки охватывают период с 1941 г., определяется началом Великой Отечественной войны 1941-1945 гг., по 1956 г., когда были сделаны первые шаги по реабилитации бывших военнопленных.

Целью нашей работы является исследование положения советских военнопленных в немецких концлагерях и их репатриацией в послевоенный период.

Достижение поставленной цели осуществляется посредством решения следующих **задач**:

– изучение и анализ международных конвенций о положении военнопленных;

---

[1] Указ Президента РФ от 24.01.1995 г. № 63 «О восстановлении законных прав российских граждан – бывших советских военнопленных и гражданских лиц, репатриированных в период Великой Отечественной войны и в послевоенный период» [Электронный ресурс] // URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/7453 (дата обращения: 03.06.2020).

– исследование планов нацистского руководства в отношении советских военнопленных, а также доказательство их реализации на практике путем приведения выдержек из различных приказов и инструкций, издаваемых руководством Германии;

– анализ массового пленения красноармейцев в оценках советского руководства;

– изучение причин пленения советских военнопленных и проблемы их численности;

– всестороннее исследование процесса транспортировки, размещения, содержания и захоронения военнослужащих, попавших в плен;

– рассмотрение форм и методов сопротивления советских военнопленных, а также феномена коллаборационизма;

– анализ процесса репатриации и «фильтрации» бывших военнопленных в СССР;

– исследование судьбы бывших военнопленных в послевоенный период.

Степень изученности темы. Первые публикации по исследуемой проблеме появились уже непосредственно в военные годы. Ценность их заключается в том, что, опираясь на конкретные примеры, в них освещается героическое поведение пленных бойцов и командиров Красной армии. Каких-либо фундаментальных научных работ, посвященных феномену плена, исходя из существующей в то время внутриполитической обстановки, быть попросту не могло.

Новый интерес к проблемам, связанным с ВОВ, появился после XX съезда КПСС. Были опубликованы работы Ф. И. Кожевникова[1], Н. С. Алексеева[2], П. С. Ромашкина[3] и др. В них рассматривался, прежде

---

[1] Кожевников Ф. И. Великая Отечественная война СССР и некоторые вопросы международного права. М., 1954. 376 с.

[2] Алексеев Н. С. Злодеяния и возмездие: Преступления против человечества. М., 1986. 400 с.

[3] Ромашкин П. Преступления против мира и человечества. М., 1967. 360 с.

всего, вопрос о виновниках Второй Мировой войны, подробно освещались воинские преступления третьего рейха против гражданского населения и военнопленных Советского Союза, показывалась историческая роль советского народа в этой войне. Архивный материал в них не использовался. Их отличали односторонность, определявшаяся идеологической заданностью, изложение с позиции борьбы двух систем, социалистической и капиталистической.

Серьезные изменения в исследовании вопросов плена произошли во второй половине 1950-х гг. XX в. Однако и в этот период работы были весьма субъективными и идеологизированными. Существовали два неизменных постулата при написании подобных работ:

1. Советские военнослужащие попадали в плен, только исчерпав все возможности к сопротивлению, либо раненными или сбитыми во время воздушных боев, либо при исполнении боевых заданий в тылу врага, и ни при каких других обстоятельствах.

2. Советские военнопленные, не смотря на все лишения плена, хранили верность своей стране, были стойкими и мужественными.

В связи с этим все работы писались в ключе героических примеров сопротивления издевательствам противника.

В конце 1970-х гг. в ФРГ произошел прорыв в изучении исследуемой нами проблемы, когда начали издаваться документы, вышел ряд работ, развернулись публичные дискуссии. Первый, можно сказать классический, труд по теме, – «Они нам не товарищи» – принадлежал западногерманскому историку К. Штрайту[1]. Исследовав колоссальный архивный материал, автор сделал следующий вывод – советские военнопленные – жертвы национал-социалистической войны на уничтожение.

С начала 1990-х гг. в условиях подъема общественного сознания и либерализации политического режима отечественные исследователи

---

[1] Штрайт К. Они нам не товарищи // Военно-исторический журнал. 1994. № 1. С. 35 – 39.

получили доступ к ранее засекреченным архивным документам и статистическим данным, к исследованиям зарубежных авторов. В результате разрушения идеологических догм появилась возможность для расширения круга изучаемых вопросов и существования альтернативных точек зрения. В этот период был опубликован ряд статей об организации в годы ВОВ немецким командованием специальных национальных частей в составе советских военнопленных и изменников Родины, о репатриации пленных и гражданского населения, угнанного во время войны на территорию Германии, о жизни военнопленных в немецко-фашистских лагерях и об использовании их труда в экономике третьего рейха.

Так, советским военнопленным, оказавшимся, по мнению П.М. Поляна, «жертвами двух диктатур»[1], посвящена внушительная историографическая традиция, основу которой заложили работы Ю. Н. Арзамаскиной[2], В. Н. Земскова[3], М. И. Семиряги[4], Ф. Я. Черона[5], Ю. Г. Веремеева[6], А. А. Шевякова[7], упомянутого П.М. Поляна и других авторов. Солидный комплекс специальной литературы по данной тематике распадается на три проблемных блока, которые можно обозначить так: 1) в плену; 2) после плена; 3) борьба за реабилитацию и собственно реабилитация. С одной стороны, каждый проблемный круг самостоятелен; с другой – лишь в сумме они позволяют разрешить вопросы, волнующие не только историков, но и бывших «узников войны», а также их родственников.

В 1990-е гг. появляются первые научные статьи о репатриации

---

[1] Полян П. М. Жертвы двух диктатур: Жизнь, труд, унижения и смерть советских военнопленных и остарбайтеров на чужбине и на родине. М., 2002. С. 7.

[2] Арзамаскина Н. Ю. Деятельность советских военных органов репатриации в Германии в 1945 – 1950 гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2007. 27 с.

[3] Земсков В. Н. Репатриация советских граждан и их дальнейшая судьба (1944-1956 гг.) // Социологические исследования. 1995. № 5. С. 3 – 13.

[4] Семиряга М. И. Судьбы советских военнопленных // Вопросы истории. 1995. № 4. С. 19 – 33.

[5] Дугас И. А., Черон Ф. Я. Вычеркнутые из памяти: Советские военнопленные между Гитлером и Сталиным. Париж, 1994. 436 с.

[6] Веремеев Ю. Г. Солдаты и конвенции. Как воевали по правилам. М., 2012. 320 с.

[7] Шевяков А. А. «Тайны» послевоенной репатриации // Социологические исследования. 1993. № 8. С. 3 – 11.

В. Н. Земскова[1], характеризующиеся обилием статистического материала. В них впервые публикуются данные о численности советских граждан, попавших во время ВОВ за пределы советского государства, и тех, кто не пожелал вернуться на Родину после окончания военных действий; о динамике репатриации перемещенных лиц из европейских стран.

Далее вопросы, связанные с репатриацией, поднимались в работах А. А. Шевякова[2]. Автор делает акцент на враждебность акций английского и американского государств по отношению к советским гражданам в первые годы после войны, что позволило сорвать процесс их репатриации из западных оккупационных зон Германии и сформировать очередную эмиграционную волну так называемых невозвращенцев; раскрывает роль различных международных организаций в вербовке советских граждан и отправке их за рубеж.

Необходимо отметить исследования академика М. И. Семиряги[3], осветившего ключевые задачи советских военных репатриационных органов, действующих на территории Германии. Автор детально изображает отправку бывших советских военнопленных на Родину, в том числе и коллаборационистов.

В 2000 г. вышла монография отечественного историка Ерина М. Е. и Хольного Г. Л.[4], которая рассматривает впервые в отечественной исторической науке историю одного из самых больших лагерей «третьего рейха» для советских военнопленных – шталага 326 (VI К) Зенне. Хронологические рамки работы составляют 1941 – 1945 гг., начиная с момента создания и до его ликвидации. Используя широкий круг источников,

---

[1] Земсков В. Н. Возвращение советских перемещенных лиц СССР. 1944 – 1952 гг. // Труды института российской истории РАН. 2013. № 11. С. 244 – 284; он же. «Статистический лабиринт». Общая численность советских военнопленных и масштабы их смертности // Российская история. 2011. № 3. С. 22 – 32 и др.

[2] Шевяков А. А.. «Тайны» послевоенной репатриации // Социологические исследования. 1993. № 8. С. 6-11.

[3] Семиряга М. И. Судьбы советских военнопленных // Вопросы истории. 1995. № 4. С. 19-33.

[4] Ерин М. Е., Хольный Г.Л. Трагедия советских военнопленных. История шталага 326 (VI К) Зенне, 1941 – 1945 гг. Ярославль, 2000. 138 с.

историки осветили судьбы пленных красноармейцев, их положение, условия труда, отношение к ним лагерной охраны.

Среди современных исследователей, занимающихся данной проблемой, следует назвать Арзамаскиной Ю. Н., Волкова А. П.[1], Киселева М. А.[2], Кузьминых А. Л.[3], Шевченко В. В.[4], Ипполитов Г. М.[5] и др.

В статье Арзамаскиной Ю. Н. и Волкова А. П. освещается советская репатриационная политика, ее организационные и военно-политические основы, этапы и результаты.

Статья Киселева М. А. посвящена рассмотрению основных аспектов проблемы советских военнопленных в годы ВОВ на основе анализа малоизученных ранее архивных источников Пензенской области. Целью написания работы является стремление дополнить изучение означенной темы за счет исследования новой архивной информации, а также пробудить интерес к ней среди историков Пензы и Пензенской области.

В статье Кузьминых А. Л. рассмотрена проблема правового регулирования режима военного плена в СССР в годы Второй мировой войны. Особое внимание при этом уделено характеристике советского законодательства в области военного плена, его соответствия положениям международных конвенций, а также показаны особенности положения

---

[1] Арзамаскина Ю. Н., Волков А. П. Заложники Второй мировой войны: итоги репатриации советских и иностранных граждан в 1944 – 1953 гг. // Вестник Екатерининского института. 2012. № 1. С. 103 – 110.

[2] Киселев М. А. О проблеме советских военнопленных в годы Великой Отечественной войны (на материалах Пензенской области) // XXI век: итоги прошлого и проблемы настоящего плюс. 2013. Том 1. № 11 (15). С. 37-43; он же. Участие пензенцев в сопротивлении советских военнопленных в годы Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 12 (50). Ч. III. С. 99 – 102.

[3] Кузьминых А. Л. Нормативно-правовое регулирование режима военного плена: опыт ретроспективного анализа // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2007. № 1. С.78 – 84. [Электронный ресурс] // URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_13623148_28815133.pdf (дата обращения: 29.12.2019).

[4] Шевченко В. В. К вопросу об организации специальной проверки бывших военнослужащих СССР в годы Великой Отечественной войны // Власть. 2010. № 11. С. 124 – 126.

[5] Ипполитов Г. М. «Ни шагу назад!»: жестокая, но необходимая мера (дискуссионные размышления в связи с 75-летием приказа Народного комиссара обороны СССР № 227 от 28 июля 1942 г.) // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2017. Т. 19. № 3. С. 94 – 110.

военнопленных в СССР.

Шевченко В. В. в своей статье проанализировал вопросы, связанные с организацией проверки бывших советских военнослужащих, вышедших из плена или окружения в годы ВОВ.

Статья Ипполитова Г. М. носит дискуссионный характер. В ней анализирует условия, при которых был создан приказ № 227, его структура и содержание, приводятся оценки приказа, данные известными военачальниками (А. М. Василевским, Г. К. Жуковым, К. С. Москаленко и др.), а также приводятся примеры фальсификации данного приказа. Автор делает вывод о жестокости данного документа, но в то же время считает его принятие обоснованным в существующих в то время условиях.

Кроме того, в своем исследовании мы использовали справочную литературу, чтобы разобраться в структуре оккупационных органов советской власти, действовавших на территории Германии[1].

В целом, к настоящему времени вопросы, касающиеся проблемы советских военнопленных, освещены в литературе более или менее полно.

Источниковой базой явились справочно-статистические издания, сборники документов, мемуары. В частности в сборниках «Бухенвальд»[2], «Документы обвиняют»[3] и «СС в действии»[4] приводятся документы, описывающие условия содержания военнопленных[5], и их трудовое использование, медицинское обслуживание, вопросы питания, вопросы охраны военнопленных, а также свидетельствующие о преступлениях

---

[1] Советская военная администрация в Германии. 1945 – 1949: справочник / отв. ред.: Я. Фойтцик, Т. В. Царевская-Дякина, А. В. Доронин. М., 2009. 1031 с.

[2] Бухенвальд: Документы и сообщения. М., 1962. 784 с.

[3] Документы обвиняют. Сборник документов о чудовищных преступлениях немецко-фашистских захватчиков на советской территории. М., 1945. 392 с.

[4] СС в действии. Документы о преступлениях СС. М., 1968. 624 с.

[5] Военнопленные в СССР. 1939 – 1956. Документы и материалы / Сост. М. М. Загорулько, С. Г. Сидоров, Т. В. Царевская; под ред. М. М. Загорулько. М., 2000. 1120 с.

нацистов по отношению к советским военнопленным[1]. Так же мы использовали документы, связанные с реабилитацией пленных[2].

Нормативно-правовые акты[3] позволили нам проанализировать правовой статус советских военнопленных, а также процесс их репатриации и реабилитации.

Все использованные источники позволили рассмотреть исследуемую нами проблему во всем ее многообразии.

Методологической основой работы являются принципы историзма и научной объективности, содействующие разрушению существующих стереотипов в вопросах плена и военнопленных. Изучаемые явления рассматриваются в их взаимосвязи, противоречивости, в совокупности всех факторов, качественных и количественных характеристик. В ходе исследования применялись методы комплексного анализа исторических источников, причинно-следственного и сравнительного анализа, проблемно-хронологический, статистический методы.

Также были применены и специальные методы исследования, такие как статистический, социологический, компаративный, хронологический, а так

---

[1] См. например: Борисов А. Нюрнбергский процесс, сборник документов (Приложения) [Электронный ресурс] // URL: http://indbooks.in/mirror4.ru/?page_id=234580 (дата обращения: 18.12.2019); Кокебаева Г. К. Нормативные документы официальных властей Германии об обращении с советскими военнопленными [Электронный ресурс] // URL: http://www.rusnauka.com/10_NPE_2008/Istoria/29506.doc.htm (дата обращения: 10.01.2020).

[2] См. например: Судьба военнопленных и депортированных граждан СССР. Материалы Комиссии по реабилитации жертв политических репрессий // Новая и новейшая история. 1996. № 2. С. 96 – 113; Доклад Комиссии при Президенте Российской Федерации по реабилитации жертв политических репрессий о ходе исполнения Закона Российской Федерации «О реабилитации жертв политических репрессий» [Электронный ресурс] // URL: https://alexanderyakovlev.org/personal-archive/articles/7141 (дата обращения: 02.02.2020) и т. д.

[3] См., например: IV Гаагская конвенция о законах и обычаях сухопутной войны 1907 года с приложением: «Положение о законах и обычаях сухопутной войны» [Электронный ресурс] // URL: https://doc.mil.ru/documents/quick_search/more.htm?id=11967448%40egNPA (дата обращения: 20.12.2019); Приказ № 270 от 16 августа 1941 г. // Военно-исторический журнал. – 1988. – № 9. – С. 26 – 28; Указ Президента РФ от 24.01.1995 г. № 63 «О восстановлении законных прав российских граждан – бывших советских военнопленных и гражданских лиц, репатриированных в период Великой Отечественной войны и в послевоенный период» [Электронный ресурс] // URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/7453 (дата обращения: 03.06.2020); Постановление ГКО от 18.08.1945 г. № 9871с «О направлении на работу в промышленность военнослужащих Красной Армии, освобожденных из немецкого плена, и репатриантов призывного возраста» (извлечение) [Электронный режим] // URL: http://www.memorial.krsk.ru/DOKUMENT/USSR/450818.htm (дата обращения: 02.04.2020) и т. д.

же метод контент-анализа. Последний помог установить главную направленность использованных в исследовании документов: справок, отчетов, донесений, относящихся к пленению и условиям содержания советских военнопленных.

Статистический метод исследования позволил установить количество пленных, а так же уточнить ранее имеющиеся сведения относительно их общего числа.

С помощью историко-системного метода мы проанализировали взаимодействие советских и немецких органов власти с военнопленными.

Лишь при совокупном применении указанных методов мы можем рассматривать проблемы плена многоаспектно.

Новизна исследования состоит в том, что нами предпринята попытка комплексного анализа проблемы советских военнопленных времен ВОВ на основе большого фактического материала.

Данная работа **теоретически значима** постольку, поскольку представляет собой интегрированный материал различных источников. В частности в ней содержится анализ мемуарной литературы, статей и исторических монографий по данной проблеме, а также представлены выдержки из документов, которые позволяют создать наиболее полную картину о теории и практике исполнения существующих международных норм о военнопленных.

Практическая значимость данной работы заключается в том, что она является комплексным исследованием по данной теме и может быть использована в качестве основного источника для дальнейшей разработки проблемы международно-правового регулирования положения советских военнопленных времен ВОВ. Материалы и выводы исследования могут быть использованы в учебном процессе в высших и средних учебных заведениях, а также воинскими частями и ветеранскими организациями в воспитательной работе среди населения и военнослужащих.

Структура работы построена в соответствии с поставленной целью и

задачами и состоит из введения, четырех глав, девяти параграфов, заключения, списка источников и литературы и приложений.

ГЛАВА 1. ИСТОРИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ВОЕННОГО ПЛЕНА

1.1. Германия и международные конвенции о правах военнопленных

Проблема плена существовала все время пока существовали войны. В древности побежденных воинов уничтожали, в период рабовладельческих Рима и Греции, а также в эпоху Средневековья военнопленных продавали и использовали в качестве рабов. Однако, если количество пленных было слишком большим и затрудняло передвижение войск, то они уничтожались. Вплоть до конца XIX в. участь пленных полностью зависела от позиции пленившей их стороны, условия плена были чрезвычайно тяжелыми, в первую очередь из-за антисанитарии мест содержания[1].

Действительно серьезный шаг к ограничению варварских средств ведения войны сделал Александр II. По его инициативе в 1868 г. было принято запрещение пользоваться снарядами большой взрывной силы. Дальнейшие усилия России привели в 1874 г. к проведению встречи представителей 15 государств в Брюсселе, где была составлена «Брюссельская декларация»[2]. Однако ее ни одно из государств не ратифицировало.

Качественно новый этап развития международного права в отношении военнопленных связан с принятием конвенций на Гаагских мирных конференциях 1899 и 1907 гг. На первой были приняты следующие конвенции: «О мирном разрешении международных столкновений», «О применении к морской войне начал Женевской конвенции 1864 г. о раненых

---

[1] Урланис Б. Ц. История военных потерь. Войны и народонаселение Европы. М., 1998. С. 312–314.

[2] Кузьминых А. Л. Нормативно-правовое регулирование режима военного плена: опыт ретроспективного анализа // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2007. № 1. С. 81. [Электронный ресурс] // URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_13623148_28815133.pdf (дата обращения: 29.12.2019).

и больных», «О законах и обычаях сухопутной войны». Последней учреждалось справочное бюро по военнопленным в странах-участницах вооруженных конфликтах, освобождение от таможенных сборов с посылок и писем военнопленных, обязательный и взаимный порядок их репатриации[1]. Значение данной конференции состояло в том, что, несмотря на существовавшие в ее работе противоречия, впервые в истории международного права было учреждено многостороннее международное соглашение о положении военнопленных.

Окончательно правовой статус, а также обязанности военнопленных и состав комбатантов – участников боевых действий, имевших право на статус военнопленных, регулировались теперь в соответствии с положениями о законах и обычаях сухопутной войны (статьи 4 – 20 главы II приложения к 4-й Гаагской конвенции от 18.10.1907 г.)[2]. Российская и Германская империи подписали и ратифицировали данную конвенцию.

Позиция большевиков в отношении международных соглашений царской России и Временного правительства отразилась в «Обращении Совета Народных Комиссаров (далее – СНК)» от 30.05.1918 г. В документе отмечалось, что «эта Конвенция (имеется в виду Первая Женевская конвенция 1864 г., касавшаяся помощи раненым солдатам на полях сражений), как в ее первоначальной, так и во всех ее позднейших редакциях, а также и все другие международные конвенции и соглашения, касающиеся Красного Креста, признанные Россией до октября 1917 г., признаются и будут соблюдаемы Российским Советским Правительством, которое сохраняет все права и прерогативы, основанные на этих конвенциях и соглашениях»[3].

В соответствии с «Обращением» был выпущен декрет СНК о

---

[1] Кузьминых А. Л. Нормативно-правовое регулирование режима военного плена. С. 82.

[2] IV Гаагская конвенция о законах и обычаях сухопутной войны 1907 года с приложением: «Положение о законах и обычаях сухопутной войны» [Электронный ресурс] // URL: https://doc.mil.ru/documents/quick_search/more.htm?id=11967448%40egNPA (дата обращения: 20.12.2019).

[3] Документы внешней политики СССР. Том 1. М., 1959. С. 333 – 334.

признании всех международных конвенций о Международного Комитета Красного Креста (далее – МККК) от 4.06.1918 г.[1] Гуманное отношение Советского Красного Креста к военнопленным и беженцам, а также его работа по облегчению положения населения приобрело признание международной общественности, и 15 октября 1921 г. Советский Красный Крест был официально признан МККК.

Летом 1929 г. в Женеве по инициативе МККК состоялась Международная дипломатическая конференция[2], которая приняла две чрезвычайно актуальные в эпоху вооруженных конфликтов и войн конвенции: об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях и об обращении с военнопленными. Советское государство не приняло участие в конференции и не подписало принятые там конвенции. В 1931 г. СССР все-таки подписал первую конвенцию, но ко второй так и не присоединился. Между тем основные принципы Женевской конвенции о военнопленных сводились к тому, чтобы обращаться с ними гуманно, исключая дискриминацию по признакам расы, национальности, веры, пола, политических взглядов, имущественного положения и др. Запрещались медицинские опыты над военнопленными, привлечение их к работам, связанными с военными действиями и т.д. Воюющие стороны обязывались обмениваться списками военнопленных, разрешать им получение посылок, писем и денежных переводов через МККК или через третьи страны. Эти правила считались обязательными для каждой страны, независимо от того, ратифицировала она эту конвенцию или нет.

Итак, к началу ВОВ действовали такие международные соглашения[3], касающиеся правил ведения военных действий:

− Петербургская декларация 1868 г. об отмене употребления взрывчатых и зажигательных пуль;

---

[1] Борисов А. Нюрнбергский процесс, сборник документов (Приложения). С. 2–3.

[2] Великая Отечественная война. 1941 –1945. Военно-исторические очерки. М., 1999. Кн. 4. С. 162 – 163.

[3] Алексеев Н. С. Злодеяния и возмездие. С. 161 – 162.

− Гаагские конвенции 1899 и 1907 гг. о законах и обычаях сухопутной войны;

− Женевская конвенция 1929 г. об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях, заменявшая собой Женевские конвенции 1864 и 1906 гг.;

− Гаагская конвенция 1907 г. о порядке открытия военных действий;

− Гаагская конвенция 1907 г. о правах и обязанностях нейтральных держав и лиц в случае сухопутной войны;

− Женевский протокол 1925 г. о запрещении химической и бактериологической войн;

− Женевская конвенция 1929 г. о военнопленных.

Статус военнопленных регулировался международными соглашениями и имеющимися международными обычаями. Права и неприкосновенность личности и самой жизни военнопленных, подпавших под власть неприятеля, гарантированы и предусмотрены соответствующими статьями Приложения к IV Гаагской конвенции «О законах и обычаях сухопутной войны 1907 г.»[1], Женевских конвенций 1929 г.[2] Этим вопросам посвящена, в частности, II глава Приложения, озаглавленная «О военнопленных»[3]. Державы мира, участвовавшие во Второй конференции мира в Гааге в 1907 г., пожалуй, лучше всего разработали именно этот важный вопрос – режим военнопленных. В семнадцати статьях этой главы подробно сформулированы права и обязанности военнопленных, как рядового, так и офицерского состава, а также обязанности неприятельского государства, во власти которого они находятся. Приведем основные из них.

Так, ст. 4-я Приложения к IV Гаагской конвенции гласит: «Военнопленные находятся во власти неприятельского правительства, а не

---

[1] IV Гаагская конвенция [Электронный ресурс] // URL: https://doc.mil.ru/documents/quick_search/more.htm?id=11967448%40egNPA (дата обращения: 20.12.2019).

[2] Там же.

[3] Там же.

отдельных лиц или отрядов, взявших их в плен. С ними надлежит обращаться человеколюбиво. Все, что принадлежит им лично, за исключением оружия, лошадей и военных бумаг, остается их собственностью»[1].

Ст. 6-й закрепляет положение о возможном привлечении военнопленных к работам в соответствии «с их чином и способностями», за исключением офицеров. Согласно статье работы не должны быть слишком тяжелыми и не должны никаким образом касаться военных действий[2].

Ст. 7-я возлагает содержание военнопленных на правительство, во власти которого они находятся. Если между воюющими не заключено особое соглашение, то военнопленные пользуются пищей, помещением и одеждой, такой же, как и войска правительства, взявшего их в плен[3].

В ст. 8-й говорится о том, что военнопленные, нарушившие порядок и режим, установленный для них (побег, неповиновение и др.), «подлежат дисциплинарным взысканиям». А германский генеральный штаб за это предписывает не дисциплинарное взыскание, а расстрел[4].

Ст. 19-я касается духовных завещаний военнопленных, которые должны были приниматься на хранение и составляться на тех же основаниях, как и завещания военнослужащих местной армии. Те же правила должны соблюдаться относительно свидетельства о смерти, погребения военнопленных с учетом их чина и звания[5].

В Гаагской конвенции 1899 г. особо отмечается, что «хотя военнопленные и теряют свою свободу, они не теряют своих прав». Согласно этому документу «военный плен не есть более акт милосердия со стороны победителя – это право безоружного»[6].

---

[1] IV Гаагская конвенция [Электронный ресурс] // URL: https://doc.mil.ru/documents/quick_search/more.htm?id=11967448%40egNPA (дата обращения: 20.12.2019).

[2] Там же.

[3] Там же.

[4] Там же.

[5] Там же.

[6] Мельникова Д. Е., Черная Л. Б. Империя смерти: Аппарат насилия в нацистской Германии. 1933 – 1945. М., 1987. С. 350.

Все эти нормы международного права, определяющие правовой режим военнопленных, самым циничным образом нарушались немецко-фашистским правительством и его войсками. Причем все эти нарушения прав военнопленных носили характер не эксцессов отдельных недисциплинированных частей германской армии, а были хорошо организованными, систематическими и планомерными акциями.

Нацистское правительство, его военное командование и армия не только не обращались с советскими военнопленными гуманно, как этого требует ст. 4-я Гаагской конвенции, но к ним проявляли самое жестокое отношение, замучивая и истребляя их. Они не только не оставляли собственности советских военнопленных – «все, что принадлежит им лично», но и организованно, согласно гитлеровским инструкциям и приказам, грабили всех красноармейцев и командиров Красной Армии, попавших к ним в плен, разували и раздевали до гола советских военнопленных на морозе, обрекая их на верную гибель, а их обмундирование, согласно приказам, использовали «для нужд германской армии»[1].

Нацисты не только привлекали советских военнопленных к тяжелым, мучительным работам, но согласно приказам командования их использовали исключительно на очистке минных полей и других опасных для здоровья и жизни военных работах[2]. При этом, несмотря на запрет ст. 6 Гаагского приложения, гитлеровцы повсеместно применяли на самых тяжелых каторжных работах, имеющих зачастую прямое отношение к военным действиям, и советских пленных офицеров[3]. Они не только не обеспечивали советских военнопленных снабжением, питанием, одеждой и помещением «наравне со своими войсками», но и с целью массового отравления советских

---

[1] Из приказа № 60 по шталагу 344 о запрещении советским военнопленным носить обувь // Бухенвальд: С. 269.

[2] Из приказа по 464-му пехотному полку 253-й немецкой пехотной дивизии об использовании советских военнопленных при разминировании местности // СС в действии. С. 542.

[3] Веремеев Ю. Г. Солдаты и конвенции. С. 123.

военнопленных кормили их, согласно приказам, падалью, с этой целью собранных в отдельные особо отведенные места[1]. Использовали дисциплинарные взыскания на нарушивших порядок военнопленных, но за малейшее ослушание, согласно директивам «фюрера», расстреливали их на месте[2].

Не приходится говорить о каком-либо соблюдении гитлеровцами ст. 19 Приложения, ибо они не только не соблюдали элементарные правила погребения, что затрудняло в дальнейшем процесс идентификации личности погибшего. Противотанковые рвы, овраги и траншеи использовались в качестве могил для «захоронения» пленных красноармейцев[3].

К началу ВОВ существовал ряд международных соглашений, регулирующих правовой статус военнопленных. Самыми главными из них были Гаагская конвенция 1907 г. и Женевская конвенция 1929 г. о военнопленных. О масштабах нарушений Германией в отношении военнопленных свидетельствуют цифры: в годы войны на ее территории находилось 5,7 млн. советских военнопленных, 3,3 млн. из них (что составляет 57,8 %) погибли от болезней, холода, рабского труда и голода[4].

До сих пор мало говорилось о попытках добиться в период войны между СССР и Германией такого обращения с военнопленными, которое соответствовало бы Женевской конвенции 1929 г. или же нормам общего международного права в период войны. В этом принимали участие, прежде всего нейтральные государства и организации: МККК в Женеве, правительства Швеции и США[5]. Попытки СССР и особенно правительства Германии были незначительны.

Основные решения по вопросам обращения с советскими

---

[1] Лифинский В. М. Музыкальные вечера в Дахау. «Променад» по аппельплацу и лагерштрассе. М., 2019. С. 66.

[2] Из протокола судебного заседания по делу о злодеяниях, совершенных в концентрационном лагере Саксенхаузен, Берлин, 1947 // СС в действии. С. 241.

[3] Мельников Д. Е., Черная Л. Б. Империя смерти. С. 371.

[4] Кузьминых А. Л. Нормативно-правовое регулирование... С. 82.

[5] Штрайт К. Они нам не товарищи // Военно-исторический журнал. 1994. № 1. С. 35.

военнопленными были приняты руководством Германии еще за несколько месяцев до нападения на СССР. Обосновывались они тем, что СССР не присоединился к Женевской конвенции о военнопленных 1929 г.

Уже 23 июня 1941 г., президент МККК Мако Хубер отправил в СССР, Германию, Финляндию и Румынию официальные телеграммы, содержащие предложение о помощи МККК в обмене информацией о раненых и погибших, а так же при составлении списков военнопленных. Тот факт, что СССР не был участником Женевской конвенции 1929 г., не считался бы препятствием, если бы предложенная помощь была принята всеми заинтересованными сторонами.

27 июня 1941 г. нарком иностранных дел СССР В. М. Молотов принял предложение с условием, что оно также будет принято противоположной стороной. МККК воспринял это как многообещающее начало, так как впервые Советский Союз признал его инициативу, и попытался использовать благоприятно сложившуюся ситуацию. 6 июля МККК смог добиться того, чтобы В.М. Молотов дал согласие на установление в Анкаре контакта между дипломатическим представителем Советского Союза и представителем Красного Креста, которые должны были организовать работу по обмену сведениями. В начале июля правительство Германии также согласилось проводить обмен списками.

Готовность Советского Союза урегулировать вопросы обращения с военнопленными обеих сторон была подтверждена нотой, которую 17 июля 1941 г. советское правительство направило правительству Швеции, представлявшему его интересы на переговорах с Германией. В этой ноте Советский Союз заявил, что признает Гаагскую конвенцию, подписанную в 1907 г., и обязуется ее выполнять на взаимных условиях.

СССР необходимо было прийти к взаимному регулированию на все время ведения войны. Попавшее в конце августа 1941 г. в немецкие войска постановление СНК от 1 июля 1941 г., утверждавшее новое «Положение о военнопленных», показало, что нота от 17 июля не являлась

пропагандистским мероприятием. Приведенные в этом постановлении положения по обращению с военнопленными не ограничивались нормами только Гаагской конвенции, но и содержали отдельные положения Женевской[1].

Немецкое командование не было удовлетворено советской нотой от 17 июля. Вопрос обращения с военнопленными был для него сравнительно второстепенной заботой, и у Берлина не было серьезных намерений брать на себя какие-либо обязательства. В доказательство этого германский историк К. Штрайт приводит следующие аргументы[2]: во-первых, Гитлер занимал непримиримую позицию и хотел сохранить за собой свободу действий в ликвидации политически нежелательных и «неполноценных в расовом отношении» военнопленных; во-вторых, германское военное командование было в то время уверено в близком успехе кампании на Востоке и не хотело связывать себя международно-правовыми формальностями; в-третьих, немецкое командование было дезориентировано донесениями с фронта о якобы поголовных расстрелах пленных солдат и офицеров вермахта. В итоге в ответной ноте германского правительства от 25 августа 1941 г. возможность заключения с СССР какого-либо соглашения ставилась под сомнение.

В то время как немецкое командование занималось советской нотой от 17 июля МККК продолжал свои попытки достичь результатов прагматическим путем. Советское правительство, судя по всему, также стремилось добиться выполнения обеими сторонами Гаагской конвенции. Заместитель наркома иностранных дел СССР Вышинский ответил на переданное МККК предложение Италии применять Женевскую конвенцию о военнопленных заявлением, что Советский Союз при условии обоюдности будет применять Гаагскую конвенцию и что он, кроме того, в соответствии со ст. 4 Женевской конвенции о раненых согласен на обмен сведениями о

---

[1] Штрайт К. Они нам не товарищи // Военно-исторический журнал. 1994. № 1. С. 35.
[2] Там же. С. 32.

больных и раненых. Применение же Женевской конвенции является излишним, поскольку все важные вопросы уже урегулированы в Гаагской.

Конасов В. Б. считает, что предпочтение отдавалось Гаагской конвенции, так как она налагала на СССР гораздо меньше обязательств в отношении военнопленных. Женевской конвенции 1929 г. насчитывала 97, а Гаагская – всего 18 статей, посвященных военнопленным. К тому же в Женевском соглашении более широко трактовались права пленных, и предусматривался контроль за их соблюдением со стороны МККК[1].

Немецкая сторона выразила согласие в рамках своей политики путем небольших уступок улучшить положение немецких пленных: два представителя МККК Карл Буркхардт и Эдуард де Халлер получили в августе 1941 г. возможность неофициально посетить лагерь советских военнопленных. В результате был составлен список из 300 фамилий, написанный карандашом на обычной бумаге в косую линейку.

Но климат переговоров в Анкаре ухудшился, когда немецкий посол фон Папен уполномочил Юнода официально запросить советского посла, правда ли, что И.В. Сталин грозил репрессиями по отношению к семьям советских солдат, взятых в плен. 20 августа, после длительного обсуждения вопроса, Папен вручил Юноду поименный список; при этом было особо подчеркнуто, что предпринятые шаги – единственная возможность получить сведения о пропавших немецких летчиках.

Инициативы МККК касались еще двух сугубо практических проблем, непосредственно связанных с судьбами военнопленных[2]: во-первых, было сделано предложение организовать передачу советским военнослужащим, находившимся в германском плену, посылок с продовольствием, бельем, обувью и табаком. МККК выразил готовность привезти все это в США и переправить советским военнопленным в Германию при условии, что Москва

---

[1] Конасов В. Б., Терещук А. В. К истории советских и немецких военнопленных (1941 – 1943 гг.) // Новая и новейшая история. 1996. № 5. С. 61 – 62.

[2] Кожевников Ф. И. Великая Отечественная война СССР. С. 165.

субсидирует закупки. При этом подчеркивалось, что принципиальное решение этой проблемы возможно в дальнейшем, если СССР обеспечит возможность доставки аналогичных посылок германским военнопленным; во-вторых, были предприняты шаги для организации переписки пленных со своими семьями. К сожалению, ни в том, ни в другом случае позитивный результат достигнут не был.

Наряду с МККК в те дни судьбой военнопленных были озабочены и организации стран, пока еще не втянутых в орбиту Второй Мировой войны. Правительство США включилось в решение данных проблем. Более тесные контакты с советским правительством удалось установить только в октябре 1941 г., о чем свидетельствуют соответствующие отчеты американского посла Штрайнхардта. В то время как МККК пытался постепенно от обмена поименными списками, от проведения отдельных проверок перейти к регулярным проверкам, США предпринимали настойчивые попытки обязать СССР выполнять положения Женевской конвенции 1929 г. Советское правительство уклонилось от натиска со стороны США.

23 декабря 1941 г. после объявления США войны Германии государственный секретарь К. Халл предпринял последнюю попытку убедить СССР пойти на уступки, выдвигая в качестве аргумента мнение, что человеческое обращение с советскими военнопленными может быть гарантировано благодаря соблюдению положений Женевской конвенции о военнопленных 1929 г. Однако со стороны Советского Союза и в этом случае не последовало положительного ответа, именно поэтому временно исполняющий обязанности государственного секретаря США Лонг вынужден был констатировать 30 декабря, что дальнейшее выполнение возложенной миссии не может быть успешным.

В 1942 г. продолжались попытки МККК и США убедить СССР присоединиться к Женевской конвенции. В.М. Молотов, встретившись с Президентом США Ф. Д. Рузвельтом, в очередной раз подтвердил нежелание СССР участвовать в Женевских соглашениях, мотивировав свою позицию

тем, что это может дать лишний повод Германии заявлять о своем следовании нормам международного права, тогда как советские пленные содержатся в нечеловеческих условиях.

Советская сторона пыталась опереться на свидетельства немецких военнопленных – очевидцев преступлений Германии против советских военнослужащих. Так, в декабре 1941 г. Управление НКВД СССР по делам военнопленных и интернированных (далее – УПВИ НКВД СССР) подготовило «Обращение группы немецких военнопленных в Международный Красный Крест». В январе 1942 г. еще один документ такого рода – «Протест немецких военнопленных» – был направлен в МККК[1].

К моменту перелома в войне в 1942 – 1943 гг. появилась еще одна возможность договоренности о военнопленных. Советский Союз, который имел к этому времени больше немецких пленных и который решил поступить иначе, чем правительство Германии, то есть использовать это обстоятельство в политических целях, разрешил части военнопленных послать письма своим родственникам в Германию.

В ноябре 1942 г. советский посол в Анкаре передал сначала 390 открыток, а позднее еще 190. До конца 1943 г. МККК было переправлено в Германию около 6000 открыток частично через главное командование вермахта, частично через немецкий комитет Красного Креста. Из этого числа 3000 открыток были доставлены адресатам. Так случилось из-за того, что в это время происходила передача службы цензуры писем от вермахта к полиции (декабрь 1942 г.). Сбой в работе на несколько недель обусловил «пробел в цензуре»[2].

После Сталинградской битвы стало очевидным, что война приняла затяжной и кровопролитный характер. В связи с этим свое слово в защиту «узников войны» попытался сказать Ватикан. В апреле 1943 г. папа Пий XII

---

[1] Конасов В. Б., Терещук А. В. К истории советских и немецких военнопленных. С. 68.
[2] Штрайт К. Они нам не товарищи // Военно-исторический журнал. 1994. № 4. С. 34.

поручил титулярному архиепископу Дж. Ронкалли, занимавшего в то время пост апостолического делегата в Турции, встретиться в Анкаре с Виноградовым. Последний, однако, заявил, что правительство СССР отныне не придает значения любого рода сообщениям о судьбе советских военнопленных в Германии, ибо рассматривает их как предателей. Опрометчивые высказывания на этот счет допускала и посланник СССР в Швеции А. М. Коллонтай. Кулуарная информация просачивалась в зарубежную прессу, становилась объектом пропаганды против Москвы со стороны Берлина.

Между тем вскоре отношения СССР с МККК были прерваны. В декабре 1943 г. в Харькове состоялся судебный процесс над тремя военнослужащими вермахта и одним гражданином СССР. 18 декабря был объявлен приговор – смертная казнь за убийство мирных жителей всем четверым, которая и была публично совершена на одной из площадей освобожденного от оккупантов города. В прессе, в среде мировой общественности этот судебный процесс вызвал противоречивые оценки.

С одной стороны, всеми советскими и многими зарубежными деятелями и судебный процесс, и вынесенный приговор были квалифицированы как торжество и триумф международного права.

С другой стороны, в иностранной прессе, в частности в британской, была озвучена идея проведения подобных судов в послевоенный период дабы избежать необъективности. При этом МККК в «Обращении к правительствам воюющих стран» напоминал, что практика привлечения к судебной ответственности противоречит Женевской конвенции. Можно было соглашаться или не соглашаться с такой позицией МККК, отстаивать свою точку зрения, но Москва поступила иначе – всякие контакты с МККК были прекращены[1].

Впрочем, разрыв в отношениях СССР и МККК к тому времени уже не

---

[1] Когда убивает государство…Смертная казнь против прав человека. М., 1989. С. 71.

мог что-либо кардинально изменить в судьбах советских военнопленных в Германии и немецких военнопленных в СССР. Международно-правовые формальности, как считали и в Берлине, и в Москве, исчерпали себя еще в 1941 г.

По существу все действия МККК не имели успеха. Советский Союз и Германия не проявили должного интереса к проблемам плена и отношения к военнопленным.

В реальности судьба военнопленных зависела не от международных соглашений, а от внутренних документов воюющих сторон. При этом следует еще раз подчеркнуть: Германия, подписавшая Гаагскую и Женевскую конвенции, совершенно не соблюдала их требований в отношении советских военнопленных, а Советский Союз, не подписавший их, следовал им в течение всей войны.

Таким образом, оценивая роль МККК, делаем вывод, что с одной стороны благодаря этой организаций начался переговорный процесс между Германией и СССР по вопросам о положении пленных, МККК в частности взял на себя посредничество в этом процессе. Однако каких-либо видимых результатов добиться не удалось, и наблюдались нарушения международных конвенций в отношении военнопленных.

1.2. Политика руководства нацистской Германии по отношению к советским военнопленным

Политика нацистского правительства в отношении советских военнопленных сложилась уже в ходе разработки плана нападения на Советский Союз. В «Директивах Верховного командования Вермахта об уничтожении политических комиссаров и функционеров Красной Армии» от 6 июня 1941 г. закреплялось следующее: «в борьбе против большевизма не обращаться с военнопленными с точки зрения человечности и по нормам

международного права, так как от политических комиссаров всякого рода как от собственных носителей сопротивления нужно ожидать полное ненависти, жестокое и нечеловеческое обращение с нашими пленными»[1]. Указанная директива позднее дополнилась приказом № 8 от 17.07.1941 г. начальника полиции безопасности и службы безопасности Р. Хайдриха «О задачах оперативных групп и полиции безопасности в лагерях военнопленных»[2]. В нем закреплялись основные задачи этих групп, которым предписывалось выявлять и отбирать евреев и коммунистов в лагерях для военнопленных на оккупированной территории Польши, Восточной Пруссии и СССР. «Оперативные группы (айнзацгруппы) должны проводить перепроверку военнопленных для выявления среди них всех значительных функционеров государства и партии, в частности, функционеров Коминтерна, всех авторитетных работников КПСС, всех народных комиссаров и их заместителей, всех бывших политических комиссаров в Красной Армии, советских интеллигентов, всех евреев, всех людей, принадлежащих к подстрекателям или фанатичным коммунистам»[3].

В соответствии с приказом от 21.07.1941 г. начальника гестапо Мюллера в лагеря для советских военнопленных командировались карательные отряды, которые вплоть до конца войны занимались выявлением «подозрительных элементов» и их уничтожением. Этот приказ держался в строжайшем секрете. 26 августа 1941 г. представители штаба 16-го армейского корпуса отправили в Верховное командование сухопутных сил письмо с сомнениями по поводу неэффективности упоминаемого приказа[4].

Данный приказ дал обратный эффект и привел к усилению сопротивления среди советских солдат. Однако никаких изменений об

---

[1] Мельников Д. Е., Черная Л. Б. Империя смерти. С. 351.

[2] Кокебаева Г. К. Нормативные документы официальных властей Германии об обращении с советскими военнопленными [Электронный ресурс] // URL: http://www.rusnauka.com/10_NPE_2008/Istoria/29506.doc.htm (дата обращения: 10.01.2020).

[3] Мельников Д. Е., Черная Л. Б. Империя смерти. С. 353 – 355.

[4] Документы обвиняют. Сборник документов о чудовищных преступлениях немецко-фашистских захватчиков на советской территории. М., 1945. С. 30.

ослаблении приказа принято не было в связи с тем, что фюрер категорически отказывался «от любого изменения изданных до сих пор приказов об обращении с политическими комиссарами»[1]. Лишь после того, как немецкая армия понесла огромные потери в конце 1941 – начале 1942 гг., руководство решило принять новый приказ (6 мая 1942 г.), которым гарантировалось «сохранение жизни» комиссарам Красной армии и советским политическим руководителям. Это решение преследовало цель увеличения числа перебежчиков и числа капитулирующих советских подразделений.

Приказ Главнокомандующего Вермахтом № 25/41 от 16.06.1941 г. регулировал обращение с военнопленными вследствие осуществления плана «Барбаросса»[2]. Первый раздел содержит организационные моменты, закрепляет сферы ответственности между Главным штабом Вермахта и Верховным командованием сухопутных сил, закрепляет организацию и функционирование приемных и постоянных лагерей для советских пленных. Второй раздел прописывает непосредственные правила содержания советских военнопленных и обращения с ними. Акцент в приказе делается на идеологическое противостояние между национал-социализмом и большевизмом: «Большевизм – смертельный враг национал-социалистической Германии. Поэтому необходимо проявлять по отношению к военнопленным Красной Армии крайнюю осторожность и повышенную бдительность... ...Противник не признал Женевскую конвенцию о содержании военнопленных от 27.07.1929. Несмотря на это она составляет основу для обращения с военнопленными»[3]. Отмечалось использование военнопленных в работах, которые обеспечивали нужды войск, за работу пленным не платили, труд пленных офицеров и санитарного персонала так же был бесплатным; сведения о военнопленных не передавались в Центральное справочное бюро; нормы питания военнопленных

---

[1] Мельников Д. Е., Черная Л. Б. Империя смерти. С. 364.
[2] Минасян М. Н. Международные преступления третьего рейха. С. 136.
[3] Минасян М. Н. Международные преступления третьего рейха. С. 224.

фиксировались в дополнительном приказе; штрафные санкции для военнопленных были не только в виде наказаний, предусмотренных международными конвенциями. Исходя из перечисленных моментов, очевидно, что приказ противоречил всем нормам Женевской конвенции, и закрепленное в нем положение об отношении к военнопленным в соответствии с ними носило лишь декларативный характер.

Распоряжением № 3058/41 Верховного командования Вермахта об обращении с советскими военнопленными от 8.09.1941 г. утверждалась «Памятка по охране советских военнопленных». Так же в приложение помещался перевод на немецкий язык «Положения о военнопленных» (утверждено постановлением ЦИК и СНК СССР от 1.07.1941 г.). В «Памятке...» в очередной раз закреплялось идеологическое противостояние большевистского Советского Союза и нацистской Германии: «Большевизм – смертельный враг национал-социалистической Германии. Впервые в этой войне перед немецким солдатом находится враг, обученный не только в военном, но и в политическом смысле, который видит в коммунизме свой идеал, а в национал-социализме – своего злейшего врага... Советский солдат, даже попавший в плен, как бы безобидно он внешне не выглядел, будет пользоваться любой возможностью, чтобы выместить свою ненависть ко всему немецкому»[1]. После этой вступительной части шли указания лагерным охранным командам:

1. Наказание без промедление за малейший протест и неповиновение.

2. Не допустить взаимодействие каких-либо гражданских лиц с военнопленными, применять оружие при необходимости, даже против гражданских лиц.

---

[1] Отрывок из распоряжения верховного командования вермахта об обращении с советскими военнопленными с приложенной «Памяткой по охране советских военнопленных» от 08.09.1941 г. [Электронный ресурс] // URL: http://pamyiat.narod.ru/plennie.htm (дата обращения: 08.01.2020).

3. Охранники обязаны находиться на расстоянии выстрела от военнопленного, чтобы в любой момент при необходимости применить оружие.

4. Мягкое отношение не предусматривалось даже в отношении хорошо работающих и послушных военнопленных[1].

Однако не все военные руководители были согласны с принятым распоряжением. Начальник военной разведки В. Канарис 15 сентября 1941 г. направил начальнику Верховного командования Вермахта генерал-фельдмаршалу В. Кейтелю докладную записку, в которой указывал на несоответствие п. 1 распоряжения имеющейся военной концепции: «Женевское соглашение о военнопленных не действует между Германией и СССР, но действуют основные принципы международного права об обращении с военнопленными. В них еще с 18-го столетия констатировалось, что военный плен не является ни местью, ни наказанием, а применяется лишь с единственной целью предотвратить дальнейшее участие военнопленных в боевых действиях. Этот принцип развивался в связи с действующим во всех армиях представлением, что убийство или ранение безоружных противоречит военной точке зрения; одновременно он соответствует интересу каждой воюющей стороны, поскольку они знают, что их собственные солдаты в случае взятия в плен будут защищены от жестокого обращения»[2]. Данный документ содержит рукописные замечания Кейтеля: «Размышления соответствуют солдатским понятиям о рыцарской войне! Здесь речь идет об уничтожении мировоззрения. Поэтому я одобряю эти меры и поддерживаю их». Канарис отмечал, что при сравнении двух текстов («Памятки по охране советских военнопленных» и «Положения о военнопленных») перевес будет в пользу второго: «В приложении 2 дается перевод русского указа о военнопленных, который соответствует основным положениям общего международного права и Женевскому соглашению о

---

[1] Ромашкин П. С. Преступления против мира и человечества. С. 265.
[2] Кожевников Ф. И. Великая Отечественная война СССР. С. 365.

военнопленных. …Если и трудно предположить, что русский указ будет соблюдаться в русской части Советского Союза, то нельзя отрицать опасности того, что немецкое постановление будет подхвачено вражеской пропагандой и будет противопоставлено этому советско-русскому указу»[1]. Канарис высказывает мнение об отрицательном преобладании политических мотивов при обращении с советскими военнопленными, так как это ограничивает возможность их использования на различного рода работах на оккупированных территориях.

Министерство по делам оккупированных восточных областей высказывало следующую позицию относительно условий содержания советских пленных:

1. Из-за того, что война приняла затяжной характер обращение с военнопленными противника скажется на настроение советских бойцов.

2. Немецкое правительство планирует и в послевоенное время использовать территорию СССР для реализации своих экономических целей, а в этом им должно было помочь местное население.

3. Большевизм подлежит искоренению, способствовать этому будут вернувшиеся на Родину военнопленные, познавшие «хороший» национал-социализмом на собственном опыте, и пропагандируя его «пользу» среди советского населения. Не смотря на все высказанные замечания по поводу распоряжения никаким образом не повлиял на проводимую нацистскими властями политику в отношении советских военнопленных.

Все документы, принятые Верховным командованием Вермахта по вопросам содержания пленных западных стран кардинально отличались от подобных документов, касающихся советских военнопленных. В качестве примера, рассмотрим приложение к «Памятке по охране военнопленных» «Группы I с», функционировавшей на территории Северной Франции и Бельгии. В нем зафиксированы предписания по обращению с

---

[1] Там же.

военнопленными: неприемлемыми считались как чрезвычайная жесткость , так и товарищество; запрещалось забирать солдатскую книжку и личное имущество пленника, срывать ярлыки и знаки отличия; диктовалось сдерживание и сохранение чести немецкого солдата[1].

Документы немецкого командования, касающиеся советских военнопленных, в первые месяцы войны были направлены на их тотальное уничтожение. После успешных контрнаступательных операций советских войск ситуация изменилась, что получило отражение и в нормативных документах. Промышленность Германии претерпевала трудности, не хватало рабочей силы, решить эту проблему пытались за счет советских военнопленных. Приказ № 003150/41 от 24.12.1941 г., подписанный главой Верховного командования Вермахта В. Кейтелем, начинается со слов: «В связи с необходимостью увольнения из военных предприятий значительного количества освобожденных до сих пор от службы солдат для отправки на фронт важное значение приобретает трудоиспользование советских военнопленных»[2].

Секретным приказом № 389/4224 от 24.03.1942 г. Верховного командования Вермахта были изменены правила содержания советских военнопленных. Повсеместно в лагерные охранные команды направили новую памятку, получившую название «Правильное обращение с советскими военнопленными». В ней уже предписывалось терпимое отношение к советским пленным, использующихся в качестве бесплатной рабочей силы в германской промышленности. Членам лагерной охраны предписывалось, что они как «дисциплинированные и всегда справедливые национал-социалисты» должны изображать образцовый пример поведения по сравнению с «необузданным советским человеком, который знает только террор, но не справедливость»[3].

---

[1] Кожевников Ф. И. Великая Отечественная война СССР. С. 366.
[2] Ромашкин П. С. Преступления против мира и человечества. С. 266.
[3] Ромашкин П. С. Преступления против мира и человечества. С. 267 – 268.

Итак, Германия не соблюдала нормы международного права в отношении военнопленных, являющихся для нее лишь средствами политической, идеологической и вооруженной борьбы. Нормативно-правовые акты гражданского и военного правительств Третьего Рейха об условиях содержания военнопленных и обращения с ними напрямую завесили от изменений официальной государственной политики в ходе ВОВ. Так, на начальном этапе войны она отличалась особой жестокостью по отношению к советским военнопленным.

1.3. Массовое пленение красноармейцев в оценках советского руководства

В основе политики советского государства в области военного плена лежал классовый принцип. Отказ подписывать Женевскую конвенцию о военнопленных от 27.07.1929 г. СССР мотивировал ее буржуазной направленностью и милитаристским характером. Данный документ даже не публиковался, печатались только его негативные комментарии.

По аналогии с Женевской конвенцией был разработан так называемый «Кодекс военного плена». Он основывался на двух постулатах:

1) условия содержания и обращение с военнопленными в СССР должны быть никоим образом не хуже, чем закрепленные в Женевской конвенции;

2) этот документ не должен быть противоречить нормам и принципам советского права (например, равенство всех пленных в правах независимо от национальности и т.д.).

Итогом работы стало Положение о военнопленных, утвержденное постановлением Центрального исполнительного комитета (далее – ЦИК) и Совета народных комиссаров (далее – СНК) 19 марта 1931 г. Действовало оно исключительно на территории СССР и было построено на гуманном

отношении к пленным как и Женевская конвенция[1]. Помимо основных общих положений были разработаны и новые. Например, закреплялись политические права военнопленных из рабочего класса или беднейшего крестьянства (ст. 10), существовал запрет носить знаки отличия (ст. 18), предполагалось организовывать лагерные комитеты для выражения интересов солдат (ст. 14). Был учрежден специальный орган, регулирующий вопросы размещения и содержания военнопленных, – Центральное управление по делам о пленных и беженцах (далее – Цупленбеж)[2].

Надо, однако, сказать, что в разные периоды войны политика партии в отношении пленных была неодинаковой.

В 1941 – 1942 гг. партия делала отчаянные усилия, чтобы нейтрализовать возможный антикоммунистический заряд. И организацию расправы над немецкими военнопленными в этом смысле надо считать удачей: она не только привела к немедленной ответной жестокости, но имела долго действующие последствия, так как немцы в директивном порядке ужесточили отношение к пленным.

В первые дни войны, еще до приказа № 270, для уничтожения пленных применялась авиация. Конечно, свидетельских показаний было немного. Вот что пишет И. Лугин: «Советские самолеты сбрасывали не только бомбы на колонны советских военнопленных, но и листовки: «Изменникам Родины – с приветом!»[3]. К этой же категории преступлений следует отнести взрыв госпиталей в Инкерманских штольнях при оставлении Севастополя.

С первых дней ВОВ все гражданские лица и военнослужащие, даже недолгое время пребывавшие за линией фронта, попадали под подозрение. Все кадровые анкеты теперь содержали вопрос: «Были ли Вы или Ваши родственники на оккупированной территории?». Любой пересекший линию

---

[1] Постановление ЦИК и СНК СССР № 46 Об утверждении проекта Постановления ЦИК и СНК СССР «Положение о военнопленных» от 19.03.1931 г. // Военнопленные в СССР. 1939 – 1956. Документы и материалы. С. 59 – 63.

[2] Дугас И. А., Черон Ф. Я. Вычеркнутые из памяти. С. 108.

[3] Дугас И. А., Черон Ф. Я. Вычеркнутые из памяти. С. 123 – 124.

фронта обязан был пройти фильтрацию через Особые отделы НКВД.

Все статьи Уголовного кодекса (далее – УК) о воинских преступлениях были обвинительными. Военнослужащих, пробиравшихся малыми группами или по одиночке на соединение с различными частями РККА, судили по ст. 193-7, 193-8, 193-9 УК РСФСР, то есть как за самовольное оставление части или места службы, за побег из части, за самовольное оставление части в боевой обстановке[1].

Большая часть офицеров, вышедших из окружения, была осуждена военным трибуналом по ст. 193-21 за «самовольное отступление начальника от данных ему для боя распоряжений, в целях способствования неприятелю»[2]. Широко распространялась практика заочных судов над военнослужащими, пребывающими за линией фронта, они квалифицировались в изменников Родины. Основанием для принятия подобного решения могли быть абсолютно любые оперативные сведения о ведении военнослужащими якобы антисоветской деятельности. Приговор выносили без какой-либо дополнительной проверки, лишь на основании имеющегося заявления.

Например, в августе 1941 г. по линии органов безопасности И. В. Сталин получил информацию о добровольной сдаче в немецкий плен двух генералах и их «работе» на врага. Этими генералами были командующий 12-й армией генерал-лейтенант Понеделин П. Г. и бывший командующий 28-й армией генерал-лейтенант Качалов В. Я. Сталиным была наложена резолюция: «Судить». Два генерал-лейтенанта в октябре 1941 г. были заочно осуждены по ст. 265 Уголовно-процессуального кодекса (далее – УПК) и приговорены к расстрелу «с конфискацией лично им принадлежащего имущества и ходатайством о лишении наград – орденов Советской Союза»[3].

---

[1] Коренюк Н. «Пленные нам не нужны…» // Смена. 1990. № 2. С. 91.

[2] Судьба военнопленных и депортированных граждан СССР. Материалы Комиссии по реабилитации жертв политических репрессий // Новая и новейшая история. 1996. № 2. С. 94.

[3] Волкогонов Д. А. Триумф и трагедия. В 2-х кн. Кн. 2. Барнаул, 1990. С. 49.

Владимир Яковлевич Качалов погиб 4 августа 1941 г. от прямого попадания снаряда. Но до 1956 г. оставшиеся в живых члены его семьи считались родственниками «предателя Родины». Судьба Павла Григорьевича Понеделина отличалась еще большей драматичностью. В августе 1941 г., попал в окружение, где был тяжело ранен и, находясь без сознания, попал в плен. Четыре года он находился в гитлеровских лагерях, но не был сломлен. Он категорически отказывался от сотрудничества с фашистами. Будучи освобожденным и репатриированным после войны, П. Г. Понеделин был арестован советскими властями и отправлен в лагерь на пять лет, хотя еще в 1941 г. был приговорен заочно к смерти. На ходатайство П. Г. Понеделина лично И.В. Сталину ему ответили новым судом 25 августа 1950 г., который его еще раз приговорил к расстрелу. Дважды приговоренный к расстрелу, перенесший ужас гитлеровских и сталинских лагерей, генерал-лейтенант П.Г. Понеделин был лишен жизни только из-за попадания в плен в бессознательном состоянии[1].

Совместным приказом НКГБ, НКВД и Прокурора СССР от 28.06.1941 г. члены семей осужденного изменника Родины привлекались к ответственности через Военные трибуналы или Особые совещания НКВД СССР. Специальный документ регламентировал порядок их ссылки в отдаленные районы[2].

Постановление ГКО от 16.07.1941 г. и приказ Наркома обороны Сталина № 270[3] от 16.08.1941 г. ужесточили репрессии в отношении указанных категорий населения и разрешили внесудебные расправы. Для реализации этих документов в дальнейшем были приняты разнообразные инструкции НКГБ и НКВД, предоставлявшие неограниченные права советским карательным органам по привлечению к уголовной ответственности несовершеннолетних членов семьи «изменников Родины»,

---

[1] Там же. С. 53 – 54.
[2] Ерин М. Е. Советские военнопленные в Германии в годы Второй мировой войны. С. 142.
[3] Приказ № 270 от 16 августа 1941 г. // Военно-исторический журнал. 1988. № 9. С. 26 – 28.

ареста и ссылки их в отдаленные местности СССР.

Отметим, что известен Приказ Наркома Обороны СССР № 227 от 28.07.1942 г. Но этот, приказ № 270, «приказ отчаяния», как называют его в литературе, был издан почти на год раньше. Считается, что его автором был лично И. В. Сталин. Он был принят с целью стабилизации линии фронта и не допущения разгрома Красной армии[1].

Смысл данного приказа сводился к тому, чтобы «расстреливать безжалостно дезертиров, бойцов, сдающихся в плен. А если они решатся на сдачу, пусть знают, что их семья будет вынуждена испить самую горькую чашу»[2]. Хотя он и был составлен лично Сталиным, свою подпись были вынуждены поставить все члены Ставки ВГК: В.М. Молотов, С.М. Буденный, К.Е. Ворошилов, С.К. Тимошенко, Б.М. Шапошников, Г.К. Жуков.

24 июня 1942 г. ГКО конкретизировал приказ своим постановлением. В соответствии с ним арестовывались и ссылались в отдаленные районы на срок до пяти лет отец, мать, муж, жена, сыновья, дочери и сестры, если они жили совместно с «изменником Родины» или находились на его иждивении к моменту мобилизации в армию в связи с началом войны.

В постановлении говорилось, что «применение репрессий в отношении членов семей, перечисленных в п.п. 1 и 2 (следует перечень, в том числе семьи военнопленных), производится органами НКВД на основании судебного приговора судебных органов или решений Особого совещания при НКВД СССР»[3]. Но надо отметить, что на практике эти жестокие меры применялись редко: списками советских военнопленных советское руководство не располагало, из воинских частей сообщения о пленении того или иного бойца в военкоматы практически не направлялись, и у местных органов данных, необходимых для принятия санкций по отношению к

---

[1] Выдержки из приказа народного комиссара обороны Союза ССР № 227 // Хрестоматия по истории СССР. Учеб. пособ. М., 1991. С. 521.

[2] Там же.

[3] Волкогонов Д. А. Триумф и трагедия. Кн. 2. С. 56.

семьям, обычно не было.

Совершенно очевидно, что во время войны установить, кто и при каких обстоятельствах попал в плен, зачастую было совершенно невозможно. Таким образом, все оказавшиеся в плену по самому этому факту подозревались в измене со всеми вытекающими отсюда последствиями для них и их семей. По существу приказ № 270 и был той юридической базой, на основе которой определялся статус советских военнопленных у себя на родине как в период ВОВ, так и многие годы после нее.

Вышедшие из окружения военнослужащие и пересекшие линию фронта военнообязанные из состава гражданских лиц проходили обязательную фильтрацию, после которой распределялись в тыловые части для пополнения, зачастую трудовой армии (общим численностью до 300 тысяч человек). Эти армии строили военно-промышленные объекты, в частности Челябинский металлургический комбинат, Куйбышевский авиационный завод и др. Режим содержания мало чем отличался от режима содержания заключенных исправительно-трудовых лагерей.

Постановление ГКО от 27.12.1941 г. декларировало организацию сборно-пересыльных пунктов (далее – СПП) в армейском тылу для выявления и поиска изменников Родины среди военнослужащих РККА, побывавших в плену или выбравшихся из окружения противника (они стали именоваться «бывшими военнослужащими Красной Армии»), диверсантов и шпионов.

В критические дни бегства из Ростова и отступления к Волге издается уникальная директива № 227 «О мерах по укреплению дисциплины и порядка в Красной Армии и запрещении самовольного отхода с боевых позиции» от 28 июля 1942 г. – об образовании штрафных батальонов[1].

Сталин И. В. лично разрешил организацию спецлагерей НКВД для «проверки» военнослужащих, выходящих из окружения или побывавших в

[1] Выдержки из приказа народного комиссара обороны Союза ССР № 227 // Хрестоматия по истории СССР. Учеб. пособ. М., 1991. С. 521.

плену. И в первый, да и во второй периоды войны они создавались в немалом количестве.

«Товарищу Берия Л.П. Против организации 3-х лагерей НКВД для проверки отходящих частей возражений не имеется. 28.8.42 г. 3 часа 35 мин. И. Сталин»[1].

В 1942 г. появились 22 новых лагеря на территории Воронежской, Курской, Рязанской, Тамбовской, Вологодской и других областей, помимо имевшегося Южского спецлагеря. Ими «обслуживались» разные участки фронта.

Нарком Внутренних Дел СССР Л. Берия принял «Временную инструкцию о порядке содержания в специальных лагерях НКВД бывших военнослужащих Красной Армии, находившихся в плену и в окружении противника» (13 января 1942 г.)[2].

Главным органом, в ведении которого находилась организация спецлагерей, стало Управление НКВД СССР по делам военнопленных и интернированных (далее – УПВИ НКВД СССР). Теперь личный состав Красной Армии, побывавший в окружении или в плену, позиционировался как пленные солдаты армии противника. В реальности спецлагеря были военными тюрьмами строгого режима, большей частью для заключенных, в подавляющем большинстве не совершавших никаких преступлений.

Помимо этого приказ И. В. Сталина от 01.08.1942 г. требовал к 25 августу собрать в спецлагеря НКВД всех бежавших из кратковременного плена и прибывших к своим, попавших в окружение и не воевавших в партизанских отрядах, для формирования штурмовых стрелковых батальонов, которые направлялись на опаснейшие участки фронта.

Крупные потери Красной Армии в первые военные месяцы повлияли на внесение корректировок в репрессивную политику СССР. В январе 1943 г.

---

[1] Волкогонов Д. А. Триумф и трагедия. Кн. 2. С. 65.

[2] Галицкий В. П. Проблема военнопленных и отношение к ней Советского государства // Советское государство и право. 1990. № 4. С. 124.

было принято решение, что командующие фронтов после соответствующей фильтрации «бывших военнослужащих Красной Армии» в СПП могли их использовать для пополнения армии. Так же карательные органы должны были искать так называемых «сомнительных лиц», которые так же подлежали репрессиям.

Полковник И. А. Ласкин в августе 1941 г., выходя из окружения под Уманью, был задержан вместе с двумя офицерами и опрошен немецким унтер-офицером. Через несколько часов им удалось бежать и присоединиться к Красной Армии. Зная о работе особых отделов, они по дороге договорились скрыть факт задержания. В 1943 г. уже генерал-лейтенант И. А. Ласкин принимал в Сталинграде капитуляцию фельдмаршала Паулюса. Он был награжден многими советскими орденами, а также американским крестом «За боевые заслуги». Однако весной 1943 г. его арестовали. Основываясь на сокрытии им факта задержания немцами. Его обвинили в измене Родине и шпионаже. Почти девять лет длилось следствие по его делу. Перерывы между допросами составляли несколько лет. В 1952 г. его приговорили к пятнадцати годам исполнительно-трудовых работ[1].

В феврале 1942 г. батальонный комиссар С. В. Гершман (59-я армия Северо-Западного фронта), проезжая вместе с группой офицеров вблизи линии фронта, неожиданно столкнулся с офицером немецких автоматчиков. После короткого боя трех человек, оставшихся в живых, немцы взяли в плен. Спустя три дня Гершману и его товарищам удалось бежать. Когда он вышел в район расположения советских войск, то был немедленно арестован и приговорен к десяти годам исправительно-трудовых лагерей.

В январе 1943 г. молодой красноармеец Дьяков Г. Т. уснул на привале, отстал от своего подразделения и случайно попал к немцам. Через несколько дней он бежал и прибыл в свою часть. Спустя две недели Военный трибунал 33-й гвардейской стрелковой дивизии осудил Дьякова к десяти годам

---

[1] Судьба военнопленных и депортированных граждан СССР. С. 98.

лишения свободы в исправительно-трудовом лагере. Он обвинялся в измене Родине, шпионаже[1].

В 1943 – 1945 гг. отношение к пленным изменилось. Военные потери были огромны, и пленных стали рассматривать как резервуар рабочей силы, необходимой для восстановления разрушенной страны.

Таким образом, анализ нормативно-правовой документации подтверждает наличие большого внимания к проблемам военного плена в законодательстве СССР 1930-х – 1940-х гг.: были утверждены положения о пленных от 19.03.1931 г., 20.09.1939 г., 01.07.1941 г., принят комплекс различных инструкций, директив и приказов. Основополагающим документом стало Положение о военнопленных, утвержденное постановлением СНК СССР 01.07.1941 г..

[1] Галицкий В. П. Проблема военнопленных... С. 128.

ГЛАВА 2. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ПЛЕНЕНИЯ И УСЛОВИЯ СОДЕРЖАНИЯ СОВЕТСКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ В КОНЦЛАГЕРЯХ

2.1. Обстоятельства пленения и проблема численности советских военнопленных

Война без пленных не бывает, плен – печальная необходимость войны. Во время ВОВ плен стал массовым явлением и приобрел поистине колоссальные размеры, воевавшие стороны взяли в плен, по некоторым данным, около 35 млн. солдат и офицеров противника.

Английский историк А. Даллин заявлял, что к 1 мая 1944 г. насчитывалось 5 163 381 советских военнопленных. Его подсчет был основан на документах ОКВ. Это число не является окончательным в связи с тем, что до конца ВОВ оставался еще год. Западногерманский ученый Ганс Адольф Якобсен, также базируясь на документы ОКВ, называет цифру в 5,7 млн. чел. на момент окончания войны. В более позднем исследовании К. Штрайта указана цифра 5 734 520 чел. (на 1 февраля 1945 г.). Именно указанная цифра в округленном виде – 5,7 млн. является общепринятой в зарубежной историографии[1].

Отечественные историки оспаривают указанную выше цифру. Докладная записка «О потерях личного состава Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 гг.»[2], составленная специальной комиссией во главе с генералом армии М. А. Гареевым, называет цифру 4 559 тыс. человек пропавших без вести и попавших в плен. Из этого количества после освобождения вновь было призвано в армию 939 700 человек, 1 836 тыс. возвратились из плена после завершения войны, а 673 тыс. (исходя

---

[1] Мухамеджанов М. М. Советские и германские военнопленные в годы Второй мировой войны (сравнительный анализ численности) // Знание. Понимание. Умение. История и современность. 2012. № 3. С. 168.

[2] Цифры, которых мы не знали // Новое время. 1990. № 24. С. 37.

из немецких данных) погибли в плену[1]. Получается, что верные данные есть только о 3 448 500 пленных. Неизвестной оставалась судьба 1 110 500 военнослужащих. В соответствии с этими сведениями в плену у немцев находилось около 4 млн. военнослужащих Красной армии[2].

Заместитель начальника Военно-исторического центра Генштаба Министерства обороны РФ В. В. Мухин заявлял о завышенных цифрах в донесениях ОКВ. Так, немецкое руководство заявило о пленении 668 тыс. чел. в сентябре 1941 г. под Киевом, что весьма сомнительно, так как численность армий Юго-Восточного фронта составляла 627 тыс.[3]

Завышение данных связано с включением в число военнопленных гражданских лиц, находившихся на окруженной территории: служащие советских учреждений, руководители парторганов, хозяйственных ведомств, работники медицинских служб и т. д.

Статистика советских органов так же не является объективной, так как армейские командиры зачастую занижали численность попавших в плен. Имеющиеся документы не дают нам сведений о точном количестве советских военнопленных, побывавших в немецких лагерях. Мы предполагаем, что данные немецких историков более достоверны.

М. И. Семиряга указывал следующие причины пленения советских солдат (особенно в первые месяцы войны): отсутствие оружия и патронов для защиты; отсутствие информации об окружающей обстановке и растерянность в сложившихся боевых условиях; страх ответственности перед вышестоящим начальством; боязнь смерти в случае продолжающегося сопротивления; непризнание советского строя, а также обиды, причиненные этим строем[4].

Трагической оказалась судьба как тех, кто бежал из кратковременного плена и прибыл к своим, так и тех, кто попал в окружение и не воевал в

---

[1] Цифры, которых мы не знали. С. 37 – 38.
[2] Там же. С. 38.
[3] Мухамеджанов М. М. Советские и германские военнопленные… С. 168 – 169.
[4] Семиряга М. И. Судьбы советских военнопленных. С. 21.

партизанских отрядах. Их собирали в спецлагеря НКВД и формировали из них штурмовые стрелковые батальоны, а затем направляли на самые опасные участки фронта. Разумеется, с помощью такого рода мер нельзя было предотвратить пленение советских воинов.

Волкогонов Д. А. подробно описывает катастрофу первых дней войны. Он считает, хотя высшее политическое и военное руководство было предупреждено по различным каналам о предстоящем нападении фашистской Германии, они не сделали очевидного: приведения в боевую готовность приграничных войск. Директива № 1 «О задачах политической пропаганды в Красной Армии на ближайшее время» опоздала как минимум на сутки[1].

Большая часть дивизий была поднята по тревоге уже во время начавшихся бомбардировок и артиллерийских налетов немецких войск. Выдвинувшиеся советские части, встречая танковые колонны немцев, оказывались вынужденными вступать в бой без подготовки. Первостепенной целью противника стало нарушение связи и паралич управления советских войск, что и было достигнуто. К концу 22 июня немецким подвижным группировкам удалось продвинуться в глубь на 50 – 60 км. Связи не было, обстановка была неясная.

Военная мобилизация на территории многих областей была сорвана. За несколько первых военных дней мы потеряли более 200 складов с горючим, боеприпасами и разнообразным военным имуществом, а также госпитали. Хаос и отсутствие четкого управления резко качнули в сторону деморализации и духовное состояние войск. Оперсводка от 24.06.1941 г. за номером 1 и подписью начальника штаба 4-й армии полковника Л. М. Сандалова, констатирует: «От постоянной и жестокой бомбардировки пехота деморализована, и упорства в обороне не проявляет. Отходящие беспорядочно подразделения… приходится останавливать и поворачивать на

---

[1] Волкогонов Д. А. Триумф и трагедия. Кн. 2. С. 23.

фронт… хотя эти меры, несмотря даже на применение оружия, должного эффекта не дают»[1]. Такова была ситуация, сложившаяся в первые дни ВОВ, в связи с этим неудивительно, что основное количество советских военнослужащих, попавших в плен к немцам, доводится как раз на указанное время.

По подсчетам Ерина М. Е. в немецкий плен попало 5,7 млн. советских солдат, офицеров и генералов, в том числе 3,3 млн. (что составляет 58,7 %) погибло от недоедания и болезней, замерзло, было расстреляно. Для сравнения из 232 тыс. пленных англичан и американцев скончалось лишь 8 348 (что составляет 3,5 %) человек[2]. К началу 1942 г. Вермахт пленил по разным сведениям от 2,5 млн. до 3,3 млн. советских военнослужащих. Из них к концу декабря 1941 г. погибло 2 млн. человек. Самое большое количество акций по истреблению пленных доводится на август – декабрь 1941 г. В большинстве случаев советские солдаты массово пленялись в 1941 – 1942 гг., но имели место и случаи пленения в феврале 1945 г. (например, в Венгрии – 100 тысяч)[3].

В 1941 – 1943 гг. в плен попало 80 советских генералов, из которых 23 погибли, 5 сбежали, 12 перешли к противнику, 37 вернулись на Родину (в правах были восстановлены лишь 26)[4]. Они были заочно приговорены к расстрелу, члены их семей (жены и родители) как изменники Родины были осуждены на разнообразные сроки исправительно-трудовых лагерей или на ссылку в Сибирь.

Относительно общего количества советских пленных постоянно ведутся споры. Й. Хофман насчитал 5,24 млн. человек, из которых погибших было 2,8 млн. (46%). Американец А. Даллин и немец К. Штрайт указывают 5,7 млн. Последний называет цифру умерших – 2,53 млн., А. Даллин – чуть

---

[1] Волкогонов Д. А. Триумф и трагедия. Кн. 2. С. 29.

[2] Ерин М. Е. Советские военнопленные в Германии в годы Второй мировой войны // Вопросы истории. 1995. № 11 – 12. С. 141.

[3] Там же. С. 146.

[4] Ерин М. Е.Военнопленные Второй Мировой войны. Плен – лагерная жизнь – возвращение // Новая и новейшая история. 2007. № 3. С. 243.

меньше – 2,2 млн. В современное время немецкие историки пишут о цифре в 5,7 млн. советских военнопленных[1].

Отечественные историки указывают иные данные. Так, В. И. Козлов пишет о 3,3 млн. умерших в плену на начало 1944 г. В. В. Гуркин и М. А. Гареев говорят о 4 млн. пленных, в том числе о 600 – 673 тыс. погибших, о 1 836 999 вернувшихся на родину и 900 с лишним тысяч призванных в Красную Армию вторично, о 250 тыс. оставшихся в других странах после окончания войны. Они считают цифры 5,2 – 5,7 млн. очень завышенными[2]. Те же самые сведения приводятся в статистическом исследовании «Гриф секретности снят». Отличается только цифра погибших – 1 783 тыс.[3].

С выводами В. В. Гуркина и М. А. Гареева мы не можем согласиться, так как выходит замкнутый круг. Гуркин В.В. дает ссылку на результаты комиссии при Министерстве Обороны СССР (1988 г.) во главе с генералом армии М. А. Гареевым. Он, в свою очередь, использует результаты комиссии 1956 г. по выявлению числа советских пленных. В исследовании «Гриф секретности снят» использованы сведения упомянутой комиссии Министерства Обороны. Ее недостаток в том, она игнорирует выводы зарубежных историков. В книге присутствуют запутанные понятия и противоречия. Не ясно с вязи с чем «пропавшие без вести» объединяются с «пленными», все «оказавшиеся в плену» считаются безвозвратными потерями[4]. Важно понимать, что немецкая сторона отличалась наибольшей информированностью о числе и судьбе советских пленных, а также наиболее совершенной системой их учета.

Следует учитывать тот факт, что советские военнопленные находились

---

[1] Ерин М. Е. Историография ФРГ о советских военнопленных в фашистской Германии // Вопросы истории. 2004. № 7. С. 154, 157.

[2] Гуркин В. В. О людских потерях на советско-германском фронте в 1941 – 1945 гг. // Новая и новейшая история. 1992. № 3. С. 220.

[3] Гриф секретности снят. Потери Вооруженных сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах: Статистическое исследование. М., 1993. С. 35.

[4] Там же. С.193 – 194.

не только по территории всей Германии, но и по территории стран Центральной, Восточной, Западной и Северной Европы. Так, в Польше в начале войны находилось 361 710 пленных, из них к середине апреля 1942 г. умерло 307 816 человек (85,1 %). По приказу Гитлера пленные участвовали в сооружении Атлантического вала. В 1942 – 1943 гг. сформированные «ост-батальоны» – русские, украинские, казачьи, туркестанские – были отправлены в Западную Европу. Во Франции, Голландии и Бельгии для обслуживания береговой обороны и создания укреплений на Атлантическом побережье находилось 60 «ост-батальонов». Всего же на Атлантическом побережье было примерно 30 тыс. советских военнопленных. После открытия второго фронта в июне 1944 г. многие из них попали в руки англичан и американцев. Их стали переправлять в Англию, США и Канаду. В Англии их было около 15 тыс. человек. На 1 февраля 1942 г. 2 597 советских военнопленных находилось в Норвегии. Тысячи пленных использовались в 1944 г. в бельгийских и северофранцузских угольных шахтах[1].

В книге Д. Гернса «Гитлеровский вермахт в Советском Союзе», вышедшей в ФРГ в 1985 г., указаны сведения о числе поступавших военнопленных по годам: в 1941г. – 2 835 тыс., в 1942 г. – 1 653 тыс., в 1943 г. – 585 тыс., в 1944 г. – 147 тыс., в 1945 г. – 34 тыс., т. е. в итоге получается 5 254 тыс. человек[2]. Эта цифра завышена. Исходя из данных Комиссии при Президенте РФ по реабилитации жертв политических репрессий, в плену у немцев оказалось за годы ВОВ 4 млн. 70 тыс. советских граждан: в 1941 г. – 2 млн. (49%), в 1942 г. – 1 млн. 339 тыс. (33%), в 1943 г. – 487 тыс. (12%), в 1944 г. – 203 тыс. (5%), в 1945 г. – 40,6 тыс. человек (1%)[3]. Приведенные цифры мало отличаются от расчетов, сделанных Генеральным штабом – 4

---

[1] Ерин М. Е.Военнопленные Второй Мировой войны. С. 244.

[2] Ерин М. Е. Историография ФРГ о советских военнопленных... С. 157.

[3] Доклад Комиссии при Президенте Российской Федерации по реабилитации жертв политических репрессий о ходе исполнения Закона Российской Федерации «О реабилитации жертв политических репрессий» [Электронный ресурс] // URL: https://alexanderyakovlev.org/personal-archive/articles/7141 (дата обращения: 02.02.2020).

млн. 59 тыс. человек[1].

Точную цифру советских воинов, оказавшихся в плену, установить практически невозможно: учет личного состава в Красной Армии в первый период ВОВ, как и в дальнейшем, был налажен неудовлетворительно. От поименного учета потерь отказались еще в 1942 г. В том же году были отменены так называемые солдатские медальоны, которые и без того имел едва ли не один боец из двадцати. Наконец, командиры и штабы нередко записывали попавших в плен в графу «пропали без вести», ибо за них вышестоящие начальники спрашивали меньше, чем за попавших в плен. Но и такие донесения в условиях быстро меняющейся обстановки, особенно в первый год войны, поступали в Генштаб нерегулярно. Из окруженных частей и соединений они, нередко, вообще не направлялись, документы многих их них вообще не сохранялись, так что судьба тысяч солдат и офицеров неизвестна до сих пор.

Таким образом, в первые месяцы войны на советско-германской линии фронта большое количество советских военнослужащих в следствие разного рода причин попали в окружение. Множество погибло, малые группы выбрались из окружения, некоторые стали партизанами, часть были захвачены в плен из-за катастрофической нехватки провианта, горючего и боеприпасов. Сведения об общем количестве попавших в плен, умерших в прифронтовой зоне и лагерях весьма противоречивы и до сих пор вызывают сомнения в их достоверности.

2.2. Учет, условия содержания и порядок захоронения военнопленных

Обращение нацистского руководства с советскими военнопленными определялось не международными конвенциями, а множеством внутренних

[1] Земсков В. Н. «Статистический лабиринт». С. 23.

директив, приказов, распоряжений и предписаний. Ответственность за судьбу советских военнопленных делили между собой верховное командование сухопутных сил (далее – ОКХ) и верховное командование вермахта (далее – ОКВ), охранные отряды (далее – СС). В пределах рейха часть ответственности за содержание военнопленных несли также имперское министерство труда и группа по использованию рабочей силы Ведомства уполномоченного по четырехлетнему плану. При определенных обстоятельствах на судьбу военнопленного могли серьезно повлиять военная разведка и контрразведка (абвер), служба безопасности (далее – СД) и тайная государственная полиция (гестапо).

В прифронтовой полосе и оперативной зоне глубиной от 250 до 300 км военнопленными занимались подчиненные ОКХ войска, в частности, служба генерал-квартирмейстера. Командующим ОКХ был генерал-фельдмаршал В. Фон Браухич, начальником штаба – генерал-полковник Ф. Гальдер, а генерал-квартирмейстером – генерал-майор Э. Вагнер[1]. Последнему подчинялись комендатуры, а тем, в свою очередь, – комендanты сборных и пересыльных лагерей. В военном отношении – по линии осуществлявших охрану лагерей войск – армейские и пересыльные лагеря – «дулаги» подчинялись командующему тылом.

Захваченные в плен бойцы Красной армии посылались вначале в дивизионные, а затем – в армейские сборные пункты. Лагеря фронтового уровня именовались «фронт-шталагами» (основными фронтовыми лагерями). Потом пленных отправляли в транзитные (пересыльные) лагеря, в которых их «фильтровали» по профессии, национальности и степени лояльности к германским властям. Охрану пленных в сборных пунктах несли подразделения вермахта, а в «дулагах» – специальные охранные дивизии.

ОКХ отвечало за «трудоиспользование» в оперативной зоне и, по соглашению с имперским Министерством труда, за «селекцию»: в Германию

---

[1] Косенко О. Н. Советские военнопленные в Германии. 1944 – 1945 гг. // Военно-исторический журнал. 2006. № 7. С. 22.

должны были направляться только квалифицированные рабочие – металлурги, строители, работники транспорта, лесной промышленности. Сортировка по специальностям должна была осуществляться еще на востоке органами имперского Министерства труда.

На следующем этапе военнопленных ждали стационарные лагеря, находившиеся на оккупированных территориях гражданского подчинения, в частности, в Украине и Прибалтике, а также в Польше (генерал-губернаторстве) и в Германии – уже в ведении ОКВ. Для офицеров это были «офлаги» (офицерские лагеря); в них, как правило, офицеров на ежедневную работу не назначали. Для рядовых и сержантов – «шталаги» (стационарные лагеря для личного состава). Командующим ОКВ на протяжении всей войны был генерал-фельдмаршал В. Кейтель, а начальником штаба ОКВ – генерал-полковник А. Йодль. Военнопленными в ОКВ занимался отдел по делам военнопленных, входивший в состав службы общего руководства армией (АВА), подчинявшейся непосредственно командующему ОКВ. В каждом военном округе имелся так называемый «командир военнопленных» с небольшим штабом.

Служба АВА разработала и издала львиную долю инструкций и распоряжений, касавшихся советских военнопленных. На протяжении всей войны эту службу возглавлял генерал Г. Рейнеке. Отделом АВА по делам военнопленных руководили: полковник и генерал-майор Брейер (1939 – 1941 гг.), генерал-майор фон Грэфениц (январь 1942 – март 1944 гг.) и генерал-майор Вестхофф (апрель – сентябрь 1944 г.)[1]. После вывода отдела по делам военнопленных из состава ОКВ и переподчинения его рейхсфюреру СС Г. Гиммлеру в октябре 1944 г. и до конца войны во главе отдела стоял обергруппенфюрер СС Бергер. В подчинении ОКВ были оставлены только лагеря для военнопленных англичан и американцев. Контролирующую функцию над ОКХ и ОКВ осуществлял главный инспектор по делам

[1] Ерин М. Е. Советские военнопленные в Германии.. С. 145.

военнопленных ОКВ. С момента возникновения этой должности (июнь 1943 г.) и до ее упразднения (декабрь 1944 г.) ее занимал генерал-лейтенант (позднее генерал пехоты) Реттиг. В круг его обязанностей входили: проверка в оперативной и оккупационных зонах вооруженных сил, а также в самой Германии всех учреждений по делам военнопленных; контроль за использованием труда военнопленных (надежность охраны, степень целесообразности работ и т.д.); назначение дисциплинарных и судебных расследований[1].

Ответственность за применение труда военнопленных на территории Третьего рейха ОКВ разделяло с имперским Министерством труда, а с назначением Ф. Заукеля на пост генерального уполномоченного по труду (далее – ГБА) – с подчиненным ему ведомством. Представители ГБА имелись в каждом «шталаге» и занимались, во-первых, дополнительной сортировкой рабочей силы и, во-вторых, ее распределением между потребителями. Следствием этого было назначение рабочих команд и направление их из «шталагов» в рабочие лагеря или в так называемые производственные лагеря фирм. Но где бы военнопленные ни работали и где бы фактически ни проживали, они все равно оставались приписанными к тому или иному «шталагу». Здесь они были зарегистрированы, отсюда они получали приказы и распоряжения.

Таким образом, «шталаги» являлись базовыми лагерями для работающих военнопленных. Их основной ячейкой были так называемые «рабочие команды» – временные трудовые коллективы численностью от 15 до 1000 человек.

Система пленения, регистрации, содержания и использования труда военнопленных была в деталях отработана вермахтом на различных театрах военных действий.

---

[1] Кольга Г. И. Роль и место Верховного командования Вермахта в структуре высшего военного руководства нацистской Германии // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2009. № 6. С. 72.

В Берлине, а с 1943 г. в Тюрингии в г. Майнингене существовала справочная служба вермахта о военных потерях и военнопленных (далее – ВАСт). Наряду с регистрацией потерь германских вооруженных сил, в компетенцию ВАСт входили также учет и регистрация военнослужащих противника, попавших в немецкий плен. В ВАСт имелся специальный отдел, занимавшийся иностранными военнопленными – реферат VIII[1].

Каждого, попавшего в немецкий плен допрашивали и регистрировали. Лагеря для военнопленных и больницы направляли в ВАСт сдвоенные личные карточки, списки прибытия и выбытия, донесения об изменениях контингента, больничные книги, донесения о смерти. Все персональные сведения заносились на три идентичные карточки. Первая карточка предназначалась для ВАСт, вторая – для страны, откуда военнопленный родом, третья – для МККК.

На основании карточек на военнопленных, хранившихся в ВАСт, велись следующие картотеки[2]:

1. Картотеки офицеров. Картотека I велась в Берлине с начала войны до середины 1943 г. Каталожные ящики имели номера зеленого цвета, возле номеров проставлена красная цифра I; на указателях букв – пометка красного цвета: «офл»; каталожные шкафы – под номерами 151 и 152. Картотека II велась в Майнингене с 1943 г. и до конца войны. Каталожные ящики имели красные номера, возле которых проставлена красная цифра II; на указателях букв – пометка синего цвета: «оффц»; каталожные шкафы – под номерами 153 – 155, два ящика – в шкафу 152.

2. Картотеки рядового и сержантского состава. Картотека I в Берлине – с начала войны до середины 1943 г. (ящики – с 1 по 79). Картотека II в Майнингене – с осени 1943 г. и до конца войны (ящики – с 111 по 150). Обе картотеки находились в каталожных ящиках с зелеными номерами, и на

---

[1] Христофоров, В. С. История страны в документах архивов ФСБ России: Сборник статей и материалов. М., 2013. С. 84.

[2] Ильенков С. А., Мухин В. В., Полян П. М. Трофейные немецкие картотеки советских военнопленных как исторический источник // Новая и новейшая история. 2000. № 5. С. 150.

указателях фамилий слева – помета зеленого цвета: «солд».

При изменении статуса военнопленных в ВАСт, помимо соответствующей отметки, направлялось также личное дело военнопленного. Картотека личных дел, за исключением дел умерших, была организована следующим образом[1]:

− Картотека личных дел офицеров. Каталожные ящики имели красные номера; на указателях букв – помета: «оффц» красного цвета; ящики – с 80 по 81.

− Картотека личных дел рядового и сержантского состава. Каталожные ящики с зелеными номерами; на указателях букв помета: «солд» зеленого цвета; ящики – с 82 по 110.

− Картотека личных дел легионеров, т. е. участников «восточных легионов», формировавшихся из представителей национальных меньшинств СССР. Каталожные ящики имели зеленые номера с коричневой полосой внизу; на указателях букв – помета: «лег» зеленого цвета; ящики – с 333 по 337.

Необходимо сказать о том, что же представляла из себя персональная учетная карта военнопленного (см. Приложение 1 – 4)[2]. Командование лагеря на основании изучения документов, показаний военнопленного на допросах заносило в нее фамилию, имя, отчество, дату и место рождения, вероисповедание, у женщин – девичью фамилию матери, национальность, воинское звание, часть, номер роты, гражданскую специальность, личный номер и место пленения.

На карточке отводилось также место для фотографии и отпечатка правого указательного пальца. Кроме того, указывался рост, цвет волос, записывались особые приметы и адрес родственников, которых можно известить на родине о судьбе военнопленного.

На оборотной стороне карточки описывались свойства характера

---

[1] Ильенков С. А., Мухин В. В., Полян П. М. Трофейные немецкие картотеки... С. 151.
[2] Старков О. Ю. Они не сдались // Военно-исторический журнал. 1989. № 12. С. 81.

военнопленного, особые способности, отмечалось знание иностранных языков. Имелась специальная графа «поведение», дополненная целой таблицей с данными о наказаниях: дата, причина, степень наказания и когда оно приведено в исполнение. Зная об условиях содержания советских военнопленных в немецких лагерях, можно сказать, что таблица со сведениями о прививках, заболеваниях, лечебных учреждениях, где находился военнопленный во время болезни, носила чисто пропагандистский характер.

Важное практическое значение имели графы, в которых указывались все перемещения военнопленного из одного лагеря в другой. Особенно часто они заполнялись в карточках тех лиц, которые совершали побеги, отличались явной непокорностью, передавались в гестапо, обрабатывались командованием добровольческих частей с целью склонить их к измене.

Большинство военнопленных выделялось в состав рабочих команд на различные заводы, фабрики, железнодорожные станции, поэтому у каждого из них, как правило, несколько отметок о пребывании в различных лагерях.

ВАСт велись также отдельные картотеки умерших[1]. На лиц, умерших в Германии в лагерях для военнопленных и в составленных из пленных формированиях, сообщения о смерти поступали в ВАСт в виде свидетельств о смерти, удостоверений смерти, донесений списком, личных карточек, больничных карт или четырех зеленых карт (часто – на основании только одного из перечисленных документов). После поступления сообщения о смерти заполнялись две белые карточки: одна – с именем, опознавательным номером, последней заявленной должностью, крестом смерти – для главной картотеки, вторая – для картотеки учета смертных случаев – с указанием учетного номера, под которым хранятся документы; личное дело оставалось в учетной картотеке. Для всех случаев смерти запрашивались в соответствующих инстанциях официальные свидетельства о смерти по месту

[1] Ильенков С. А., Мухин В. В., Полян П. М. Трофейные немецкие картотеки... С. 151.

происшествия, после чего по запросам родственников выдавались свидетельства о смерти.

На людей, умерших и замерзших в лагерях на оккупированной территории, сообщения о смерти поступали в ВАСт в таком же порядке. Случаи смерти сводились в списки умерших. Во избежание многократного учета велась картотека предварительного учета. Кроме того, в главную картотеку заносилась белая карточка с именем, опознавательным номером, последним местом службы и крестом смерти и коричневая карточка из учетной картотеки умерших. Личные карточки прикладывались к коричневой карточке из учетной картотеки.

Но даже при такой системе регистрации учет погибших пленных во многих случаях велся весьма небрежно. В первые недели войны офицерам вермахта было не до строгой отчетности, а донесения о числе расстрелянных и умерших в сборных пунктах и этапных лагерях иногда вообще по команде не направлялись. При таком большом количестве пленных ни о каком персональном учете, естественно, и речи не было, да и в лагерях смерти людей уничтожали партиями, по приблизительному подсчету. Много документов, отражавших расправу над военнопленными, сознательно уничтожено нацистскими военными преступниками, пропало в круговерти войны, растеклось по архивам разных стран.

Есть и положительные моменты ведения картотек, так как введение их в научный оборот открывает новые возможности для увековечения памяти советских воинов, захороненных на немецкой земле. Картотеки очень важны для установления точных мест захоронений советских военнопленных. С помощью картотек можно поименно установить до 80% ранее считавшихся безымянными захоронений советских военнопленных на кладбищах Германии.

Итак, система учета советских военнопленных предусматривала отдельную картотеку, анкетные листы, Книгу учета умерших советских военнопленных, а также внесение сведений о военнопленных в Книги

ежедневных реестров наличного состава.

Согласно ст. 7-й Женевской конвенции 1929 г. с поля боя эвакуировали всех военнопленных, исключение составляли больные и тяжело раненные, пешие марши не могли составлять более 20 км. в сутки. В соответсвии с приказами генерал-квартирмейстера от 03.04.1941 г. и 31.07.1941 г. военнопленных с поля боя предполагалось эвакуировать автотранспортом, который порожняком возвращался из районов боевых действий[1].

Но на самом деле все выглядело иначе. «На окнах были решетки из колючей проволоки. В немецких вагонах не было полок. В дороге нам давали хлеб и воду. Но в очень маленьком количестве, только 200 грамм хлеба и один литр воды на день… Более трех дней терпели мы ужасный запах, духоту, усталость и голод»[2]. Это отрывок из воспоминаний Владимира Шиманского во время транспортировки в Зенне летом 1941 г. свидетельствует о несоблюдении ст. 7.

Рассмотрим причины крайне трудных условий транспортировки. К 1941 г. состояние железных дорог было не вполне удовлетворительным. Это приводило к тому, что пленным при транспортировке довольно часто приходилось проходить до ближайшей железнодорожной станции по несколько сотен километров. Учитывая состояние людей, уставших от боев, раненых, измученных, не трудно предположить насколько катастрофическими были последствия подобных переходов. Ниже приведен отчет охраны об этом: «Отправка четырех тысяч двухсот военнопленных началась в 15.15. Перед маршем военнопленным выдали на целый день по куску хлеба (450 грамм). Пить ничего не дали. На всем пути не встретилось ни одного колодца. Примерно через двадцать километров начали падать первые военнопленные, вероятно из-за физической слабости и стертых ног. Только силой смогли мы заставить людей продолжать путь. Приблизительно

---

[1] «Существовавшие до сих пор правила…отменяются» // Военно-исторический журнал. 1991. № 11. С. 39.

[2] Семиряга М. И. Судьбы советских военнопленных. С. 23.

через тридцать пять километров наступила катастрофа: сотни пленных падали в канавы слева и справа от дороги и не шевелились, несмотря на удары. Даже угроза расстрела не возымела на них никакого действия. Они пришли к пункту назначения, там капитан сказал: «Такое большое расстояние нельзя проходить за один день. Военнопленные будут больны и не смогут идти дальше. Вечером больше не пойдем, поэтому еды на ужин военнопленным можно не выдавать»[1].

Для транспортировки использовались только открытые или закрытые, но не отапливаемые вагоны. В условиях холодной русской зимы неизбежным следствием этого становилась смерть. Кроме того, эшелоны с военнопленными занимали последнее место в списке поездов на отправление, из-за чего они часто часами, а иногда и днями простаивали, подвергаясь холоду. Показателен тот факт, что вскоре была запрещена перевозка пленных в открытых вагонах, а также то, что имперское Министерство внутренних дел Германии обязало местные приходы закапывать жертв перевозки, хотя изначально погибшие при транспортировке считались нонсенсом и отдавались распоряжения, чтобы замять этот общественный скандал. Сами размеры страны и то, насколько продвинулся противник вглубь территории Советского Союза, обусловили большие расстояния транспортировки, а, следовательно, и протяженность во времени, что приводило к увеличению численности жертв. Жители европейских государств, попадавшие в плен, не сталкивались с подобной проблемой. Советские военнопленные погибали, даже не достигнув места своего назначения. А те, кто выживал, прибывали в лагеря психологически надломленными, измученными людьми.

Лагеря для советских военнопленных, в отличие от «обычных» лагерей, по идеологическим причинам предполагалось сооружать на военных полигонах, в результате чего контакты советских солдат с немецким

---

[1] Ерин М. Е. Советские военнопленные в Германии... С. 143.

населением, а также с пленными других национальностей были бы невозможны с самого начала. По той же причине максимальное количество лагерей на один военный округ ограничивалось двумя. Таким образом, обеспечивалась полная изоляция, которая развязывала руки комендатуре и охране военных лагерей. Это был серьезный деморализующий фактор: именно на изолированной, отдалённой территории заключенные наиболее остро ощущали своё бесправие и всевластие немецких солдат. Несмотря на то, что всякие контакты между населением и советскими военнопленными с самого начала были строжайше запрещены, совершенно избежать их было нельзя – пленные работали и в сельском хозяйстве, на крестьянских дворах; были замечены, неоднократные попытки обменять различные поделки, сделанные руками пленных, на продукты питания. Поэтому в инструкции по охране советских военнопленных говорилось: «Любые контакты военнопленных с гражданскими лицами следует... предотвращать, при необходимости применять оружие, в том числе против гражданских лиц»[1].

Физическое и психологическое состояние пленных зависело также и от вида работ, которыми им приходилось заниматься. Еще в 1940 г. немецкое руководство планировало создать для большого количества пленных, которые, как ожидалось, появятся в ходе войны с Советским Союзом, в общей сложности 60 новых лагерей, некоторые из которых должны были находиться на территории самого рейха. Решающим критерием выбора места расположения лагерей была, прежде всего, возможность использования заключенных на принудительных работах. Это хорошо видно на примере 6-го военного округа Мюнстер. Шталаг 326, расположенный на данной территории, поставлял рабочую силу на предприятия сельского хозяйства, заводы Вестфалии, на строительство Атлантического вала, на работы в Эмсландские болота, куда уже 10 июля 1941 г. были отправлены 4 000 человек. И, в первую очередь, шталаг 326 являлся основным поставщиком

[1] Документы обвиняют. С. 253.

военнопленных для работ на шахтах угледобывающих предприятий Рурской области и Рейна[1]. Труд советских военнопленных не регламентировался Женевской конвенцией, и зачастую превышал физические возможности заключенных – ослабевших, полуголодных, больных и раненых. «Годен для тяжелых работ (I степень)» – подобный приговор настолько часто встречался в лагерях, что для пометок в личных карточках был сделан специальный штемпель[2].

Одной из причин смертности военнопленных стал сам порядок их размещения в совершенно неподготовленных для этого пунктах. На практике все ограничивалось привозом хлорной извести и колючей проволоки. Лагеря планировали организовывать на полигонах (20 – 50 тыс. человек на каждом). В большинстве лагерей (например, Штукенброк, Берген-Бельзен, Ламсдорф, Вицендорф), первые партии пленных устраивали в поле под открытым небом на территории, огороженной колючей проволокой и смотровыми вышками в центре и по периметру. Пленные жили в старых печах-духовках, шалашах, норах, хранилищах для золы, ямах и землянках.

Первые бараки сооружались непосредственно пленными. По плану барак вмещал около 140 человек, но заселяли в него по 400 – 500 и даже 800 человек. Скученность, полная антисанитария и завшивленность становились причинами распространения массовых эпидемий. Пленные имели лишь одеяло из дерюги. Вплоть до 1942 г. обеспечение в лагерях вещами не совершалось. Пленные использовали одежду, которая была на них в момент пленения. В дальнейшем им стали выдавать одежду погибших товарищей либо трофейную. Подобные условия размещения и жилья пленных увеличивали их смертность. С наступлением зимы, перед которой пленные оказались почти беззащитными, смертность их становилась массовой.

По ст. 11 Женевской конвенции 1929 г. пищевой рацион пленных должен равняться рациону войск на казарменном положении по качеству и

---

[1] Семиряга М. И. Судьбы советских военнопленных. С. 25.
[2] Ерин М. Е., Хольный Г. Л. Трагедия советских военнопленных. С. 53, 67.

количеству пищи[1]. Но как мы видим на практике, питание и вещевое обеспечение советских военнопленных было организовано крайне неудовлетворительно и изначально нацелено на их массовое уничтожение с помощью антисанитарных условий содержания, голода и холода.

С конца июня 1941 г. до весны 1942 г. в немецком плену умерло от голода, замучено и расстреляно от 1,5 млн. до 2 млн. советских военнопленных[2]. Режим питания для советских военнопленных в указанный период фактически гарантировал голодную смерть. Голод, вызванный искусственно, преследовал конкретную цель. Ее предельно ясно выразил фельдмаршал К. Рундштедт: «Мы должны уничтожить, по меньшей мере, одну треть населения присоединенных территорий. Самый лучший способ для достижения этой цели недоедание. В конце концов, голод действует гораздо лучше, чем пулемет, особенно среди молодежи»[3].

Приказ от 10.01.1941 г. генерала Рейхенау утверждал следующее положение: «Обеспечение местных жителей и военнопленных, не находящихся на службе вермахта, из полевых кухонь есть такая же неправильно понятая человечность как раздача хлеба и сигарет»[4]. Такие заявления имели результатом то, что в лагерях советским военнопленным сутками не давали пищу.

В первые военные месяцы в некоторых лагерях практиковали раздачу военнопленным сырой пшеницы, ячменя, проса вместо горячей пищи. Основной едой стала так называемая баланда – варево из картофеля, муки, проса (либо зерна) с большим количеством воды. Варилась она в металлических бачках при отсутствии хоть какой-нибудь санитарии. Одному пленному полагалось 1 – 1,5 литра в сутки, на 6 – 15 человек 1 кг. низкосортного хлеба. Посудой служили чаще всего банки из-под консервов.

---

[1] «Существовавшие до сих пор правила…отменяются». С. 41.

[2] Ильин Е. В. К вопросу о содержании военнопленных в 1941 – 1945 гг. // Гуманитарный научный вестник. Исторические науки и археология. 2016. № 1. С. 6.

[3] Там же.

[4] Мельников Д. Е., Черная Л. Б. Империя смерти. С.372.

Ежедневная калорийность пищи была ниже 1 300 калорий, что являлось недостаточным для поддержания человеческой жизни[1].

Из-за нехватки пищи, пленные питались сухими листьями, корой деревьев, листвой или травой, иногда и падалью, пили грязную воду, питались, встречались даже случаи каннибализма. Широко распространялась дизентерия. Пик голода попадает на зиму 1941 – 1942 гг. и на весну 1945 г. В августе 1941 г. был утвержден единый рацион советских военнопленных распоряжением верховного командования вермахта. На работающего пленного приходилось 2 200 калорий в сутки, на неработающего – 2 040 калорий, на 28 дней каждый из них получал 6 кг хлеба, 400 г мяса, 440 г жиров и 600 г сахара[2].

Октябрь 1941 г. ознаменовался снижением суточного рациона, в первую очередь у неработающих пленных до 1 500 калорий. Нормы питания непосредственно завесили от трудовых показателей. 24 ноября 1941 г. на совещании Министерства снабжения Германии был утвержден состав хлеба для пленных (50% ржаных отрубей, 20% отжимок сахарной свеклы, 20% целлюлозной муки и 10% муки, изготовленной из соломы или листьев)[3]. Исходя из скудности рациона пленные, чтобы выжить, вынуждены были прибегать к так называемой «стратегии выживания». Суть ее сводилась к следующему: а) бери без разбора все, что можно съесть или выпить; б) солидарно и строго распределяй лагерную пищу; в) кради съедобное; г) принимай помощь продуктами от третьих лиц; д) меняй все что угодно на еду; е) усиленно трудись[4].

Организация медицинского обслуживания пленных, уход за ранеными и больными должен был осуществляться на основании статей Женевской

---

[1] Великая Отечественная война. Кн. 4. С. 186.

[2] Нагель Й. Лагерь военнопленных Цайтхайн 1941 – 1945 // Цайтхайн – Книга Памяти советских военнопленных. С. 53 [Электронный ресурс] // URL: https://ru.stsg.de/cms/sites/default/files/dateien/texte/Zeithain_ohne%20Schnitt_3.pdf (дата обращения: 22.02.2020).

[3] Из протокола совещания в министерстве снабжения о питании советских военнопленных и гражданских рабочих // СС в действии. С. 428.

[4] Конасов В. Б., Терещук А. В. К истории советских и немецких военнопленных. С. 58.

конвенцией 1929 г. и в соответствии с Соглашением об улучшении участи раненых и больных на поле боя.

Однако чаще всего вместо оказания помощи раненых красноармейцев при взятии в плен расстреливали на месте, либо всячески пытали. Это было связано с упорством военнослужащих РККА и моряков РК ВМФ, их стремлением сражаться до последнего патрона. Так, генерал-фельдмаршал Эрих фон Манштейн в своих мемуарах отмечал: «Иногда советский раненый симулировал смерть, а потом с тыла стрелял в наших солдат»[1]. Однако встречались и случаи оставления раненных советских командиров живыми. Например, майор П. М. Гаврилов, как пример мужества и стойкости, после взятия в плен был оставлен живым показывающий. Однако лазареты для пленных не отвечали самым простым медицинским требованиям. Остро ощущалась нехватка медицинского персонала и инструментов. Эпидемии свирепствовали среди пленных. Например, в лагере Винцендорф ежедневно от сыпного тифа умирало 300 – 400 человек. Он назывался лагерем эпидемии («Seuchenlager»)[2].

К лету 1942 г. стали происходить некоторые улучшения в условиях содержания советских военнопленных в связи с утверждением решения о массовом трудовом применении советских пленных в немецкой промышленности. Директива 11/7718/42 от 15.07.1942 г. генерала-квартирмейстера ОКХ Вагнера закрепляло положение об улучшении содержания раненых, о справедливом обращении с военнопленными и использовании их как рабочей силы[3].

Советские военнопленные являлись так же материалом для медицинских экспериментов. Что было официально закреплено во второй половине 1941 г. совещанием, проходившем в научно-исследовательском

---

[1] Советские военнопленные: бухгалтерия по-фашистски // Военно-исторический журнал. 1991. № 9. С. 36.

[2] Великая Отечественная война. Кн. 4. С. 188.

[3] Соколов Б. В. Цена победы. Великая Отечественная война: неизвестное об известном. М., 1991. С. 159.

институте гигиены войск СС[1]. В концлагерях стали появляться специальные медицинские лаборатории.

Военнопленные выступали как подопытные для испытания новых лекарств, для определения возможной продолжительности жизни людей без пищи и воды, для хирургических экспериментов на нервах, костях и мускульных тканях. Пленные, участвующие в различных медицинских экспериментах, как правило, гибли либо уничтожались как лишние свидетели.

С течением времени у каждого концлагеря появилась «специализация».

В Бухенвальде в основном занимались разработкой противотифозной вакциной, заражая здоровых людей[2]. Проходили эти опыты с осени 1941 г. в блоке 46, обнесённым двойным рядом колючей проволоки. Ответственным за них был Институт гигиены войск СС в Берлине. В Бухенвальде проводились и другие эксперименты – опыты по заражению людей жёлтой лихорадкой, оспой, дифтеритом.

В концлагерях Дахау специализировались на малярии. С января 1942 г. начали отбирать среди лагерников «абсолютно здоровых людей» в возрасте от 20 до 45 лет и заражать их малярией[3]. Также в этом лагере узников подвергали высочайшему атмосферному давлению, либо замораживались живыми. Опыты по «охлаждению» (замораживанию) людей под названием «действие охлаждения на теплокровных» уже с октября 1942 г. ставил некий профессор Хольцленер. Гиммлера особенно интересовало отогревание ещё живых, но потерявших сознание узников[4].

В концлагере Нацвейлер также экспериментировали с жёлтой лихорадкой, сыпным тифом и т. д.[5]

Организация медицинского обслуживания пленных предполагала так

---

[1] Документы обвиняют. С. 387.
[2] Бухенвальд. С. 484.
[3] Документы обвиняют. С. 409.
[4] Симонов К. М., Эренбург И. Г. В одной газете. М., 1984. С. 262.
[5] СС в действии. С. 528.

же захоронение погибших и умерших. Но немецкое руководство поступало с мертвыми крайне нетактично, нарушая все существующие нормы международного права. Трупы отправляли либо в крематорий для сжигания, либо скидывали в ямы (рвы) без должных почестей. Учет умерших в первый год войны не велся, несмотря на то, что порядок погребения пленных существовал и был официально доведен министром внутренних дел Германской империи срочным письмом (27 октября 1941 г.) до командования военных округов и групп армий[1].

Таким образом, советские военнопленные в нацистских концентрационных лагерях находились в тяжелейшем положении. Существующие нормы и положения международного права, а также общечеловеческие принципы гуманизма никоим образом не повлияли на отношение немецкого руководства к захваченным в плен красноармейцам. Очутившись в немецких лагерях, советские военнопленные сразу же превращались в объект идеологического террора, а с 1942 г. еще и в источник бесплатной рабочей силы.

2.3. Сопротивление и коллаборационизм советских военнопленных в концлагерях

Говоря о плене, нельзя не коснуться такой проблемы как формы взаимодействия советских военнопленных с нацистами. Существовало две таких формы: активное сопротивление (создание подпольных групп, побег, участие в партизанском движении) и коллаборационизм.

Многие пленные сплачивались в группы, организации, а порой и в одиночку боролись с врагом. Происходило это постепенно. Сначала никто не мог представить, как сражаться без оружия с вооруженным противником. «Какая здесь к черту борьба, Михаил Иванович! – говорил Еремеев, герой

[1] Из срочного письма министерства внутренних дел о погребении трупов советских военнопленных местными властями // Бухенвальд. С. 361.

одного из произведений, посвященных борьбе военнопленных. – Все это красивые слова, не больше. Каждый тут за себя, за свою жизнь борется, только и всего... из-за картофелины друг другу морду бьют. Умираем постепенно, со дня на день, а вы говорите бороться!.. Уж лучше бы сразу от пули немецкой сгинуть»[1]. Но постепенно к пленным пришло осознание, что спасти жизнь можно только в борьбе, и только вместе.

Так, в конце 1942 г. в Бухенвальде была создана единая подпольная организация, которую возглавил пограничник, сержант Симаков Н. С. У нее существовала своя программа действий: 1) систематическое ведение антифашистской пропаганды и агитации среди военнопленных; 2) расширение и укрепление интернациональных связей с политзаключенными различных национальностей; 3) организация подрывной деятельности на военных предприятиях, на которых применялся труд советских военнопленных; 4) подготовка вооруженных восстаний[2]. Уровень конспирации организации был таким высоким, что нацистам так и не удалось раскрыть подпольщиков вплоть до восстания 1945 г., закончившегося захватом лагеря.

Е. А. Бродский в своей статье о Братском сотрудничестве военнопленных (далее – БСВ) – самой известной подпольной организации советских военнопленных упоминается некий «агроном из Пензенской области» К. М. Антипов[3]. Он был узником Дахау, участником БСВ и знал многих его деятелей.

Русские бежали, едва оказывались в плену. Подтверждение мы находим в документа вермахта и СС. Так, капитан Шабловский, участвовавший в обороне Брестской крепости, во время проведения группы пленных защитников через мост над р. Муховецк, оттолкнул охранника и с

---

[1] Книга исторических сенсаций. М., 1993. С.53.

[2] Киселев М. А. Участие пензенцев в сопротивлении советских военнопленных в годы Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг. С. 99.

[3] Бродский Е. А. Подпольная организация «Братское сотрудничество военнопленных» в Германии. 1942 –1944 гг. // Новая и новейшая история. 2001. № 3. С. 153.

криком «за мной» кинулся в воду. Шабловского и всех последовавших за ним бойцов сразу же расстреляли[1].

Киселев М. А. в своей статье описывает участие военнопленных–пензенцев в сопротивлении. Так, например, один из пензенцев сбежал уже на третьи сутки, воспользовавшись малым количеством охраны в районе с. Бутырка в декабре 1941 г. и 12 декабря перешел один линию фронта в районе Орловской области и попал в расположение Красной Армии[2].

Бежали, когда формировались огромные колонны, которые потом немцы перебрасывали пешим маршем на сборные пункты или в пересыльные лагеря. Во второй половине войны пленные зачастую бежали из-под конвоя, воспользовавшись паникой среди немецких солдат, вызванной быстрым наступлением Красной Армии. Так, один из пензенских военнопленных в своих воспоминаниях отмечал, что 6 августа 1943 г. он и еще 30 человек бежали из-под конвоя, так как усиленной охраны не было с связи с тем, что именно в этот период немцы отступали под ударами советских войск[3].

За 1941 – 1944 г. из 4 000 лагерей, расположенных как на территории Германской империи, так и на оккупированных территориях побег совершили 450 000 советских военнопленных. Наиболее успешными были побеги из лагерей, находившихся на территории Франции или Италии.

Удачные побеги советских военнопленных легли в основу движения Сопротивления. Советские военнопленные после побега, в случае невозможности пробраться к своим войскам оставались в местных партизанских отрядах. Так, во Франции функционировали почти 40 партизанских отрядов, в состав которых входили 4 000 советских людей. Некоторые из них были даже национальными героями, награжденными высшими воинскими наградамиэтих стран: во Франции – В. Порик, в Италии – Ф. Полетаев, в Югославии – А. Дьяченко, в Болгарии – И. Вальчук.

---

[1] Великая Отечественная война. Кн. 4. С. 189.
[2] Киселев М. А. Участие пензенцев в сопротивлении. С. 99.
[3] Там же. С. 100.

Документы СС и вермахта свидетельствую о наиболее частых побегах именно среди советских военнопленных, не смотря на «особое» к ним отношение, исключающее любую возможность побега. Памятка по охране советских военнопленных закрепляла следующее: «Беспощадная кара при малейших признаках протеста и неповиновения. Для подавления сопротивления беспощадно применять оружие. В военнопленных, совершивших побег, стрелять без предупреждения с твердым намерением попасть в цель»[1].

Конец 1942 г. характеризуется расширением подпольной сети, в которой приняли участие такие знаменитые командиры РККА, как, например, генерал-лейтенант Д. М. Карбышев, генерал-лейтенант М. Ф. Лукин, командующий 19-й армией. Последний попал в плен тяжело раненным, в бессознательном состоянии, пережил ампутацию руки и ноги. Но, даже это не помешало М. Ф. Лукину принять самое энергичное участие в лагерном подполье.

Одним из видов участия в сопротивлении было противодействие стараниям немцев укомплектовать Русскую Освободительную армию (далее – РОА). Генерал-майор Понеделин П. Г., бывший командующий 12-й армией, находившийся в лагере для военнопленных близ г. Вильхайде решительно отказался сотрудничать с врагом в любой форме.

Постоянно совершались групповые или одиночные побеги, иногда даже поднимали восстания, особенно когда распространилась новость о наступлении войск СССР по сталинградскому направлению[2].

Главной задачей подпольщики для себя ставили укрепление в узниках веры в неизбежную победу Красной Армии. Фронтовые сводки руководство советского подполья поначалу принимало через интернациональные комитеты, главным образом от немецких коммунистов. Когда лагерные

---

[1] Мельников Д. Е., Черная Л. Б. Империя смерти. С.368.

[2] Бродский Е. А. Подпольная организация «Братское сотрудничество военнопленных»... С. 155.

рабочие команды стали отправлять на промышленные предприятия, то удалось достать радиоприемники. Подпольщики даже умудрялись рисовать листовки и газеты на оберточной бумаге: в Бухенвальде – «Правду пленных», в Освенциме – «Эхо Освенцима», в Эйсе – «Патриот в кандалах»[1].

Активно использовался саботаж как метод диверсионно-подрывной деятельности на промышленных предприятиях Германии. Например, на заводах по выпуску стрелкового оружия «Густлоф-Верке», вследствии пассивного саботажа узников Бухенвальда под руководством майора Л. Орлов производительность труда резко упала. Инженеры из числа узников создали специальную технологию выпуска брака. Самым эффективным способом считалось непосредственное уничтожение материалов, либо станков и оборудования, а в некоторых случаях даже готовой продукции. Группа Е. П. Клепцова например из лагеря Берген-Бельзен испортила 1 автогенный и 38 электросварочных аппаратов[2].

Нацисты пытались уничтожить сопротивление усилением репрессивных мер. В Циркулярном письме от 01.04.1944 г. начальник отдела главного административно-хозяйственного управления СС приказывал комендантам концлагерей: «..за совершенные акты саботажа виновных вешать перед строем заключенных»[3].

Наиболее активной и действенной формой сопротивления стала подготовка вооруженного восстания. В 1944 г. в большинстве крупных концлагерей были организованы и во всю действовали военные штабы: в Бухенвальде под командованием полковников РККА Карцева и Фортунова, в Маутхаузене – полковников Иванова и Шамшеева, в Нейенгамме – офицера В. Букреева, во Флоссенбурге – П. Павлова, Н. Панасенко, Г. Тисенко, в

---

[1] Пронин А. В. Трагедия плена: гуманизм против бесчеловечности // Военно-исторический журнал. 1998. № 1. С. 94.

[2] Назаревич Р. Советские военнопленные в Польше в годы Второй мировой войны // Вопросы истории. 1989. № 3. С. 34.

[3] СС в действии. С. 541.

Заксенхаузене – группа офицеров во главе с генералом А. Зотовым[1].

Остро стоял вопрос по поводу оружия и боеприпасов. Выход нашли следующий. Заключенные, работающие на военных заводах Германии, выносили отдельные части стрелкового оружия и взрывчатку. Зачастую даже в самих лагерях получалось наладить производство элементарных гранат, кинжалов, ножей, пик. В Бухенвальде к началу восстания было собрано 87 карабинов, 110 пистолетов, 150 ручных гранат, и большое число холодного оружия[2].

Но не все шло гладко, например, хорошо организованный план восстания в Заксенхаузене не мог быть осуществлен из-за того, что 10 апреля при налете англо-американской авиации была разрушена не только секретная военная база, но и склады с оружием, захватом которых предполагалось начать восстание. Тем временем эсэсовцы по приказу Гиммлера отправили узников лагеря к побережью Балтики. Уже в пути оставшиеся в живых были освобождены подоспевавшими английскими войсками[3].

Однако не все военнопленные выбрали путь сопротивления, многие пошли по пути сотрудничества с врагом. С самых первых дней войны руководство Германии использовало советских пленных не только как бесплатную рабочую силу, но и как членов воинских формирований полиции, СС и вермахта. Зарубежные историки насчитывали 1 – 1,7 млн. таких граждан СССР, отечественные – от 0,2 до 1,5 млн[4]. Методика подсчета указанных цифр научно никак не обоснована и документально не подтверждена, следовательно встает вопрос об их достоверности.

Советские военнопленные, использующиеся в составе вермахта делились на 2 категории: «хиви» («желающие помочь»), как правило, не вооруженнные, и «добровольцы» – боевые части восточных войск.

---

[1] Ерин М. Е.Военнопленные Второй Мировой войны. С. 243.
[2] Бродский Е. А. Подпольная организация... С. 155 – 157.
[3] Великая Отечественная война. Кн. 4. С. 185.
[4] Дембицкий Н. П. Судьба пленных // Война и общество. 1941 – 1945 гг. Кн. 2. М., 2004. С. 234.

Организация подобных воинских формирований из числа советских пленных напрямую нарушала положения Женевской конвенции.

«Хиви» были самой многочисленной группой и стали появляться в немецких частях уже в конце июля 1941 г[1]. В состав их включались военнопленные и перебежчики только славянского происхождения. Они использовались как водители, ездовые, санитары, подсобные рабочие на кухне, носильщики оружия и боеприпасов, либо на разминировании и строительстве линий обороны, дорог и т.п. в зависимости от нахождения войск.

Положение «хиви» регулировалось приказом начальника второй секции административного отдела генерального штаба ОКХ граф К. фон Штауфенберг (август 1942 г.). В нем регламентировались нормы суточного рациона, условия содержания и службы. Позднее в соответствии с «Уставом 5000» полковника Фрайтаг-Лорингхофена все «хиви», принявшие немецкую присягу зачислялись в часть и приравнивались к немецким солдатам[2].

Формирование добровольческих боевых частей санкционировал Гитлер зимой 1941 – 1942 гг. Выбор сначала пал на представителей национальных меньшинств СССР – среднеазиатские, кавказские национальности, а также народы Поволжья, Урала и Крыма, исповедовавшие ислам. Батальоны соединялись в легионы по национальному признаку.

По немецким данным, всего было создано более 180 таких формирований, в том числе русских – 75, из донских, кубанских и терских казаков – 21, туркестанских и татарских (из Татарии и Крыма) – 42, грузинских – 11, из народов Северного Кавказа – 12, азербайджанских – 13, армянских – 8, а также части и соединения из литовцев, латышей и эстонцев[3].

Привлекая военнопленных нерусских национальностей на свою сторону, немцы пытались разжечь национальную рознь между народами

---

[1] Дугас И. А., Черон Ф. Я. Вычеркнутые из памяти. С. 258 – 260.
[2] Кольга Г. И. Роль и место Верховного командования Вермахта… С. 73.
[3] Решин Л. Коллаборционисты и жертвы режима // Знамя. 1994. № 8. С. 171.

СССР. Кроме того, используя легионеров для борьбы против движения Сопротивления, они рассчитывали посеять среди народов Польши, Франции, Югославии, Италии и других стран недоверие к советским людям вообще.

Самыми многочисленными антисоветскими войсками, созданными гитлеровцами, были, однако, русские формирования («Русская освободительная армия» – РОА) под командованием генерала А. А. Власова и так называемые «восточные батальоны». По немецким официальным данным, на 20 мая 1945 г. числились следующие соединения «русских добровольцев»: 1) 599-я русская бригада, около 13 000 человек, находилась в пути из Дании; 2) 600-я пехотная дивизия, около 12 000 человек, дислоцирована в Чехии; 3) 650-я пехотная дивизия, около 18 000 человек, расположена в районе Линца (Австрия)[1].

Оккупационные власти стремились широко использовать антисоветские настроенных лиц в Прибалтийских республиках. Уже 31 июля 1941 г. из 396 эстонцев – военнопленных и дезертиров – было создано первое полицейское подразделение. В последующие месяцы возникли латышские и эстонские охранные батальоны. В период битвы за Москву они были направлены на фронт. В 1942 г. у гитлеровцев возникла идея создания латышских и эстонских частей СС. К апрелю 1943 г. были сформированы эстонский (2 850 чел.) и латышский (2 478 чел.) легионы. Затем создается 1-я эстонская бригада СС и 2-я латышская бригада СС.

Еще весной 1941 г., в предвидении фашистской агрессии руководитель Организации украинских националистов (далее – ОУН) С. Бандера сформировал в Южной Польше «Украинский легион» (700 человек), обучаемый гитлеровцами под видом «немецкой трудовой службы». Но отказ Германии признать «независимую Украину» и особенно их решение о присоединении Западной Украины к польскому Генерал-губернаторству (август 1941 г.) вызвали раздражение украинских националистов. С начала

---

[1] Решин Л. Коллаборционисты и жертвы режима. С. 173.

1942 г. оккупанты начали репрессии против ОУН. Бандеровцы предприняли ответные действия[1].

С ухудшением положения на фронтах, особенно после Сталинграда, оккупанты стали искать контактов с бандеровцами. Сам Бандера находился тогда в концлагере Заксенхаузен, а его сторонники к этому времени уже начали создание Украинской повстанческой армии (далее – УПА). Соответствующая резолюция была принята на 11 конгрессе ОУН летом 1942 г. 14 октября 1942 г. на Полесье и Волыни появились первые вооруженные отряды этой армии. Всего в УПА и других боевых организациях украинских националистов было около 40 000 человек (начало 1944 г.). Действовали они не только против немцев, но и против поляков и советских партизан. Весной 1944 г. гитлеровцы предложили бандеровцам сотрудничество «против общего врага – большевизма».

Летом 1942 г. во время немецкого наступления на Северный Кавказ часть казаков Дона скрывалась от мобилизации в Красную Армию, а некоторые регулярные казачьи части переходили на сторону врага. Активизировались бывшие участники белой армии, объявились атаманы Кулаков и Шкуро. Были созданы 16 отдельных калмыцких эскадронов для борьбы против Красной Армии. С весны 1943 г. гитлеровцы стали выделять из лагерей военнопленных казаков и создавать из них регулярные полки. К концу войны все казачьи части были сконцентрированы в Австрии. Здесь же позднее англичане передали их советским властям.

Говоря об итогах участия антисоветских воинских формирований в боях на стороне немцев, один из западных авторов писал: «Уже в 1943 г. число советских граждан, которые с оружием в руках выступали против своей «социалистической родины», вдвое превысило Великую армию Наполеона и составило около 1 млн. человек. В 1944 т. вместе с РОА они составили от 1 200 тыс. до 1 600 тыс. человек»[2].

---

[1] Кудряшов Н. Цивилизованные изверги // Родина. 2002. № 6. С. 71.
[2] Великая Отечественная война. Кн. 4. С. 175.

Таким образом, у военнослужащих, попавших в плен, было два пути: либо смириться и сотрудничать с врагом, либо встать на путь сопротивления и попытаться вырваться из неволи, что не всегда удавалось. Причем формы сопротивления были различными, особенно удачными являлись саботаж и диверсии на предприятиях.

ГЛАВА 3. РЕПАТРИАЦИЯ И ПОСЛЕВОЕННАЯ СУДЬБА СОВЕТСКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ

3.1. Освобождение и репатриация советских военнопленных

Проблема, связанная с возвращением на Родину бывших пленных из немецких лагерей одна из наименее разработанных в отечественной историографии. До конца 80-х гг. XX в. все документы по ней были засекречены. Из-за отсутствия достаточной источниковой базы стало появляться много мифов и фальсификаций вокруг вопросов плена и репатриации в том числе. Особенно много подобных публикаций появлялось на Западе.

Для советского правительства репатриация превратилась в сложную политическую, экономическую и морально-нравственную проблему, которая предопределяла общее направление дипломатической, экономической и военно-политической политики страны в 1945 – 1950 гг.

Советские военные органы репатриации, действующие на территории Германии, преследовали две важнейшие задачи:

1. Возврат абсолютно всех без исключения граждан СССР, если потребуется даже в принудительном порядке.

2. Не допустить появления новой, негативно настроенной советскому строю волны послевоенной эмиграции.

В последние месяцы войны возникли трудности между союзниками по вопросу о солдатах негерманских воинских формирований вермахта и после капитуляции не распущенных в оккупационных зонах. Посол Великобритании в СССР К. Керр но поручению своего правительства в мае 1944 г. направил В. М. Молотову письмо с_предложением, чтобы Сталин лично или советское правительство обратилось к этим людям с воззванием переходить на сторону союзников. Советский нарком в ответном письме от 31 мая 1944 г. заявил, что, по данным советских властей, число советских

солдат и офицеров, воюющих на стороне вермахта, крайне незначительно и поэтому обращение к ним не принесет никакой политической пользы[1].

Число советских военнопленных, освобожденных войсками союзников по мере их наступления во Франции, быстро увеличивалось. Союзное командование принимало меры, чтобы переправить их в Англию и содержать их в лагерях отдельно от немецких пленных. Частично они эвакуировались в Канаду и США. Большинство советских граждан не торопились возвращаться на родину.

20 июля 1944 г. британский министр иностранных дел А. Иден известил советского посла в Лондоне Ф. Т. Гусева, о взятии в плен союзниками на территории Франции нескольких тысяч советских граждан, одетых в немецкую униформу и о готовности британского правительства предоставить посольству СССР возможность установления контакта с гражданами своей страны.

Союзным властям было известно, что многие советские граждане сражались в рядах французского Сопротивления. С властями генерала де Голля в Лондоне даже обсуждался вопрос об отправке на остров Мадагаскар тех советских граждан, которые откажутся возвращаться на родину. Но вскоре У. Черчилль и А. Иден приняли решение в интересах поддержания солидарности с СССР передать его граждан, сражавшихся на стороне немцев, в руки советского правосудия и насильно возвратить их на родину. Учитывалось при этом и то, что в противном случае советские власти могут принять репрессивные меры в отношении тех английских и американских военнопленных, которых они освободили в Восточной Германии и Польше.

К осени 1944 г. количество освобожденных советских пленных в Англии насчитывало 3 750 человек, а к середине этого месяца их оказалось там более 12 000 и каждую последующую неделю прибывало по 2 000

---

[1] Долгов Д. В. Ценный источник по истории Великой Отечественной войны // Вопросы истории. 2006. № 6. С. 175.

человек[1]. Проблема советских военнопленных стала предметом обсуждения во время пребывания Черчилля и Идена в Москве в октябре 1944 г. И. В. Сталин требовал вернуть советских граждан в короткие сроки и обещал принять подобные меры и в отношении освобождения британских пленных в Восточной Германии и Польше.

Первая партия советских пленных в количестве 10 000 человек 31 октября 1944 г. была направлена морским путем в Мурманск. Британские офицеры, сопровождавшие эту группу, рассказывали, как советские власти «встретили» своих соотечественников. Под усиленной охраной они (1 охранник на 15 военнопленных) отправлялись в неудовлетворительно оснащенные лагеря на городских окраинах[2]. В дальнейшем большая их часть на долгие годы была помещена в сибирские лагеря.

Американские власти в отличие от англичан на территории Франции создали специальные лагеря, где на протяжении четырех месяцев содержалось более 23 000 советских солдат и офицеров, служивших в вермахте[3]. Часть военнопленных была отправлена в Соединенные Штаты, что вызвало протест советского посла в Вашингтоне А. А. Громыко.

В репатриационной деятельности советских органов власти, функционирующих в оккупационных зонах Германии, условно выделяют четыре этапа, каждый из которых имел четко выраженную линию действий[4].

Первый организационный период длился с января по май 1945 г. Он характеризуется формированием структуры репатриационных органов, закладыванием политических основ управления ими, первыми шагами по координации и взаимодействию с другими управлениями и ведомствами Группы советских оккупационных войск в Германии (далее – ГСОВГ) и Советской военной администрации в Германии (далее – СВАГ).

---

[1] Дембицкий Н. П. Судьба пленных. С. 234.

[2] Хисамутдинова Р. Р. Великая Отечественная война Советского Союза (1941 – 1945 годы): военно-исторические очерки. Оренбург,2014. С. 101.

[3] Там же. С. 102.

[4] Семиряга М. И. Судьбы советских военнопленных. С. 29 – 32.

Принятое 6 января 1945 г. постановление СНК СССР № 30-12 с «Об организации приема и устройства репатриируемых граждан СССР из Германии и оккупированных ею стран»[1] устанавливало важнейшие принципы и механизмы процесса репатриации. Для реализации задач, поставленных в указанном документе начальник тыла РККА и Уполномоченный СНК СССР по делам репатриации утверждают две совместные директивы за № 1/1240645 с и № 1/1240646 с от 18.01.1945 г. Они закрепляли положения о сборе, размещении, содержании, материальном обеспечении и возвращении на родину советских граждан[2].

Для обеспечения приема репатриантов при Военном совете ГСОВГ было создано Управление по репатриации, а при пяти армиях в Группе советских оккупационных войск в Германии – отделы по репатриации. Они были сформированы для решения значимых военных, экономических, международно-политических задач[3]:

1. Выявить, собрать и произвести учет граждан СССР в советской оккупационной зоне и оккупационной зоне «союзных» войск. Передать их в надлежащие фронтовые лагеря, СПП и комендатуры с целью последующего возвращения на Родину.

2. Выявить, произвести учет и обеспечить должное содержание могил советских граждан и граждан союзных государств, погибших в немецких лагерях.

3. Подготовить необходимые материалы и проекты решений по проблемам репатриации для Главноначальствующего СВАГ.

Для создания должных условий приема репатриантов было организовано 514 бань, 418 стационаров и 142 госпиталя. Пропускная способность лагерной сети и сети СПП, охватывающей 127 лагерей и 57

---

[1] Герман А. А. Концепция репатриации советских граждан: формирование и реализация в середине 1940-х гг. // Проблемы российской цивилизации и методики преподавания истории. 2016. № 8. С. 138.

[2] Там же. С. 140.

[3] Толстой Н. Жертвы Ялты // Юность. 1991. №5. С. 58.

СПП, составляла одновременно 1,5 млн. человек[1].

Проблема советских пленных, которые добровольно служили в составе частей вермахта и были захвачены союзниками, носила очень острый характер, о чем свидетельствовало ее обсуждение на Ялтинской (Крымская) конференции. А. Иден и В. М. Молотов 11 февраля 1945 г. составили двустороннее соглашение, аналогичное подписанному советским генерал-лейтенантом А. А. Грызловым и военным представителем США в Москве генералом Дж. Р. Дином[2].

После завершения Крымской конференции началась массовая отправка советских военнопленных на родину по двум маршрутам: через Средиземное море в Одессу и по Баренцеву морю в Мурманск. Многие из них, особенно те, местом рождения которых были Западная Украина и в республики Прибалтики, не считали себя гражданами СССР. В связи с этим происходили недоразумения, для решения этой проблемы была сформирована смешанная советско-британская комиссия. Первое заседание комиссии состоялось 12 апреля 1945 г.[3]

После окончательной капитуляции Германии был определен третий маршрут обоюдного возвращения советских и союзных пленных, проходивший через территорию Германии и других стран Центральной и Восточной Европы. В январе – марте 1945 г., когда Красная Армия вела наступление на территории Польши, репатриация проходила стихийно. Советские военные власти оказались не вполне подготовленными к решению масштабной и сложной задачи репатриации большого числа освобождаемых из плена советских солдат и офицеров. Соответствующая директива была подписана лишь в конце января 1945 г., а командованию 1-го Белорусского фронта она поступила только 2 февраля. Соответствующая директива начальника тыла этого фронта была получена в войсках в конце февраля.

---

[1] Толстой Н. Жертвы Ялты // Юность. 1991. №5. С. 58 – 59.

[2] Земсков В. Н. Репатриация советских граждан и их дальнейшая судьба (1944 – 1956 гг.) С. 5.

[3] Там же. С. 6.

Таким образом, лишь в марте 1945 г. началась работа по налаживанию репатриации, начали создаваться лагеря репатриантов, СПП и комендатуры. В армиях создавались свои сборные пункты. Этими мерами было несколько приостановлено стихийное движение десятков тысяч освобожденных людей на восток.

Во время второго периода деятельности советских репатриационных органов в Германии (май – октябрь 1945 г.) была создана стройная и довольно гибкая система их управления и взаимодействия с другими ведомствами. За это время происходила форсированная и массовая репатриация граждан СССР и иностранных государств, в основе которой лежал «План передачи через линию войск бывших военнопленных и гражданских лиц, освобожденных Красной Армией и войсками союзников»[1], подписанный 22 мая 1945 г. в Галле (Германия).

Советских репатриантов разделяли «на следующие категории: бывшие военнопленные (рядовой и сержантский состав); бывшие военнопленные – офицеры; военнопленные и гражданские лица, служившие в строевых немецких спецформированиях, власовцы, полицейские и прочие подозрительные лица; интернированное гражданское население; жители приграничных областей; дети-сироты»[2].

С капитуляцией Германии репатриация превратилась в международно-политическую проблему. Нужны были соответствующие международно-правовые акты, закреплявшие основы репатриационного процесса. Это было особо значимо потому, что несколько тысяч граждан различных стран, в том числе и СССР, которые сотрудничали с оккупантами, воевали на их стороне и совершали военные преступления, а также по другим причинам, добровольно возвращаться на родину не желали.

В структуре СВАГ было сформировано Управление репатриации, действовавшее вместе с армейскими репатриационными органами. На

---

[1] Судьба военнопленных и депортированных граждан СССР. С. 103.
[2] Земсков В. Н. Репатриация советских граждан и их дальнейшая судьба. С. 8.

территории Восточной Германии благодаря деятельности данного органа появлялись новые лагеря, занимающиеся приемом репатриантов. Из-за их массового наплыва и нехватки железнодорожных вагонов 23 июня 1945 г. Военный совет фронта постановил физически здоровых и выносливых граждан отправлять пешим строем через Польшу до границы СССР (длина пути насчитывала 850 – 900 км). Но после выхода нескольких таких колонн стало понятно абсурдность решения проблемы подобным путем. Отчего с 3 июля перевозка репатриантов осуществлялась железнодорожным и автотранспортом.

Постановление советского правительства от 04.10.1944 г. учреждало управление Уполномоченного Совнаркома СССР по делам репатриации советских граждан, находившихся в плену или насильственно вывезенных в Германию и в оккупированные ею страны. Руководил им генерал-полковник Ф. И. Голиков[1]. Основная его задача состояла в учете перемещенных лиц и военнопленных, а также в организации их возврата на Родину. В это же время при совнаркомах союзных республик и исполкомах областей также появлялись репатриационные отделы, приемно-распределительные пункты, на организацию которых выделялись дополнительные финансовые средства.

В первые недели и даже месяцы после освобождения репатрианты испытывали тяжелые лишения, связанные с объективными причинами или нераспорядительностью репатриационных органов. Существующие органы просто не справлялись с наплывом репатриантов, которых к 6 июня в советской зоне было сконцентрировано уже более 1 000 000. В справке Уполномоченного по репатриации отмечалось, что «отсутствие хотя бы элементарно оборудованных лагерей для приема этих людей создавало большие трудности в деле обеспечения этих людей и вызывало законное недовольство с их стороны. Были нередки случаи, когда люди в дождливую погоду вынуждены были находиться под открытым небом или ютиться на

[1] Там же.

чердаках; не получали горячей пищи по несколько дней и даже хлеба; не получали своевременно медицинской помощи. Как правило, в лагерях одновременно находилось по 8 – 10 000, а в отдельных лагерях по 25 – 30 тысяч человек»[1]. В связи с нехваткой транспорта репатриантом приходилось жить в подобных условиях два и более месяцев.

Большая часть назначенных в систему репатриации около 8 000 строевых офицеров и политработников не имели никакого опыта этой работы. Некоторые из них обвиняли всех репатриантов в измене родине без разбирательства, запугивали их тяжкими наказаниями, изымали ценные вещи. Все это угнетало и подавляло репатриантов. Имелось немало случаев побегов из лагерей и самоубийств, особенно из среды бывших военнопленных. Лишь в сентябре 1945 г. по всем лагерям зоны отмечалось 28 самоубийств[2]. В оставленных записках они нередко писали, что осознали свою реальную или мнимую вину перед родиной.

Было решено передачу и прием начать через 24 часа после подписания «Плана передачи через линию войск бывших военнопленных и гражданских лиц, освобожденных Красной Армией и войсками союзников» на территории войск Красной Армии – в Висмаре, Вюстмарке, Людвигслусте, Магдебурге, Лейпциге, Стендале, Плауэне и в двух пунктах Австрии. Все репатрианты могли везти свое личное имущество – часы, велосипеды и другие вещи. Были определены также меры для извещения и сбора бывших военнопленных.

После конференции руководителей союзных держав в Потсдаме для организации сбора и переправки на родину советских граждан 21 июля 1945 г. в западные зоны были направлены советские военные миссии[3]. К моменту их прибытия в июле – августе 1945 г. в западных зонах уже работали сотрудники Международной организации помощи (далее – ЮНРРА). По далеко неполным данным советских миссий, работавших в

---

[1] Шевяков А. А.. «Тайны» послевоенной репатриации // Социологические исследования. 1993. № 8. С. 7.

[2] Там же. С. 8.

[3] Семиряга М. И. Судьбы советских военнопленных. С. 33.

западных зонах, в 191 лагере в английской зоне находилось 103 000 и в 100 лагерях американской зоны – 73 000 советских граждан[1]. В ходе своей работы, миссии периодически докладывали, что переправка основной массы советских граждан на родину в первые месяцы после освобождения шла без особых трудностей. Однако американские власти срывали выполнение решений, принятых на сессии Совета министров иностранных дел (далее – СМИД) в отношении передачи захваченных ими в плен и находившихся в лагерях под их покровительством 20 000 человек, которые боролись с оружием в руках против Объединенных наций. Из этих 20 000 американцы передали советским властям только 4 500 человек, включая генералов РОА В. Ф. Малышкина, Г. Н. Жиленкова, М. А. Меандрова и нескольких других[2].

Нежелание бывших союзников содействовать возвращению в СССР этой категории граждан объяснялось целенаправленной политической линией высшего военного руководства и правительств западных держав. Эта политика была сформулирована в телеграмме от 9 августа 1945 г., направленной Д. Эйзенхауэром командующим американскими войсками в Германии и Австрии. В ней было сказано, что, если граждане не желают возвращаться на родину, то вопрос о них должен решаться специальной комиссией военного командования и они не должны репатриироваться насильно. Если граждане проживали на территории, не включенной в границы СССР к 1 сентября 1939 г., или были освобождены до 11 февраля 1945 г., они не могут быть репатриированы вопреки их воле.

Третий период с октября 1945 г. по март 1946 г. ознаменовался завершением процесса массовой репатриации граждан СССР и иностранных государств. Из боевых зон действия союзных войск вернулось 2 352 686 человек, в том числе 2 038 700 через линию соприкосновения войск в Германии и Австрии. Общее число репатриантов СССР к 1 марта 1946 г.

---

[1] Земсков В. Н. Возвращение советских перемещенных лиц в СССР. 1944 – 1952 гг. С. 248.
[2] Семиряга М. И. Судьба советских военнопленных. С. 33.

было 5 352 963 (1 825 774 военнопленных и 3 257 189 гражданских лиц)[1].

Для возврата оставшейся части советских и иностранных граждан созданный ранее огромный аппарат уже не требовался. В связи с чем с декабря 1945 г. шел процесс сокращения постоянного состава репатриационных органов. Центральный аппарат и отделы при группах войск сократились на 51,3%, а СПП и комендатуры почти на 80% (это 40 816 человек). Из 50 755 человек, работавших во второй период репатриации, к 1 марта 1946 г. насчитывалось лишь 9 559 (меньше 19%)[2].

Репатриационный отдел СВАГ согласно постановлению № 37с от 12.01.1946 г. Государственной штатной комиссии при СНК СССР теперь обладал штатом в 35 человек и был переименован в Отдел репатриации и розыска граждан Объединенных Наций[3].

Денежные расходы Советского Союза на процесс репатриации с июня 1945 г. по июнь 1948 г. составили около 743 000 000 рублей, не считая затрат отдела репатриации 1-го Белорусского фронта в предыдущий период. Из них на возвращение советских граждан истрачено более 683 000 000 рублей. В целом, в результате деятельности советских органов по репатриации к 1 января 1953 г. в СССР возвратилось 5 500 000 советских граждан[4].

Четвертый период длился с марта 1946 г. по январь 1950 г. и был связан с дальнейшим сокращением репатриационных органов. Так, на ноябрь 1946 г. заграничный аппарат насчитывал 117 штатных единиц, а в январе 1950 г. – их осталось всего 100. Наиболее радикально сокращение прошло в репатриационных органах войск. В сентябре 1946 г. в их составе было 2 523 человека, а в октябре они были сокращены в среднем на 95%, а к 1951 г. – на 99,1% по отношению к периоду массовой репатриации[5].

Уменьшение объемов работы и нецелесообразность параллельного

---

[1] Толстой Н. Жертвы Ялты. С. 58.

[2] Земсков В. Н. Репатриация советских граждан и их дальнейшая судьба. С. 11.

[3] Арзамаскина Н. Ю. Деятельность советских военных органов репатриации в Германии в 1945 – 1950 гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2007. С. 13.

[4] Конасов В. Б., Терещук А. В. К истории советских и немецких военнопленных. С. 67.

[5] Шевяков А. А. «Тайны» послевоенной репатриации. С. 9.

действия двух аналогичных репатриационных органов продиктовало появление приказа № 0159 от 25.06.1946 г. Главноначальствующего СВАГ – Главнокомандующего ГСОВГ. Согласно ему Управление репатриации при полевом управлении ГСОВГ и Отдел репатриации и розыска граждан Объединенных Наций СВАГ реорганизовывались в Управление по репатриации и розыску граждан СССР и иностранных граждан (штат – 53 человека) с дислокацией в Потсдаме[1].

Поток репатриантов СССР в указанный период сильно снизился. Так, в 1946 г. их было 195 273, в 1947 г. – 30 346, в 1948 и 1949 гг. –14 272 и 6 542 соответственно, в 1950 г. – 4 527[2]. Эти процессы объясняются противодействием, оказанным американским, английским и французским правительствами, и состоящем в их фактическом отказе от принятых ранее обязательств; усиленной пропагандой среди советских людей против возвращения в СССР и т.п.

В отношениях между союзниками в это время наблюдается раскол в согласованной ранее политике. Фактически с середины 1946 г. союзники выбрали путь саботажа достигнутых ранее межгосударственных соглашений по вопросам возвращения советских граждан на Родину.

В 1950 г. предпринимались попытки секретного вывоза советских граждан с помощью Международной организации по делам беженцев (далее – ИРО) (возникла в 1946 г.) из Германии в другие страны. Из общего количества 590 тыс. беженцев из разных стран, вывезенных за 26 месяцев, большинство составляли советские граждане (только в 1949 г. их было вывезено 117 599 человек).

Начальник отдела СВАГ по репатриации и розыску советских граждан генерал-майор М. Г. Юркин неоднократно опротестовывал действия западных оккупационных властей, требуя от них, чтобы «всем советским

---

[1] Арзамаскина Н. Ю. Деятельность советских военных органов репатриации. С. 14.
[2] Великая Отечественная война. Кн. 4. С. 182.

гражданам было оказано полное содействие в возвращении на родину»[1]. Поскольку советский представитель отлично знал, что к 1949 г. в Западной Германии оставались только те советские граждане, которые не желали возвращения на Родину, то подобные требования были попыткой заставить западные оккупационные власти передать этих людей советским властям.

По сведениям советских властей, на протяжении пяти первых послевоенных лет в лагерях Западной Германии существовали многочисленные организации, которые при поддержке военных властей западных держав вели постоянную и небезуспешную агитацию среди советских граждан за невозвращение их на родину. Наиболее влиятельными из них были «Толстовский фонд» – среди русских, Украинская национальная рада – среди украинцев, комитеты латышей, литовцев и эстонцев. Не без основания они утверждали, что родина встретит их не с распростертыми объятиями, а тюрьмами и спецлагерями. Все это создавало дополнительные трудности.

Подводя итоги деятельности советских военных репатриационных органов, действовавших на территории Германии, необходимо отметить, что их создание решило множество политических, экономических и морально-нравственных проблем, связанных с репатриацией наших соотечественников.

Итак, итоги работы советских репатриационных органов доказывают, что практические позитивные результаты наблюдались лишь там, где они были предприняты в соответствующих моменту условиях. Решения, принимаемые далеко от места реализации репатриационного процесса, не соответствовали действительности и чаще всего носили декларативный характер. Результаты их реализации не давали должного результата. Большая часть задач, возложенных на органы репатриации, была выполнена.

---

[1] Носова А. А. Освещение в средствах массовой информации процесса репатриации советских граждан // Вестник Полоцкого государственного университета. Гуманитарные науки. История. 2011. № 1. С. 79.

3.2. «Фильтрация» бывших военнопленных: организация и результаты

Одной из таких проблем, привлекших в последние десятилетия повышенное внимание, как профессиональных историков, так и журналистов, стала деятельность органов НКВД по проверке бывших военнопленных и гражданских лиц, депортированных оккупантами во время войны за пределы страны и возвращённых в СССР после её завершения.

Создание в конце 1941 г. по приказу наркома обороны № 0521 фильтрационных лагерей для проверки освобожденных из плена было насущной необходимостью. Проверку в этих спецлагерях проходили не только бывшие военнопленные. Поступавший туда контингент делился на три учетные группы: 1-я – военнопленные и окруженцы; 2-я – рядовые полицейские, деревенские старосты и другие гражданские лица, подозреваемые в изменческой деятельности; 3-я – гражданские лица призывного возраста, проживавшие на территории, занятой противником[1].

Однако может быть, из фильтрационных лагерей бывших пленных действительно отсылали на Колыму? Чтобы разобраться в данной проблеме, необходимо рассмотреть опубликованные на эту тему архивные данные.

По сведениям, приведенным сотрудниками «Мемориала» А. Кокуриным и Н. Петровым в журнале «Свободная мысль», на 1 марта 1944 г. через органы НКВД прошли проверку 312 594 бывших военнослужащих Красной Армии, побывавших в плену или в окружении. Дальнейшая их судьба сложилась по-разному (см. табл. 1).

Таблица 1

Сведения о прошедших проверку бывших военнослужащих Красной Армии, побывавших в плену или в окружении

[1] Пронин А. В. Трагедия плена. С. 95.

по данным А. Кокурина и Н. Петрова[1]

Убыло в райвоенкоматы для дальнейшего направления в Красную Армию	223 272	71,4%
Передано на работу в оборонную промышленность	5 716	1,8%
На укомплектование конвойных войск НКВД	4 337	1,4%
Убыло в госпитали	1 529	0,5%
Умерло	1 799	0,6%
На формирование штурмовых батальонов (т.е. в штрафбаты)	8 255	2,6%
Арестовано	11 283	3,6%

Таким образом, 75,1% бывших пленных благополучно прошли проверку и были направлены кто в армию, кто в народное хозяйство, кто на лечение. Еще 0,6% умерли, что не удивительно, если учесть условия жизни в концлагерях, откуда их освободили. Подверглись же репрессиям (арестованы или отправлены в штрафбаты) всего 6,2%. Однако перечисленные в табл. 1 категории охватывают не все количество бывших пленных. Судьба 56 403 военнослужащих (18,1%) не указана. Скорее всего, они к тому времени еще не прошли проверку и продолжали находиться в спецлагерях.

Почти те же самые данные о бывших военнопленных, содержавшихся в спецлагерях в период с октября 1941 г. по март 1944 г., привел и А. В. Меженько в «Военно-историческом журнале» (см. табл. 2).

Таблица 2

Сведения о прошедших проверку бывших военнослужащих Красной Армии, побывавших в плену или в окружении по данным А. В. Меженько[1]

[1] Кокурин А., Петров Н. НКВД – НКГБ – Смерш: структура, функции, кадры (1944 – 1945) // Свободная мысль. 1997. № 8. С. 96.

Всего поступило	317 594	
Проверено и передано в Красную Армию	223 281	70,3%
В конвойные войска НКВД	4 337	1,4%
В оборонную промышленность	5 716	1,8%
Убыло в госпитали	1 529	0,5%
Умерло	1 799	0,6%
В штурмовые батальоны	8 255	2,6%
Арестовано	11 283	3,5%
Продолжают проходить проверку	61 394	19,3%

В отличие от А. Кокурина и Н. Петрова, А. Меженько указывает архивный источник, откуда взял свои данные. Итак, на март 1944 г. проверку НКВД прошли 256 200 бывших пленных. Из них: благополучно прошли проверку – 234 863 (91,7%); направлены в штрафбаты – 8 255 (3,2%); арестованы – 11 283 (4,4%); умерли – 1 799 (0,7%). Подобное соотношение сохранялось и к осени 1944 г.

Судьба бывших военнопленных, прошедших проверку до 1 октября 1944 г., распределяются следующим образом (см. табл. 3).

Таблица 3

Сведения о ходе проверки б/окруженцев и б/военнопленных по состоянию на 1 октября 1944 г.[2]

Направлено	**человек**	**%**
в воинские части через военкоматы	231 034	76,25%
в штурмовые батальоны	18 382	6,07%
в промышленность	30 749	10,15%
в конвойные войска	5 924	1,96%

[1] Меженько А. В. Военнопленные возвращались в строй // Военно-исторический журнал. 1997. № 5. С. 34.

[2] Шевяков А. А. «Тайны» послевоенной репатриации. С. 8.

арестовано	11 556	3,81%
в госпитали, лазареты, умерло	5 347	1,76%
Всего прошло проверку	302 992	100%

Поскольку в процитированном выше документе для большинства категорий указывается также и количество офицеров, можно подсчитать данные отдельно для рядового и сержантского состава и отдельно для офицеров (см. табл. 4).

Таблица 4

Данные относительно рядового и сержантского состава, а также относительно офицеров[1]

Направлено	**рядовых и сержантов**	**%**	**офицеров**	**%**
в воинские части через военкоматы	203992	79,00%	27042	60,38%
в штурмовые батальоны	2219	0,86%	16163	36,09%
в промышленность	30720	11,90%	29	0,06%
в конвойные войска	?	?	?	?
арестовано	10272	3,98%	1284	2,87%
в госпитали, лазареты, умерло	?	?	?	?
Всего прошло проверку	258208	100%	44784	100%

Таким образом, среди рядового и сержантского состава благополучно проходило проверку свыше 95% (или 19 из каждых 20) бывших военнопленных. Несколько иначе обстояло дело с побывавшими в плену офицерами. Арестовывалось из них меньше 3%, но зато с лета 1943 до осени 1944 г. значительная доля направлялась в качестве рядовых и сержантов в

[1] Там же. С.9.

штурмовые батальоны[1]. И это вполне понятно и оправданно – с офицера спрос больше, чем с рядового. Кроме того, надо учесть, что офицеры, попавшие в штрафбаты и искупившие свою вину, восстанавливались в звании. Например, 1-й и 2-й штурмовые батальоны, сформированные к 25 августа 1943 г., в течение двух месяцев боев показали себя с отличной стороны и приказом НКВД были расформированы. Бойцов этих подразделений восстановили в правах, в том числе и офицеров, и затем отправили воевать далее в составе Красной Армии.

А в ноябре 1944 г. ГКО принял постановление, согласно которому освобожденные военнопленные и советские граждане призывного возраста вплоть до конца войны направлялись непосредственно в запасные воинские части, минуя спецлагеря. В их числе оказалось и более 83 000 офицеров. Из них после проверки 56 160 человек было уволено из армии, более 10 000 направлены в войска, 1 567 лишены офицерских званий и разжалованы в рядовые, 15 241 переведены в рядовой и сержантский состав[2].

Итак, после знакомства с фактами, миф о трагической судьбе освобожденных советских военнопленных с легкостью может быть развенчан. На самом деле вплоть до конца войны подавляющее большинство (свыше 90%) советских военнослужащих, освобожденных из немецкого плена, после необходимой проверки в спецлагерях НКВД возвращались в строй или направлялись на работу в промышленность. Незначительное количество (около 4%) было арестовано и примерно столько же направлено в штрафбаты. Если подводить общий итог, то можно привести следующую таблицу по результатам проверки и фильтрации на 1 марта 1946 г. (см. табл. 5)[3].

Таблица 5

Результаты проверки и фильтрации на 1 марта 1946 г.[4]

---

[1] Шевяков А. А. «Тайны» послевоенной репатриации. С. 9.
[2] Меженько А. В. Военнопленные возвращались в строй. С. 35.
[3] Кокурин А., Петров Н. НКВД – НКГБ – Смерш. С. 98.
[4] Земсков В. Н. Репатриация советских граждан и их дальнейшая судьба. С. 5.

Категории репатриантов	**военнопленные**	**%**
Направлено к месту жительства	281 780	18,31%
Призвано в армию	659 190	42,82%
Зачислено в рабочие батальоны	344 448	22,37%
Передано в распоряжение НКВД	226 127	14,69%
Находилось на сборно-пересыльных пунктах и использовалось на работах при советских воинских частях и учреждениях за границей	27 930	1,81%

Таким образом, из военнопленных, освобожденных после окончания войны, репрессиям подверглись лишь 14,69%. Как правило, это были власовцы и другие пособники оккупантов. Так, согласно инструкциям, имевшимся у начальников проверочных органов, из числа репатриантов подлежали аресту и суду: руководящий и командный состав органов полиции, «народной стражи», «народной милиции», «русской освободительной армии», национальных легионов и других подобных организаций; рядовые полицейские и рядовые участники перечисленных организаций, принимавшие участие в карательных экспедициях или проявлявшие активность при исполнении обязанностей; бывшие военнослужащие Красной Армии, добровольно перешедшие на сторону противника; бургомистры, крупные фашистские чиновники, сотрудники гестапо и других немецких карательных и разведывательных органов; сельские старосты, являвшиеся активными пособниками оккупантов.

Проверка военнослужащих Красной Армии, побывавших в плену или в окружении на армейских СПП и фронтовых проверочно-фильтрационных пунктах (далее – ПФП), проводилась путем личного досмотра и письменных показаний (объяснений) об обстоятельствах пребывания в плену или в окружении. После допросов оперативники «СМЕРШ» выявляли противоречия в ответах и организовывали агентурное изучение

подозреваемых. На каждого проверяемого заводилось учетное дело с протоколами допросов, запросами о социальном происхождении и возможной причастностью к агентуре противника, а также с заключением по результатам фильтрации (призвать повторно в армию, отправить в промышленность или разжалованных офицеров – в штурмовые батальоны; кого-то списывали в связи со смертью и по инвалидности). На подозреваемых заводили дела-формуляры с приобщением агентурных материалов.

Фильтрация завершалась во фронтовых проверочно-фильтрационных лагерях (до 1 октября 1944 г. – в спецлагерях НКВД СССР), где соответствующая проверка продолжалась в течение двух месяцев (соответственно в СПП и ПФП – 5 – 10 дней). В тыловых районах фронтов были развернуты: 2-й Белорусский – 15, 1-й Белорусский – 30, 1-й Украинский – 30, 2-й Украинский – 10, 3-й Украинский – 10, 4-й Украинский – 5 лагерей на 10 000 человек каждый[1].

Только в лагерях 3-го Украинского фронта с 1 февраля по 4 мая 1945 г. было проверено 58 686 человек (16 456 – бывшие военнослужащие Красной Армии, а 12 160 – советские граждане призывного возраста, угнанные в Германию). Из них 376 человек арестовано. После окончания войны и упразднения фронтов на территории СССР действовало 43 спецлагеря и 26 проверочно-фильтрационных лагерей (далее – ПФЛ). В оккупированной советскими войсками части Германии и других странах Восточной Европы имелось еще 74 ПФЛ и 22 СПП[2]. Последние фильтрационные лагеря закрылись только после смерти И. Ф. Сталина.

Прошедших через «фильтр» «СМЕРШ» переданных союзниками бывших советских военнопленных В. С. Абакумов приказал территориальным органам Министерства государственной безопасности (далее – МГБ) взять на «подсобный учет», а по сути вторично подвергнуть

---

[1] Судьба военнопленных и депортированных граждан СССР. С. 105.
[2] Смыслов О. С. Плен. Жизнь и смерть в немецких лагерях. М., 2014. С. 372.

фильтрации.

В отделы «А» (учетно-архивные) республиканских, краевых, областных управлений МГБ направили полученные от союзников (в приказах МГБ их после 1946 г. называли «бывшими союзниками») вместе с репатриантами немецкие учетные карточки. Например, Тюменское Управление МГБ получило несколько мешков таких трофейных документов. Немецкий педантизм и порядочность союзников СССР по антигитлеровской коалиции крепко помогли делу создания местного и центрального «подсобного» учета МГБ.

По трофейным учетным карточкам городские и районные отделы-отделения МГБ должны были установить на оперативно обслуживаемой территории бывших военнопленных-репатриантов, организовать их проверку или розыск (если они не прибыли к довоенному месту жительства) в целях выявления среди них агентов германских, румынских, финских или американских, английских, французских, канадских (в зависимости кто освободил из плена) спецслужб и изобличения военных преступников.

Весной 1945 г. в системе НКВД был создан специальный отдел «Ф», который был призван координировать всю деятельность по проверке и фильтрации репатриируемых советских граждан и граждан союзных и нейтральных государств. В его состав вошли почти все оперативные сотрудники 4-го Управления, которое находилось под непосредственным руководством наркома внутренних дел Л. Берии. Во главе этого специального подразделения был поставлен генерал П. Судоплатов. Кроме отдела «Ф» в центральном аппарате НКВД были организованы периферийные отделы «Ф» при аппаратах уполномоченных НКВД СССР на фронтах, при группах войск[1].

4-е Управление в системе НКВД – НКГБ СССР было занято выполнением специальных заданий советского руководства

[1] Советская военная администрация в Германии. 1945-1949. С. 26.

разведывательного и диверсионно-террористического характера за рубежом (за линией фронта). Именно на это управление и была возложена задача координации проверки и фильтрации репатриируемых граждан Советского Союза и других государств.

Отдел «Ф» действовал в тот период, когда основная часть репатриантов была взята под контроль и находилась под охраной войск НКВД. Под руководством сотрудников отдела была осуществлена классификация репатриантов, дана оценка их деятельности в плену и, следовательно, определена судьба каждого и мера возможного наказания. Большое место в деятельности отдела «Ф» заняло выявление лиц, подозреваемых как агентов спецслужб Германии и союзников, а также в свою очередь вербовка агентуры из числа советских и иностранных репатриантов.

Отдел «Ф» был ликвидирован в августе 1945 г. после того, как были определены дальнейшие действия органов безопасности в отношении основной массы военнопленных и репатриированных лиц, а большая часть иностранных репатриантов покинула пределы Советского Союза и советскую зону оккупации в Германии.

В соответствии с объявленной 7 июля 1945 г. амнистией военнопленные рядового и сержантского состава демобилизуемых возрастов должны были возвратиться домой после соответствующей проверки. Однако во многих случаях в результате применения при специальной проверке незаконных провокационных методов следствия добывались фальсифицированные показания.

В конце июля 1945 г. был издан приказ НКВД СССР «Об объявлении инструкции о порядке учета и регистрации репатриированных советских граждан»[1]. Согласно этой инструкции все репатрианты, военнопленные и гражданские лица рассматривались как враги государства. Ограничивались районы постоянного проживания репатриантов, категорически запрещалось

---

[1] Великая Отечественная война. Кн. 4. С. 184.

направлять их на место жительство в Москву, Ленинград, Киев и населенные пункты, находящиеся в режимной зоне этих городов. В каждом районе создавалась проверочно-фильтрационная комиссия, которая осуществляла регистрацию и проверку каждого репатрианта в возрасте от 16 лет. Дети до 16 лет вписывались в дела своих родственников.

Вернувшимся к месту жительства репатриантам выдавалось специальное удостоверение вместо паспорта и запрещался выезд в другие районы и области. Все прибывшие репатрианты ставились на оперативный учет в органах НКВД.

18 августа 1945 г. ГКО принял постановление «О направлении на работу в промышленность военнослужащих Красной Армии, освобожденных из немецкого плена, и репатриантов призывного возраста»[1]. В соответствии с этим постановлением все они, даже те, на которых не было компрометирующих документов, сводились в «рабочие батальоны НКО» и принудительно направлялись на работу в восточные районы страны и на Крайний Север.

В тот же день СНК СССР принял постановление о направлении на спецпоселение сроком на 6 лет бывших военнослужащих и военнообязанных Красной Армии, служивших в немецкой армии, в специальных вражеских формированиях, в полиции, и власовцев. Их также отправляли на стройки, главным образом в отдаленные районы на самые тяжелые работы.

У тех, кто попадал под трибунал, оставались шансы на справедливое рассмотрение дела. Но ждать этого приходилось неопределенно долго. Некоторые бывшие военнопленные содержались в тюрьмах под следствием по несколько лет, причем иногда дольше, чем тот срок, к которому они приговаривались трибуналом.

Особенно долго длилась проверка бывших военнопленных в лагерях и

---

[1] Постановление ГКО от 18.08.1945 г. № 9871с «О направлении на работу в промышленность военнослужащих Красной Армии, освобожденных из немецкого плена, и репатриантов призывного возраста» (извлечение) [Электронный режим] // URL: http://www.memorial.krsk.ru/DOKUMENT/USSR/450818.htm (дата обращения: 02.04.2020).

проверочно-фильтрационных пунктах, располагавшихся вблизи строек, крупных предприятий, шахт, рудников и т. п. В Воркуте и на Печоре, например, лагеря существовали до 1950 г., а в проверочно-фильтрационном пункте при Ленинградском химполигоне даже до 1953 г.

В борьбе с возможными изменниками не принимались во внимание ни чины, ни должности, ни заслуги, ни награды. Общее число бывших советских военнопленных, подвергшихся разного рода репрессиям (арестам, ссылке, длительному следствию) за одно только пребывание в плену, еще и сейчас определить достаточно точно нельзя. В приговорах военных трибуналов, а тем более постановлениях внесудебных органов (особое совещание, «тройки» и др.) формулировка «за пребывание в плену», естественно, отсутствовала, а установить, что скрывается за номерами тех или иных статей Уголовного кодекса, инкриминированных тому или иному обвиняемому, сейчас практически невозможно. Поэтому, приводимые в различных источниках цифры, в известной мере условны.

В обзорном томе «Всероссийской книги памяти. 1941 – 1945 гг.» говорится: «Вернувшиеся из плена были направлены: более 1 000 000 человек – для прохождения службы в частях Красной Армии, 600 000 – для работы в промышленности в составе рабочих батальонов и 339 000 (в том числе некоторая часть гражданских лиц), как «скомпрометировавшие себя в плену» – в лагеря НКВД»[1]. Эти же цифры фигурируют в ряде других источников.

Вместе с тем указанные сведения требуют пояснения. Формулировка «для прохождения службы» означала чаще всего направление в специально созданные для военнопленных запасные дивизии, откуда многих из них посылали во все те же рабочие батальоны, лагеря или на спецпоселение. Через рабочие батальоны Наркомата обороны, по данным специально назначенной комиссии под председательством Маршала Советского Союза

---

[1] После плена // Родина. 2004. № 7. С. 75 – 77.

Г. К. Жукова прошли 660 000. Всего за 1945 – 1953 гг. в рабочих батальонах различных ведомств содержалось не менее 1 500 000 военнопленных и военнообязанных.

Таким образом, в ходе ВОВ в СССР органами НКВД – НКГБ – СМЕРШ была создана разветвлённая, многоуровневая система проверочно-фильтрационных органов. В её функции входила проверка военнослужащих Красной Армии, побывавших в плену и окружении, лиц подозреваемых в коллаборационизме и советских граждан, репатриированных из-за границы. В ходе масштабных фильтрационных мероприятий было выявлено и подверглось различным наказаниям или взято под негласный контроль большинство лиц, так или иначе сотрудничавших с оккупантами. Проблемы проверки или «фильтрации» бывших военнопленных, а в частности вопрос о ее целесообразности, были весьма актуальны. Проверка бывших военнопленных была вполне обоснованной, однако методы, которые использовались при ее проведении, оставляли желать лучшего.

3.3. Преследование военнопленных в СССР в послевоенный период

Репатриация наших соотечественников, а также иностранных подданных, оказавшихся в ходе войны на территории СССР, была одной из сложных политических, экономических и морально-нравственных проблем для органов государственной власти и управления СССР. В ходе репатриации советских людей, а также после их возвращения в Советский Союз нередко допускались нарушения прав и свобод человека, наблюдались многочисленные факты произвола в отношении репатриантов. Воссоздание объективной картины репатриации граждан СССР даст возможность получить более глубокое представление о существующей в то время форме правления.

Для прошедших спецлагеря НКВД испытания не заканчивались за воротами лагерных бараков. На каждого из прошедших спецпроверку были

заведены досье, включавшие учетную карточку, фильтрационные документы с агентурными материалами, негласными допросами свидетелей и т.д. Все эти документы были направлены из фильтрационных лагерей в местные органы МГБ для оперативного использования, для дальнейшей «разработки» учтенного контингента. Без санкции органов МГБ ни один стоящий на оперативном учете не имел права покидать место жительства. За самовольный отъезд следовало строгое наказание и немедленное возвращение на прежнее место жительства.

«Разработка» на языке карательных органов означала поиск компрометирующих материалов на лиц, побывавших в плену или на работе в Германии. Целые службы этих органов были заняты такой работой. Из центра следовали указания о ее активизации. Местные органы, исполняя эти директивы, пускали в ход различные методы для поиска компрометирующего материала. Не прекращающаяся оперативная «разработка» МГБ бывших военнопленных влекла за собой новые аресты, пополнение ГУЛАГа новыми узниками.

7 февраля 1948 г. министры госбезопасности В. Абакумов и внутренних дел С. Круглов обратились в ЦК ВКП(б) к И. В. Сталину с разработанным по его указанию проектом постановления ЦК ВКП(б) о передаче из МВД в МГБ СССР всей работы по административно ссыльным и высланным за вражескую деятельность и антисоветские связи[1]. В этом письме указывалось на необходимость усиления Министерством государственной безопасности агентурного наблюдения и гласного надзора за ссыльными и высланными, расширения и углубления оперативной работы по выявлению среди спецпоселенцев вражеских элементов. Это было прямое поручение на усиление репрессий среди спецпоселенцев, общая численность которых достигала 2 млн. человек. Среди них было немало и бывших военнопленных.

---

[1] Судьба военнопленных и депортированных граждан СССР. С. 106.

10 февраля 1948 г. на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) по инициативе Н. С. Хрущева было принято решение о создании комиссии в составе: Л. П. Берии, Н. С. Хрущева, М. А. Суслова, В. С. Абакумова, С. Н. Круглова, К. П. Горшенина, Г. Ф. Сафонова для разработки вопросов о переселенцах, административно высланных и ссыльных, об организации специальных тюрем и лагерей для особо опасных преступников, а также о высылке из Украины вредных элементов, находящихся в деревне.

21 февраля 1948 г. был принят пакет документов, обусловливающих усиление репрессий в отношении отбывающих наказание и освобождаемых из заключения особо опасных преступников. В их число, помимо террористов, троцкистов, правых, меньшевиков, эсеров, националистов и других, была добавлена и еще одна группа лиц, в отношении которых предлагалось ужесточить репрессии – лица, представляющие опасность по своим антисоветским связям и вражеской деятельности. Эта формула являлась универсальной и позволяла применить репрессии к очень широкому кругу лиц, в том числе и к бывшим советским репатриантам, военнопленным и гражданским лицам, которые, как уже отмечалось выше, были поставлены поголовно на оперативный учет именно по подозрению в антисоветских связях и вражеской деятельности.

Постановление Совета министров предписывало организовать в районах Колымы, Норильска, в Коми, в районах Караганды и в Темниках Мордовской АССР особые лагеря общей численностью на 100 000 человек. А в городах Владимире, Александровске и Верхнеуральске – особые тюрьмы на 5 000 человек.

По своему смыслу этот пакет документов, принятых 21 февраля 1948 г., как и последующие ведомственные документы, был направлен на полную изоляцию людей, входящих в состав упомянутого выше контингента. Эти документы открывали органам МГБ и на местах возможность осуществления неоправданных репрессий в адрес бывших советских репатриантов, находившихся в МГБ на оперативном учете как «подозрительные по своим

антисоветским связям».

Придавленные произволом бывшие военнопленные и репатрианты надеялись найти защиту в центральных органах власти, полагая, что попрание существовавших законов лишь дело рук местных органов власти и хозяйственников.

В конце 1949 г. в Управление уполномоченного Совета министров СССР по делам репатриации поступило множество писем. Так, Тарасов М. С. из Ленинградской области, находившийся в немецком плену с июля 1942 по 1945 г. после «госпроверки» вернулся в город Красное Село, где работал заведующим книжным магазином, женился. Жена работала вторым секретарем райкома комсомола. В декабре 1949 г. жену освободили от работы в райкоме комсомола потому, что ее муж находился в плену. Районный комитет партии предложил освободить и его от работы заведующим магазином по тем же мотивам. В районном комитете партии жене предложила расторгнуть брак с М. С. Тарасовым, так как в противном случае путь к ее дальнейшему росту и продвижению по службе будет закрыт[1].

31 января 1950 г. генерал-полковник Голиков обратился со специальным письмом в ЦК ВКП(б) в связи с тем, что «поступает значительное количество жалоб от репатриированных советских граждан о том, что им не дают работы, а некоторых уже работающих, снимают с работы якобы по тем мотивам, что они ранее находились в плену в Германии»[2].

В это же самое время, в начале 1950 г., в ЦК ВКП(б) поступила докладная записка от Главного управления кадров Вооруженных Сил о бесправном положении бывших военнопленных офицеров. В этом документе, в частности, сообщалось о конкретных фактах попрания всех

---

[1] Галицкий В. П. Проблема военнопленных и отношение к ней Советского государства // Советское государство и право. 1990. № 4. С. 129.

[2] Конасов В. Б., Терещук А. В. К истории советских и немецких. С. 68.

законов, определяющих даже ограниченные нрава бывших военнопленных и, в частности, о том, что для бывших военнопленных Генштабом вооруженных сил был сформирован отдельный инженерный батальон, который работал на восстановлении ДнепроГЭСа. Бывшие военнопленные, из которых был незаконно сформирован этот батальон, находились на положении заключенных. Они не получали паспортов даже после отбытия срока наказания. А многие, как, например, находившиеся в специальных частях в Донбассе, не получали и заработную плату. В этой докладной записке сообщалось, что все, изложенное в письмах, которые поступали в Министерство вооруженных сил, проверкой подтвердилось.

В письме, направленном в ЦК ВКП(б), заместитель начальника Главного управления кадров генерал-лейтенант Кузовков делает вывод, раскрывая суть дела: «Если в настоящее; время имеются факты, говорящие об ограничении прав бывших военнопленных офицеров, то это вытекает не из законодательства нашего государства и не из указаний МВС (Министерство Вооруженных Сил). Можно предполагать, что жалобы вызваны неправильной практикой работы на местах по отношению к бывшим военнопленным со стороны некоторых уполномоченных МГБ»[1].

Высокие военные чиновники знали всю правду о положении бывших военнопленных, но не смели сказать о нем прямо и открыто, поэтому в ЦК партии они и пишут об «искривлении» партийной линии местными партийно-советскими работниками, представителями МГБ.

В 1951 г. истекал срок спецпоселения для «бывших военнослужащих и военнообязанных Красной Армии, попавших в плен к немцам и служивших в немецких строевых формированиях», и направленных на поселение в соответствии с постановлением ГКО от 18 августа 1945 г. Данное постановление о репрессиях в отношении репатриантов из Германии имело двусмысленную формулировку, определявшую категорию лиц, подлежащих

---

[1] Судьба военнопленных и депортированных граждан СССР. С. 110.

наказанию: «Бывших военнослужащих и военнообязанных Красной Армии, попавших в плен к немцам и служивших в немецких строевых формированиях»[1]. Строго говоря, эта формулировка должна была охватывать только тех военнопленных, которые служили в немецких строевых формированиях. Однако на деле – этому давала обоснование двусмысленная формулировка, – репрессиям подвергались те военнослужащие Красной Армии, которые попали в плен к немцам.

Такая уловка авторов Постановления имела определенную цель. Впоследствии стало ясно, что в Постановлении ГКО имелись в виду две группы военнослужащих: 1-я – те, кто попал в плен, и 2-я – те, кто, будучи в плену, поступили на службу в немецкие военные формирования. Обе эти группы военнослужащих подвергались наказанию согласно Постановлению ГКО от 18 августа 1945 г.

Ранее 7 июля 1945 г. был принят Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об амнистии в связи с победой над гитлеровской Германией»[2]. Амнистия распространялась среди прочих и на всех военнопленных рядового и сержантского состава, за исключением служивших в полиции, власовцев и других лиц, сотрудничавших с противником. Однако, что касается бывших военнопленных, этот указ практически оказался невыполненным.

Мало изменила положение бывших военнопленных и репатриированных лиц смерть И. В. Сталина.

В марте 1954 г. была создана специальная комиссия, которой было поручено подготовить вопрос о снятии некоторых ограничений в правовом положении спецпоселенцев. Спустя некоторое время она направила Маленкову и Хрущеву свои предложения, в которых, в частности, отмечалось, что в подавляющем большинстве спецпоселенцы лично не совершили никакого преступления перед государством. Однако все осталось по-прежнему.

---

[1] Великая Отечественная война. Кн. 4. С. 188.
[2] Судьба военнопленных и депортированных граждан СССР. С. 109.

В конце 1954 г. председатель КГБ СССР Серов И.А. обратился с письмом в КПСС, в котором предложил программу организации пропаганды за возвращение советских граждан, оставшихся после Второй Мировой войны в Западной Европе. Он предлагал Указом Президиума ВС СССР объявить амнистию «перемещенным лицам», в том числе служившим в различных немецких формированиях, в административных и прочих учреждениях, существовавших на оккупированной территории. В начале января 1955 г. эти предложения были одобрены Президиумом ЦК КПСС.

Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об амнистии советских граждан, сотрудничавших с оккупантами в период Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг.», был принят 17 сентября 1955 г[1]. В отличие от первоначального проекта, он распространялся и на тех лиц, которые находились на территории Советского Союза. Этим указом освобождались из мест заключения и от других видов наказания лица, осужденные на срок до 10 лет лишения свободы включительно за совершенные в 1941 – 1945 гг. преступления, которые соответствующие статьи УК формулировали как измена родине, сношение в контрреволюционных целях с иностранным государством или его отдельными представителями, шпионаж, антисоветская агитация или пропаганда, недоносительство и др. Лицам, осужденным за те же преступления на срок свыше 10 лет, срок наказания сокращался на половину.

Из мест заключения должны были вернуться лица, осужденные за службу в немецкой армии, полиции, специальных немецких формированиях, независимо от срока наказания. Освобождались также от дальнейшего отбытия наказания лица, направленные за эти преступления в ссылку и высылку. Предлагалось снять судимости и поражения в правах с лиц, освобожденных от наказания по этому указу, и с лиц судимых ранее и отбывших наказание за указанные выше преступления.

---

[1] Галицкий В. П. Проблема военнопленных и отношение к ней Советского. С. 129.

Кроме того, Указ предусматривал освобождение от ответственности находящихся за границей советских граждан, которые во время войны сдались в плен врагу или служили в немецкой армии, полиции и специальных немецких формированиях, а также тех, кто занимал во время войны руководящие должности в полиции, жандармерии и органах пропаганды при условии, если они искупили свою вину последующей патриотической деятельностью и явились с повинной. Явка с повинной рассматривалась как смягчающее обстоятельство и в отношении тех, кто совершил тяжкие преступления. В этих случаях наказание не должно было превышать пять лет ссылки.

Указ предусматривал освобождение от ответственности и тех лиц, которые были виновны в совершении воинских преступлений, в случае явки с повинной судебное расследование должно было проводиться без ареста обвиняемых.

Принятие Указа и данных Министерством юстиции СССР разъяснений, касающихся бывших военнопленных, находившихся вне пределов Советского Союза, всколыхнуло советских репатриантов – как бывших военнопленных, так и гражданских лиц. В партийно-государственные органы начали поступать их многочисленные обращения, в которых репатрианты, сообщая о своих злоключениях, требовали восстановления справедливости.

19 апреля 1956 г. Президиум ЦК КПСС принял решение о создании Комиссии под руководством Г. К. Жукова, которой поручалось разобраться с положением вернувшихся из плена военнослужащих Советской Армии. За сравнительно небольшой период времени она провела огромную работу, связанную с изучением фактического положения вернувшихся из плена военнослужащих Советской армии и лиц, не находящихся на военной службе. На основе анализа данных, представленных органами репатриации, личных встреч и бесед с бывшими военнопленными, сведений из писем и обращений, поступавших в Министерство обороны от военнослужащих, находившихся в плену или в окружении в годы войны, а также изучения

отечественного (советского и дореволюционного) и зарубежного законодательства о военнопленных и практики его применения комиссией были подготовлены необходимые материалы для рассмотрения вопроса о военнопленных на заседании Президиума ЦК КПСС[1].

Комиссия пришла к выводу, что в СССР повсеместно имеют место нарушение в отношении бывших военнопленных и их семей, массовый произвол со стороны государственных органов и должностных лиц, наносящие большой морально-политический урон советским людям и государству.

В документах комиссии приводились примеры об отношении к бывшим военнопленным, возвратившимся из плена. Вот некоторые из них[2]:

1. Бывший подполковник Палий М. Я., бывший начальник связи 138 стрелковой дивизии, 1915 г. рождения, состоял в КПСС с 1943 г. С первых дней войны непосредственно находился в действующей армии, дважды ранен и тяжело контужен. Был награжден двумя орденами и двумя медалями.

В плен попал 9 марта 1945 г. в Карпатах за два месяца до окончания войны. Находясь в оперативной группе командира дивизии на передовой линии и при следовании в один из полков для проверки связи, на рассвете утром попал в засаду немецких разведчиков, пробравшихся к флангу полка, и ударом был сбит и в бессознательном состоянии пленен.

Немцы направили его в лагерь Судецкой области, откуда Палий был освобожден советскими войсками. Все время находился в форме. При освобождении он явился в часть, откуда был направлен в штаб 4 Уф. В комендатуре города был арестован уполномоченным МГБ по обвинению в сотрудничестве с немцами. После короткого следствия трибуналом был осужден на 10 лет и 5-ти годам поражения в правах. Срок наказания отбывал в Норильске.

Освобожден 28 февраля 1955 г. Судимость снята по Указу от 17

---

[1] После плена. С. 75.
[2] Там же. С. 77.

сентября 1955. Работал чернорабочим в домоуправлении, т. к. устроиться на другую работу было невозможно, мешало пребывание в плену, несмотря на все заслуги в течение 4-х лет пребывания на фронте.

2. Офицер запаса Фролов И. М., проживающий в г. Тамбове, будучи офицером действующей армии в 1943 г. при высадке десанта в Крыму был контужен и взят в плен. По истечении 3-х месяцев был освобожден нашими войсками. Возвратившись из плена был восстановлен в правах и продолжал участвовать в боях. В 1945 г. был демобилизован. «В связи с тем, что в личном деле Фролова были записи о нахождении его в плену, – указано в документах комиссии, – он постоянно преследовался как бывший военнопленный и уволен с работы»[1].

В материалах комиссии также приводились многочисленные примеры решения проблемы бывших военнопленных в некоторых зарубежных странах (США, Великобритании, Франции, Италии, ФРГ, Швеции, Японии и др.), свидетельствовавшие о внимательном отношении к этой категории граждан, материальной и моральной поддержке их государством. «Командир 1 воздушно-десантной дивизии Великобритании генерал-майор Уркварт Роберт Элиот был пленен в сентябре 1944 г. немецкими войсками в районе г. Арден. Его дивизия была разгромлена, из 10 095 человек штатного личного состава 7 605 было убито, ранено и захвачено в плен. Уркварт из плена бежал, был награжден орденом, а в 1945 – 1946 гг. он служил в военном министерстве, позже командовал воздушно-десантной дивизией, в 1952 г. командовал английскими войсками в Малайе, а затем был назначен на должность главнокомандующего английскими войсками в Австрии. В настоящее время Уркварт находится в отставке. Английская пресса расценивает Уркварта как национального героя страны»[2].

Комиссия предлагала[3]: принять постановление ЦК КПСС и Совета

---

[1] После плена. С. 76.
[2] После плена. С. 80.
[3] Судьба военнопленных и депортированных граждан СССР. С. 111 – 112.

министров СССР, осуждающее практику огульного политического недоверия к бывшим советским военнослужащим, находившимся в плену или окружении противника; распространить действие Указа Президиума ВС СССР от 17 сентября 1955 г. об амнистии на бывших советских военнослужащих, осужденных за сдачу в плен; при пересмотре военных дел на бывших военнопленных выявить и реабилитировать тех из них, кто попал в плен в условиях, вызванных боевой обстановкой и необоснованно осужденных за то, что, будучи в лагерях, они выполняли административно-хозяйственные функции по обслуживанию бытовых нужд самих военнопленных; пересмотреть дела о партийной принадлежности бывших военнопленных, исключенных из партии в связи с пребыванием в плену; в необходимых случаях восстановить в офицерских званиях бывших военнопленных советских офицеров, лишенных воинских званий во внесудебном порядке.

29 июня 1956 г. на заседании Президиума ЦК КПСС было принято секретное постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «Об устранении последствий грубых нарушений законности в отношении бывших военнопленных и членов семей». Предложения Комиссии Г.К. Жукова легли в основу этого постановления.

Но, признав, что подавляющее большинство советских военнослужащих попало в плен ввиду невозможности дальнейшего сопротивления, что исключало их преследование даже на основе законодательства того времени, авторы постановления не смогли или не захотели пойти дальше применения амнистии по отношению к попавшим в плен и индивидуальной реабилитации тех из них, кто мог найти доказательства вынужденной сдачи в плен. Кстати, презумпция невиновности требовала, чтобы бремя доказательства преступления, в данном случае добровольной сдачи в плен или переход, на сторону врага, органы правосудия брали на себя.

В постановлении ни слова не говорилось о реабилитации членов семей

советских военнопленных, испытавших на себе все виды репрессий: моральных, экономических, политических. В постановлении полностью обойдены проблемы военнообязанных из числа гражданских репатриантов, прошедших через каторгу проверочных лагерей и «рабочих батальонов», закрепленных после окончания «проверки» в постоянных кадрах предприятии.

Но и это постановление претворялось в жизнь с большим трудом. 10 августа 1956 г. в ЦК КПСС обратились руководители отдела административных органов ЦК Генеральный прокурор СССР Руденко. Они высказали мнение о нецелесообразное издания специального Указа Президиума Верховного Совета СССР о распространении Указа от 17 сентября 1955 г. об амнистии на бывших военнослужащих Советской Армии и Флота, осужденных за сдачу в плен противнику. По их мнению, это было актом дополнительной амнистии. Поэтому они предлагали ограничиться изданием разъяснения Президиума Верховного Совета по этому вопросу, что и было сделано 18 сентября 1956 г.

Итак, многие офицеры-репатрианты, находившиеся после войны на спецпоселении или в заключении, были реабилитированы. 29 июня 1956 г. ЦК КПСС и Совет Министров СССР приняли постановление «Об устранении последствий грубых нарушений законности в отношении бывших военнопленных и членов их семей». Проверке и пересмотру подверглись дела на офицеров, находившихся в фашистском плену и после войны подвергшихся репрессиям. По итогам этой работы целый ряд бывших офицеров-репатриантов был восстановлен в офицерских званиях, а членам их семей возвращено право на получение государственных пособий. В послевоенный период гражданские права бывших военнопленных нарушались, подвергались контролю со стороны государства. Комиссия 1956 г. объявляла амнистию, это шаг, на который пошло советское правительство, восстанавливая права бывших военнопленных, подвергшихся репрессиям.

ГЛАВА 4. ПРИМЕНЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ ИССЛЕДОВАНИЯ В ПРЕПОДАВАНИИ ИСТОРИИ В СРЕДНИХ ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ

Результаты нашего исследования на основе тематического планирования могут использоваться в курсе «История России» за 10 класс.

В учебнике, составленном на основе программы общеобразовательных учреждений по «Истории России»[1], тема плена раскрывается в рамках Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг.

О пленных вскользь упоминается в пункте 5 «Немецкий оккупационный режим»[2] § 22 «Поражения и победы 1942 г. Предпосылки коренного перелома».

Календарно-тематический план для 10 класса по «Истории России» ориентирован на применение учебника: История России. 10 класс. Учебник для общеобразовательных организаций. В 3 ч. Ч. 2 / [М. М. Горинов, А. А. Данилов, М. Ю. Моруков и др.]; под ред. А. В. Торкунова. – М.: Просвещение, 2016. – 176 с.

На основе данной программы, годовой учебный курс по истории России для 10 класса рассчитан на 54 часа преподавания.

В связи с тем, что в учебной программе практически не уделено место проблемам плена мы решили использовать результаты исследования в проведении внеклассного мероприятия: «Плен в период Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.».

Мероприятие может быть приурочено к Международному дню освобождения узников фашистских концентрационных лагерей (11 апреля).

---

[1] История России. 10 класс. Учебник для общеобразовательных организаций. В 3 ч. Ч. 2 / [М. М. Горинов, А. А. Данилов, М. Ю. Моруков и др.]; под ред. А. В. Торкунова. – М.: Просвещение, 2016. – 176 с.

[2] Там же. С. 28.

Тип внеклассного мероприятия	Тематическое
УМК	1. Андреевская Т. П. История России. Поурочные рекомендации. 10 класс: пособие для учителей общеобразовательных организаций. – М.: Просвещение, 2015. – 240 с. 2. Артасов И. А. История России. Контрольные работы. 10 класс: учебное пособие для общеобразовательных организаций. – М.: Просвещение, 2017. – 112 с. 3. История России. 10 класс. Учебник для общеобразовательных организаций. В 3 ч. Ч. 2 / [М. М. Горинов, А. А. Данилов, М. Ю. Моруков и др.]; под ред. А. В. Торкунова. – М.: Просвещение, 2016. – 176 с.
Форма внеклассного мероприятия	Интеллектуальная историческая игра – викторина по аналогии с игрой «Умники и умницы»
Цель внеклассного мероприятия	Формирование патриотизма и углубление знания по истории плена в годы ВОВ
Планируемые общеобразовательные результаты	**Личностные:** осмысление достижений и уроков исторического пути, пройденного народом в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.; воспитание гражданственности и патриотизма; осмысление ценности человеческой жизни. **Предметные:** получить базовые данные по проблеме плена, способность их анализировать; систематизировать информацию о правовом статусе и об условиях содержания пленных из разных исторических источников (нормативные акты, мемуары, справочники); готовность применять

	полученные знания о существующих и действующих нормативно-правовых актах, регулирующие положение бывших пленных в современном обществе. **Метапредметные:** *познавательные УУД*: умение работать с информацией, анализировать и синтезировать материал, способность решать творческие задачи, представлять результаты своей деятельности в различных формах (сообщение, рассказ и др.); *регулятивные УУД*: постановка цели, контроль и оценка своих действий, рефлексия деятельности; *коммуникативные УУД:* готовность работе в коллективе, высказывать свою точку зрения и уважать позицию своих товарищей и учителя.
Оборудование	1. Ноутбук (с программным обеспечением Microsoft Power Point). 2. Мультимедийный проектор или мультимедийная доска. 3. Мультимедийная презентация, выполненная в Microsoft Power Point. 4. Табло или грифельная доска для подсчета очков. 5. Знаки отличия для игроков – ордена «Умников» и «Умниц». 6. Разноцветные квадраты (красного, желтого и зеленого цветов), размером 50х50 для оформления дорожек.

Ход мероприятия

Этап меро-приятия, время этапа		Задачи этапа	Методы и приемы обучения	Формы учебного взаимо-действия	Работа учителя	Работа учеников	Формируемые УДД и предметные действия
Мотивационно-целевой этап (5 мин.)	Орг. блок, 1 мин.	Организовать обучающихся. Развить лидерские качества.	Словесный: объяснение, рассказ. Наглядный: метод демонстрации.	Фронтальная	Приветствует обучающихся. Проверяет готовность к игре. Объясняет правила игры (см. Приложение 5).	Приветствуют учителя. Организуют свое рабочее место. Делятся на команды и выбирают капитана.	Регулятивные УДД: ставить самостоятельно цель деятельности
	Мотивационный блок, 4 мин.	Повысить познавательную активность	Словесный: объяснение, беседа. Наглядный:	фронтальная	Демонстрирует положительный настрой на работу и	Представляют команды и капитана. Анализируют	Познавательные: работа с информацией; способность

		участников в условиях игры.	метод демонстрации.		сотрудничество. – Сегодня мы должны выяснить положение военнопленных в период ВОВ и уже после возвращения на Родину. – Как в обществе относились к феномену плена? – Какие книги из литературы известны вам про пленных и	ситуацию с заданной точки зрения и прогнозировать последствия и результаты исторических процессов и явлений. Актуализируют знания из смежной дисциплины (литература) для определения особенностей отношения к пленным в	решать поставленные творческие задачи в заданных условиях. Коммуникативные УДД: высказывать и аргументировать собственные суждения.

					как в них прописано отношение к пленным?	отечественной литературе.	
Этап открытия новых знаний. Практическая часть (25 мин)		Выявить и поддержать обучающихся, заинтересованных в углубленном изучении истории России.	Словесный: беседа. Наглядный: метод демонстрации.	Индивидуально-групповая	Задает блиц-вопросы, вопросы на дорожках. (см. Приложение 6).	Актуализируют полученные ранее знания. Выстраивают логическую цепочку рассуждений. Анализируют исторические документы с авторской и своей собственной позиций. Формулируют	Коммуникативные: оформление своих мыслей в устной форме; владение монологической речью, слушание и понимание речи других Познавательные: решение творческих задач и

						ответ на вопрос в виде краткого или развернутого ответа (в зависимости от содержания вопроса).	представление результатов своей деятельности.
Этап усвоения знаний. (10 мин.)		Расширить кругозор участников по изучаемой проблеме.	Словесный: беседа. Наглядный: метод демонстрации.	Индивидуально-групповая	Задает финальные вопросы на дорожках (см. Приложение 6).	Обобщают информацию на основе систематизации знаний. Самостоятельно планируют познавательную деятельность по исследуемой проблеме.	

						Раскрывают взаимосвязь политических и военных событий. Оценивают влияние разных факторов на итоги репатриации.	
Подведение итогов, рефлексия. (5 мин.)		Активизировать познавательную активность обучающихся.	Словесный: объяснение, беседа. Проектная деятельность.	Групповая	Рефлексия: учитель задает вопросы: – В конце игры, мне хочется узнать у вас, в чем видите вы проблемы плена?	Размышляют над вопросами учителя. Высказывают свои суждения. Воспринимают задание, уточняют, задают вопросы.	Познавательные: анализируют, применяют полученные знания для ответа на вопросы учителя Коммуникатив

					– Как вы думаете, почему советские военнопленные оказались по сути в бесправном состоянии не смотря на наличие международных конвенций, регламентирующих содержание в плену? – Оправданна ли была «фильтрация» возвратившихся		ные: высказывают свои суждения, оценивая и дополняя ответы своих товарищей. Регулятивные: рефлексия своей деятельности Личностные: осмысление ценности человеческой жизни и уроков исторического пути, пройденного

					из плена красноармейцев и гражданских лиц? – Какое бы вы предложили решение имеющихся проблем плена в современном мире? Учитель подводит краткий итог всех высказанных обучающимися точек зрения. Дает домашнее		народом в годы ВОВ; осознание своей четкой гражданской позиции по поднимаемым вопросам.

					задание. Выполнить проектную работу, посвященную проблеме плена, результат представить в виде презентации или буклета.		

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Ведение военных действий практически всегда сопряжено с появлением военнопленных. Эта истина ни раз доказывалась историей прошлого, в которой было огромное количество войн и локальных конфликтов. Плен для военнослужащего связан с тяжелым напряжением всех сил человеческого организма. В XX в. мир прошел через две глобальные войны.

В период ВОВ феномен плена был широко распространен. Плен был невероятным нравственным, психологическим и физическим испытанием для огромного количества советских военнопленных. В отечественной исторической науке вопросы плена долгое время не освещались и не исследовались в широком спектре. И только прошедшее двадцатилетие стало временем открытия целого ряда ранее заповедных страниц отечественной истории.

При этом заметной ревизии подверглись постулаты и штампы советской историографии, в частности некогда бережно охранявшийся миф о единстве советского общества. Лишенцы, спецпереселенцы, трудмобилизованные, трудпоселенцы, депортированные, репатрианты в последние годы стали предметом самого пристального внимания историков.

Сложной оказалась судьба советских военнопленных. Правовой статус военнопленных регламентировался Гаагской конвенцией 1907 г. и Женевской конвенцией 1929 г. о военнопленных и был основан на принципах гуманного обращения с ними. Однако, на практике в полной мере положения данных конвенций не соблюдались ни одной из воюющих сторон, и в большей степени Германией.

Попытки добиться обращения с советскими военнопленными в соответствии с международно-правовыми нормами по существу ничем не заканчивались. Все действия Международного Комитета Красного Креста по облегчению положения советских военнопленных оказались напрасными.

Правовое положение военнопленных в большинстве случаев зависело от внутренних документов воюющих сторон, а не от международных соглашений.

Преступное отношение немецких властей к советским военнопленным – это не результат единичных эксцессов, а планомерная и четко организованная кампания, созданная на основе нацистской идеологии.

На политику нацистского государства в отношении советских военнопленных накладывается то обстоятельство, что вся система концлагерей как таковая была изначально ориентирована на массовое уничтожение пленных.

С самого начала пленения немецкое командование применяло различные средства деморализации военнопленных: транспортировка; размещение концлагерей; виды работ, которыми приходилось заниматься военнопленным; устройство концлагерей; система продовольственного обеспечения; санитарно-гигиенические и бытовые условия; сталкивание военнопленных разных национальностей; порядок захоронения военнопленных.

Во время следования в концлагеря военнопленные перемещались либо пешком до близ лежащих железнодорожных станций, а оттуда в места заключения, либо сразу железнодорожным. Однако места приема военнопленных совершенно не были подготовлены к их приему. Физическое состояние пленных после перемещения в тяжелых условиях было критическим. Психологически они так же были деморализованы, а содержание их в условиях полной антисанитарии становилось основной причиной их смерти от элементарной дистрофии, туберкулеза, воспаления легких.

В плену гитлеровцами были созданы все предпосылки для того, чтобы склонить заключенных на свою сторону. Активно проводилась идеологическая работа среди пленных в местах их заключения с помощью газет, радиопередач и непосредственного общения. Эта работа неоднозначно

оценивалась военнопленными.

Некоторая часть пленных категорически выступала против любых попыток их «перевоспитать», не боясь последующих наказаний. Они организовывали подпольные организации, вели различного рода саботажно-диверсионными работами, совершали побеги, организовывали вооруженные восстания, оказывали посильную помощь своим соотечественникам, находившимся в плену. Другие примкнули к врагу, рассчитывая выжить таким способом, хотя некоторые использовали данную возможность, чтобы вернуть к своим.

В процессе освобождения и репатриации бывших военнопленных, а также деятельности органов, занимающихся репатриацией, выделяют четыре этапа. Большую часть задач, определенных для них советским правительством, они исполнили. Вместе с тем меры, использовавшиеся по отношению к репатриантам, позволяют нам сделать вывод о насильственном характере репатриационных процессов, охвативших западные и восточную оккупационные зоны Германии, контролируемых союзниками.

Проверка бывших военнопленных была вполне обоснованной, с использованием различных методов при ее проведении. Гражданские права бывших военнопленных после возвращения их на Родину нарушались, а сами военнопленные подвергались контролю со стороны государства. Комиссия 1956 г. по реабилитации и репатриации проводила частичную амнистию. Это шаг, на который пошло советское правительство, восстанавливая права бывших военнопленных.

Бывших военнопленных уравняли с участниками немецких военных формирований, полицейскими и карателями, которых амнистировали раньше, в 1955 г. Через год амнистию провели среди бывших военнопленных, не совершивших никаких преступлений.

Изучать данные вопросы необходимо и целью восстановления исторической справедливости и законных прав россиян, попавших в плен и в окружение в боях при защите Отечества, оказавшихся на временно оккупированной территории и репатриированных в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период.

Проблема советских военнопленных очень многогранна и сложна, сочетает в себе объективные и субъективные факторы, материальные и психологические аспекты.

Во многом конкретные условия жизни в плену являлись следствием политических и идеологических причин, были обусловлены, стремлением лишить человека надежды и воли к борьбе, и являлись средствами деморализации советских военнопленных.

Проблемы плена актуальны и по сей день. Это связано с отсутствием четкого определения статуса военнопленного и многих документов, относящихся к реабилитации бывших пленных, необходимых, пока еще живы некоторые из них.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

I. ИСТОЧНИКИ

1. IV Гаагская конвенция о законах и обычаях сухопутной войны 1907 года с приложением: «Положение о законах и обычаях сухопутной войны» [Электронный ресурс] // URL: https://doc.mil.ru/documents/quick_search/more.htm?id=11967448%40egNPA (дата обращения: 20.12.2019).

2. Борисов А. Нюрнбергский процесс, сборник документов (Приложения) [Электронный ресурс] // URL: http://indbooks.in/mirror4.ru/?page_id=234580 (дата обращения: 18.12.2019).

3. Бухенвальд: Документы и сообщения / под ред. Д. С. Карева. – М.: Издательство иностранной литературы, 1962. – 784 с.

4. Военнопленные в СССР. 1939 – 1956. Документы и материалы / Сост. М. М. Загорулько, С. Г. Сидоров, Т. В. Царевская; Под ред. М. М. Загорулько. – М.: Логос, 2000. – 1120 с.

5. Гриф секретности снят: Потери Вооруженных сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах: Статистическое исследование / Под общ. Ред. Г. Ф. Кривошеева. – М.: Воениздат, 1993. – 415 с.

6. Доклад Комиссии при Президенте Российской Федерации по реабилитации жертв политических репрессий о ходе исполнения Закона Российской Федерации «О реабилитации жертв политических репрессий» [Электронный ресурс] // URL: https://alexanderyakovlev.org/personal-archive/articles/7141 (дата обращения: 02.02.2020).

7. Документы внешней политики СССР. – Том 1 (7 ноября 1917 – 31 декабря 1918). – М.: Госполитиздат, 1959. – 773 с.

8. Документы обвиняют. Сборник документов о чудовищных преступлениях немецко-фашистских захватчиков на советской территории. – М.: ОГИЗ, 1945. – 392 с.

9. Постановление ГКО от 18.08.1945 г. № 9871с «О направлении на работу в промышленность военнослужащих Красной Армии, освобожденных из немецкого плена, и репатриантов призывного возраста» (извлечение) [Электронный режим] // URL: http://www.memorial.krsk.ru/DOKUMENT/USSR/450818.htm (дата обращения: 02.04.2020).

10. Приказ № 270 от 16 августа 1941 г. // Военно-исторический журнал. – 1988. – № 9. – С. 26 – 28.

11. СС в действии. Документы о преступлениях СС / под ред. М. Ю. Рагинского. – М.: Издательство «Прогресс», 1968. – 624 с.

12. Судьба военнопленных и депортированных граждан СССР. Материалы Комиссии по реабилитации жертв политических репрессий // Новая и новейшая история. – 1996. – № 2. – С. 96 – 113.

13. Указ Президента РФ от 24.01.1995 г. № 63 «О восстановлении законных прав российских граждан – бывших советских военнопленных и гражданских лиц, репатриированных в период Великой Отечественной войны и в послевоенный период» [Электронный ресурс] // URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/7453 (дата обращения: 03.06.2020).

14. Указ Президента РФ « О проведении в Российской Федерации Года памяти и славы» № 327 от 08.07.2019 г. [Электронный ресурс] // URL: https://xn--2020-k4dg3e.xn--p1ai/upload/doc/doc-ykaz.pdf (дата обращения: 09.10.2019 г.).

15. Хрестоматия по истории СССР. Учеб. пособ. для пед инст. по специальности «История» / под ред. Э. М. Щагина. – М.: Просвещение, 1991. – 544 с.

16. Христофоров В. С. История страны в документах архивов ФСБ России: Сборник статей и материалов. – М.: Издательство Главного архивного управления города Москвы, 2013. – 960 с.

II. МОНОГРАФИИ И СТАТЬИ

17. Алексеев Н. С. Злодеяния и возмездие: Преступления против человечества. – М.: Юридическая литература, 1986. – 400 с.

18. Арзамаскина Ю. Н., Волков А. П. Заложники Второй мировой войны: итоги репатриации советских и иностранных граждан в 1944 – 1953 гг. // Вестник Екатерининского института. – 2012. – № 1. – С. 103 – 110.

19. Бродский Е. А. Подпольная организация «Братское сотрудничество военнопленных» в Германии. 1942 – 1944 г. // Новая и новейшая история. – 2001. – № 3. – С. 151 – 165.

20. Великая Отечественная война. 1941 – 1945. Военно-исторические очерки. В 6-ти кн. – М.: Наука, 1999. – Кн. 4. – 386 с.

21. Веремеев Ю. Г. Солдаты и конвенции. Как воевали по правилам. – М.: Алгоритм, 2012. – 320 с.

22. Волкогонов Д. А. Триумф и трагедия: Политический портрет И. В. Сталина. В 2-х кн. – Барнаул: Алтайское книжное издательство, 1990. – Кн. 2. – 544 с.

23. Галицкий В. П. Проблема военнопленных и отношение к ней Советского государства // Советское государство и право. – 1990. – № 4. – С. 124 – 130.

24. Герман А. А. Концепция репатриации советских граждан: формирование и реализация в середине 1940-х гг. // Проблемы российской цивилизации и методики преподавания истории. – 2016. – № 8. – С. 136 – 143.

25. Гуркин В. В. О людских потерях на советско-германском фронте в 1941 – 1945 гг. // Новая и новейшая история. – 1992. – № 3. – С. 219 – 224.

26. Дембицкий Н. П. Судьба пленных // Война и общество. 1941 – 1945 гг. В 2-х книгах. – Книга 2. – М.: Наука, 2004. – С. 232 – 264.

27. Долгов Д. В. Ценный источник по истории Великой Отечественной войны // Вопросы истории. – 2006. – № 6. – С. 175.

28. Дугас И. А., Черон Ф. Я. Вычеркнутые из памяти: Советские военнопленные между Гитлером и Сталиным. – Париж: YMCA – PRESS, 1994. – 436 с.

29. Ерин М. Е. Австрийские историки о судьбе советских военнопленных // Вопросы истории. – 2006. – № 12. – С. 157 – 161.

30. Ерин М. Е. Военнопленные Второй Мировой войны. Плен – лагерная жизнь – возвращение // Новая и новейшая история. – 2007. – № 3. – С. 242 – 246.

31. Ерин М. Е. Историография ФРГ о советских военнопленных в фашистской Германии // Вопросы истории. – 2004. – № 7. – С. 152 – 160.

32. Ерин М. Е. Советские военнопленные в Германии в годы второй мировой войны // Вопросы истории. – 1995. – № 11 – 12. – С. 140 – 150.

33. Ерин М. Е., Хольный Г. Л. Трагедия советских военнопленных. История шталага 326 (VI К) Зенне, 1941 – 1945 гг. – Ярославль: ЯрГУ, 2000. – 138 с.

34. Земсков В. Н. Возвращение советских перемещенных лиц в СССР. 1944 – 1952 гг. // Труды института российской истории РАН. – 2013. – № 11. – С. 244 – 284.

35. Земсков В. Н. «Статистический лабиринт». Общая численность советских военнопленных и масштабы их смертности // Российская история. – 2011. – № 3. – С. 22 – 32.

36. Земсков В. Н. Репатриация советских граждан и их дальнейшая судьба (1944 – 1956 гг.) // Социологические исследования. – 1995. – № 5. – С. 3 – 13.

37. Ильенков С. А., Мухин В. В., Полян П. М. Трофейные немецкие картотеки советских военнопленных как исторический источник // Новая и новейшая история. – 2000. – № 5. – С. 147 – 155.

38. Ильин Е. В. К вопросу о содержании военнопленных в 1941 – 1945 гг. // Гуманитарный научный вестник. Исторические науки и археология. – 2016. – № 1. – С. 4 – 10.

39. Ипполитов Г. М. «Ни шагу назад!»: жестокая, но необходимая мера (дискуссионные размышления в связи с 75-летием приказа Народного комиссара обороны СССР № 227 от 28 июля 1942 г.) // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – 2017. – Т. 19. – № 3. – С. 94 – 110.

40. Киселев М. А. О проблеме советских военнопленных в годы Великой Отечественной войны (на материалах Пензенской области) // XXI век: итоги прошлого и проблемы настоящего плюс. – 2013. – Том 1. – № 11 (15). – С. 37 – 43.

41. Киселев М. А. Участие пензенцев в сопротивлении советских военнопленных в годы Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2014. – № 12 (50). – Ч. III. – С. 99 – 102.

42. Книга исторических сенсаций. – М.: Раритет, 1993. – 95 с.

43. Когда убивает государство…Смертная казнь против прав человека / Пред. и ред. С. Г. Келиной. – М.: Прогресс, 1989. – 424 с.

44. Кожевников Ф. И. Великая Отечественная война СССР и некоторые вопросы международного права. – М.: Юриздат, 1954. – 376 с.

45. Кокурин А., Петров Н. НКВД – НКГБ – Смерш: структура, функции, кадры (1944 – 1945) // Свободная мысль. – 1997. – № 8. – С. 93 – 110.

46. Кольга Г. И. Роль и место Верховного командования Вермахта в структуре высшего военного руководства нацистской Германии // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. – 2009. – № 6. – С. 71 – 76.

47. Конасов В. Б., Терещук А. В. К истории советских и немецких военнопленных (1941 – 1943 гг.) // Новая и новейшая история. – 1996. – № 5. – С. 54 – 72.

48. Конасов В. Б., Терещук А. В. Новый подход к изучению

безвозвратных потерь в годы Великой Отечественной войны // Вопросы истории. – 1990. – № 6. – С. 185 – 188.

49. Косенко О. Н. Советские военнопленные в Германии. 1944 – 1945 гг. // Военно-исторический журнал. – 2006. – № 7. – С. 20 – 25.

50. Кудряшов Н. Цивилизованные изверги // Родина. – 2002. – № 6. – С. 71 – 73.

51. Лифинский В. М. Музыкальные вечера в Дахау. «Променад» по аппельплацу и лагерштрассе. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство «ОнтоПринт», 2019. – 334 с.

52. Меженько А. В. Военнопленные возвращались в строй // Военно-исторический журнал. – 1997. – № 5. – С. 31 – 44.

53. Мельников Д. Е., Черная Л. Б. Империя смерти: Аппарат насилия в нацистской Германии. 1933 – 1945. – М.: Политиздат, 1987. – 414 с.

54. Минасян М. Н. Международные преступления третьего рейха. – Саратов: Издание Саратовского университета, 1977. – 392 с.

55. Мухамеджанов М. М. Советские и германские военнопленные в годы Второй мировой войны (сравнительный анализ численности) // Знание. Понимание. Умение. История и современность. – 2012. – № 3. – С. 168 – 171.

56. Назаревич Р. Советские военнопленные в Польше в годы Второй Мировой войны и помощь им со стороны польского населения // Вопросы истории. – 1989. – № 3. – С. 25 – 43.

57. Носова А. А. Освещение в средствах массовой информации процесса репатриации советских граждан // Вестник Полоцкого государственного университета. Гуманитарные науки. История. – 2011. – № 1. – С. 75 – 81.

58. Полян П. М. Жертвы двух диктатур: Жизнь, труд, унижения и смерть советских военнопленных и остарбайтеров на чужбине и на родине. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: РОССПЭН, 2002. – 896 с.

59. После плена… // Родина. – 2004. – №7. – С. 67 – 87.

60. Пронин А. В. Трагедия плена: гуманизм против бесчеловечности

// Военно-исторический журнал. – 1998. – № 1. – С. 94 – 96.

61. Решин Л. Коллаборционисты и жертвы режима // Знамя. – 1994. – №8. – С. 158 – 187.

62. Ромашкин П. С. Преступления против мира и человечества. – М.: Издательство «Наука», 1967. – 360 с.

63. Семиряга М. И. Судьбы советских военнопленных // Вопросы истории. 1995. – № 4. – С. 19 – 34.

64. Симонов К. М., Эренбург И. Г. В одной газете: Репортажи и статьи 1941 – 1945 гг. – М.: Издательство АПН, 1984. – 328 с.

65. Смыслов О. С. Плен. Жизнь и смерть в немецких лагерях. – М.: Вече, 2014. – 448 с.

66. Советские военнопленные: бухгалтерия по-фашистски // Военно-исторический журнал. – 1991. – № 9. – С. 30 – 44.

67. Соколов Б. В. Цена победы. Великая Отечественная война: неизвестное об известном. – М.: Моск. рабочий, 1991. – 192 с.

68. Старков О. Ю. Они не сдались // Военно-исторический журнал. - 1989. – № 12. – С. 81 – 84.

69. «Существовавшие до сих пор правила…отменяются» // Военно-исторический журнал. – 1991. – № 11. – С. 38 – 43.

70. Толстой Н. Жертвы Ялты // Юность. – 1991. - №5. – С. 58 – 68.

71. Урланис Б. Ц. История военных потерь. Людские потери вооруженных сил европейских стран в войнах XVII – XX вв. (Историко-статистическое исследование). – СПб. – М.: ПОЛИГОН – АСТ, 1998. – 558 с.

72. Хисамутдинова Р. Р. Великая Отечественная война Советского Союза (1941 – 1945 годы): военно-исторические очерки. – Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2014. – 476 с.

73. Чураков А. В. «Из огня да в полымя…» // Военно-исторический архив. – 2003. – №7 (43). – С. 60 – 101.

74. Цифры, которых мы не знали // Новое время. – 1990. – № 24. – С. 37 – 39.

75. Шевченко В. В. К вопросу об организации специальной проверки бывших военнослужащих в СССР в годы Великой Отечественной войны // Власть. – 2010. – № 11. – С. 124 – 126.

76. Шевяков А. А. «Тайны» послевоенной репатриации // Социологические исследования. – 1993. – № 8. – С. 3 – 11.

77. Штрайт К. Они нам не товарищи // Военно-исторический журнал. – 1994. – № 1. – С. 35 – 39.

78. Штрайт К. Они нам не товарищи // Военно-исторический журнал. – 1994. – № 4. – С. 31 – 35.

III. АВТОРЕФЕРАТЫ ДИССЕРТАЦИЙ

79. Арзамаскина Н. Ю. Деятельность советских военных органов репатриации в Германии в 1945 – 1950 гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М.: [б. и.], 2007. – 27 с.

IV. СПРАВОЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА

80. Советская военная администрация в Германии. 1945 – 1949: справочник / отв. ред.: Я. Фойтцик, Т. В. Царевская-Дякина, А. В. Доронин. – М.: РОССПЭН, 2009. – 1031 с.

V. ЭЛЕКТРОННЫЕ РЕСУРСЫ

81. Год памяти и славы 2020 [Электронный ресурс] // URL: https://xn--2020-k4dg3e.xn--p1ai/ (дата обращения: 12.04.2020 г.).

82. Кокебаева Г. К. Нормативные документы официальных властей Германии об обращении с советскими военнопленными [Электронный ресурс] // URL: http://www.rusnauka.com/10_NPE_2008/Istoria/29506.doc.htm (дата обращения: 10.01.2020).

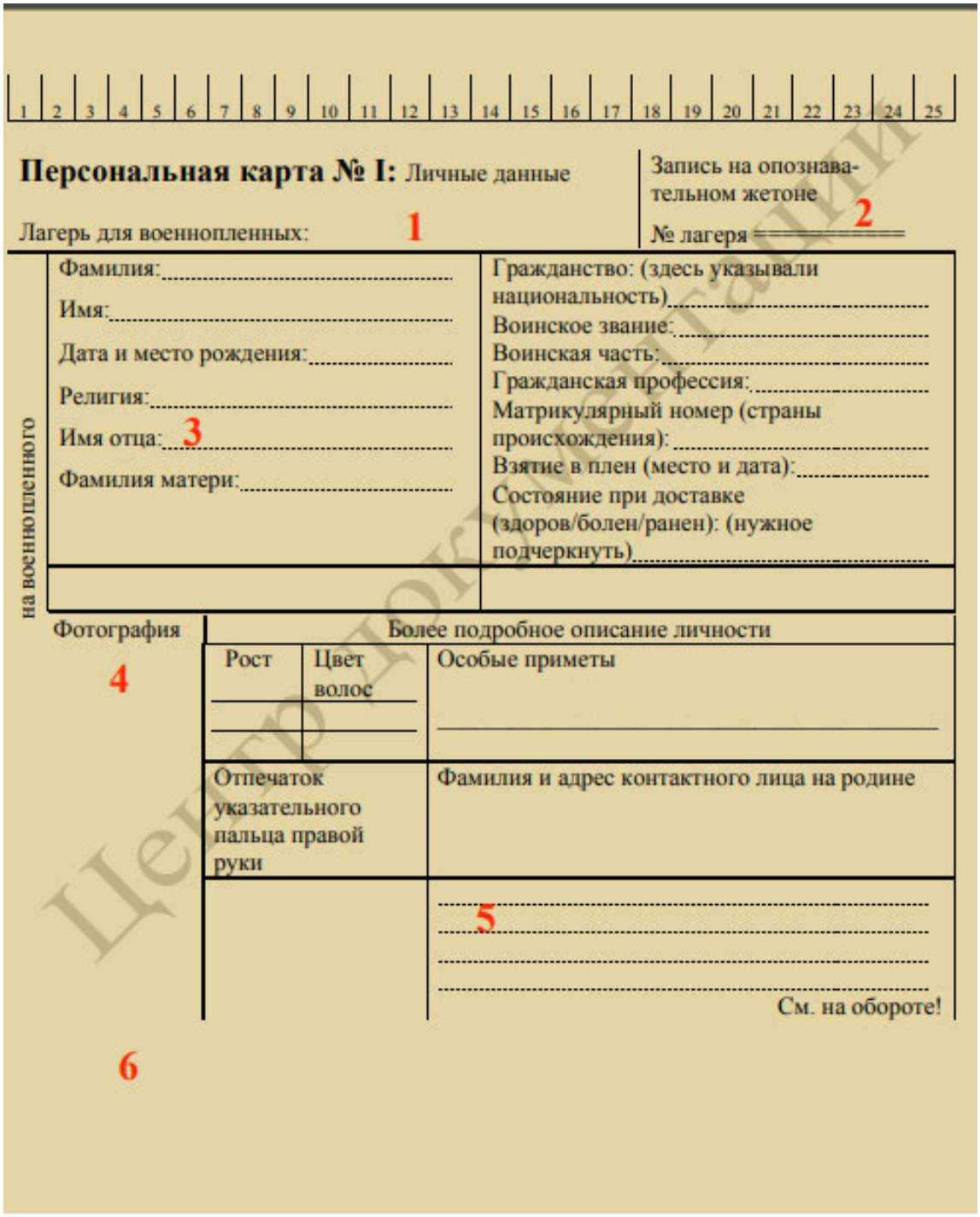
83. Кузьминых А. Л. Нормативно-правовое регулирование режима военного плена: опыт ретроспективного анализа // Вестник института: преступление, наказание, исправление. – 2007. – № 1. – С. 78 – 84. [Электронный ресурс] // URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_13623148_28815133.pdf (дата обращения: 29.12.2019).

84. Цайтхайн – Книга Памяти советских военнопленных. С. 53 [Электронный ресурс] // URL: https://ru.stsg.de/cms/sites/default/files/dateien/texte/Zeithain_ohne%20Schnitt_3.pdf (дата обращения: 22.02.2020).

85. Центр документации Дрезден [Электронный ресурс] // URL: https://ru.stsg.de/cms/dokstelle/content/o-tsentre/tsentr-dokumentatsii (дата обращения: 02.03.2020).

Приложение 1

Персональная карточка № 1, лицевая сторона[1]



1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13 14 15 16 17 18 19 20 21 22 23 24 25

Персональная карта № I: Личные данные

Запись на опознавательном жетоне

Лагерь для военнопленных: 1

№ лагеря 2

на военнопленного

Фамилия:

Имя:

Дата и место рождения:

Религия:

Имя отца: 3

Фамилия матери:

Гражданство: (здесь указывали национальность)

Воинское звание:

Воинская часть:

Гражданская профессия:

Матрикулярный номер (страны происхождения):

Взятие в плен (место и дата):

Состояние при доставке (здоров/болен/ранен): (нужное подчеркнуть)

Фотография

4

Более подробное описание личности

Рост | Цвет волос | Особые приметы

Отпечаток указательного пальца правой руки

Фамилия и адрес контактного лица на родине

5

См. на обороте!

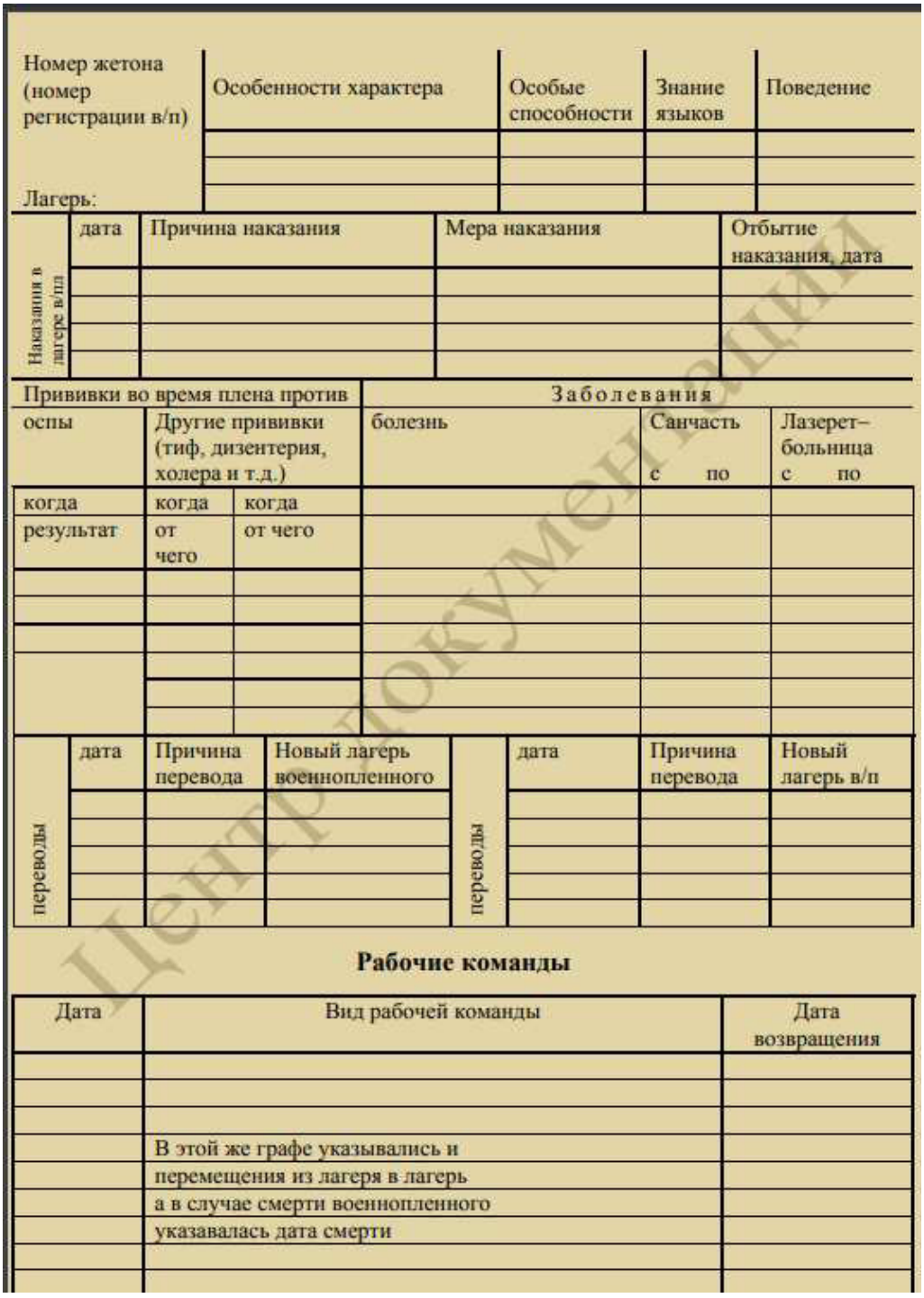
6

Центр документации Дрезден

[1] Центр документации Дрезден [Электронный ресурс] // URL: https://ru.stsg.de/cms/sites/default/files/dateien/sonstiges/PK_I_VS_RU.pdf (дата обращения: 02.03.2020).

Приложение 2

Персональная карточка № 1, оборотная сторона[1]



Номер жетона (номер регистрации в/п)	Особенности характера	Особые способности	Знание языков	Поведение
Лагерь:				

Наказания в лагере в/пл	дата	Причина наказания	Мера наказания	Отбытие наказания, дата

Прививки во время плена против			Заболевания		
оспы	Другие прививки (тиф, дизентерия, холера и т.д.)		болезнь	Санчасть с по	Лазерет–больница с по
когда	когда	когда			
результат	от чего	от чего			

переводы	дата	Причина перевода	Новый лагерь военнопленного	переводы	дата	Причина перевода	Новый лагерь в/п

Рабочие команды

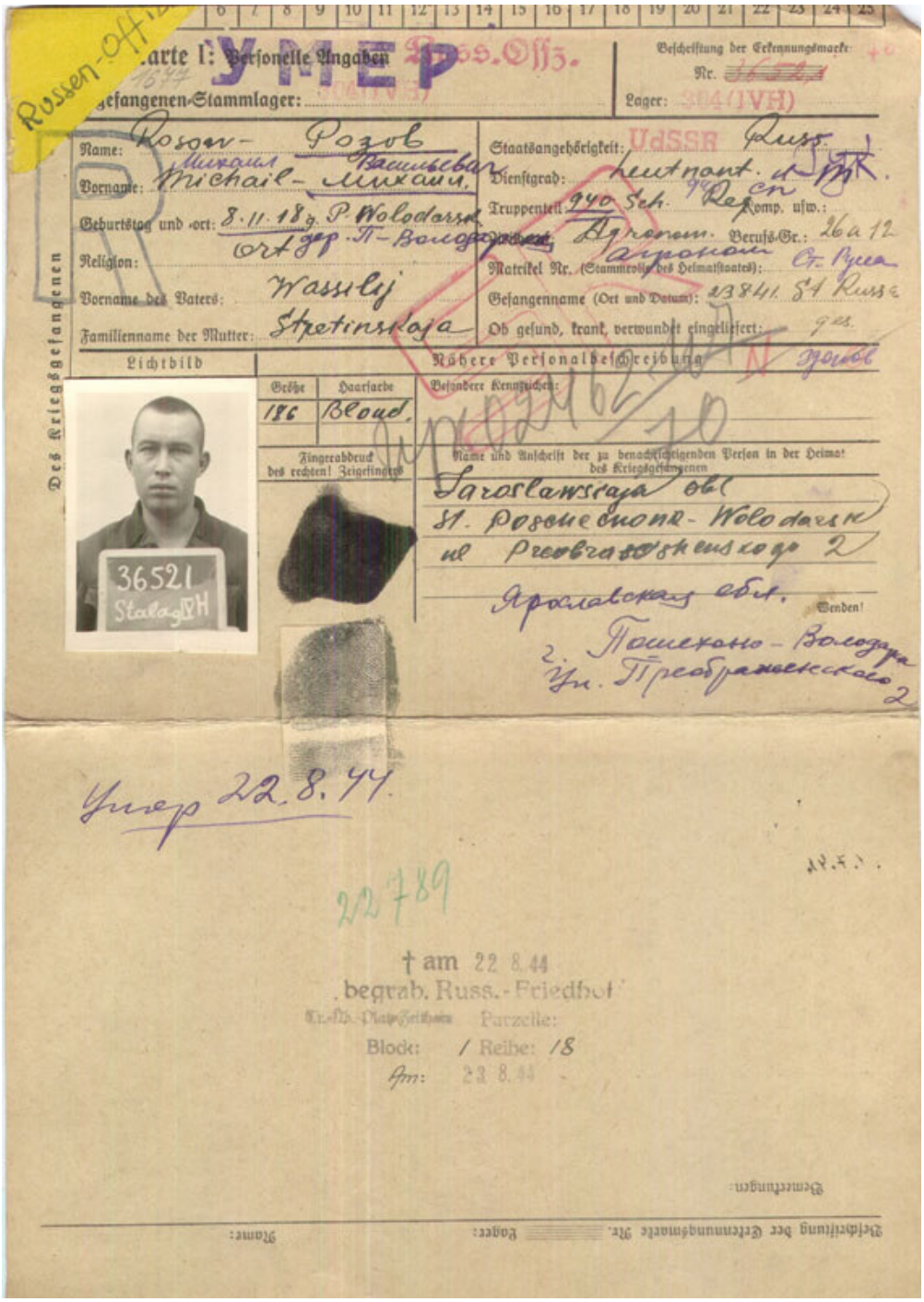
Дата	Вид рабочей команды	Дата возвращения
	В этой же графе указывались и	
	перемещения из лагеря в лагерь	
	а в случае смерти военнопленного	
	указавалась дата смерти	

Центр документации

[1] Центр документации Дрезден [Электронный ресурс] // URL: https://ru.stsg.de/cms/sites/default/files/dateien/sonstiges/PK_I_RS_RU.pdf (дата обращения: 02.03.2020).

Приложение 3

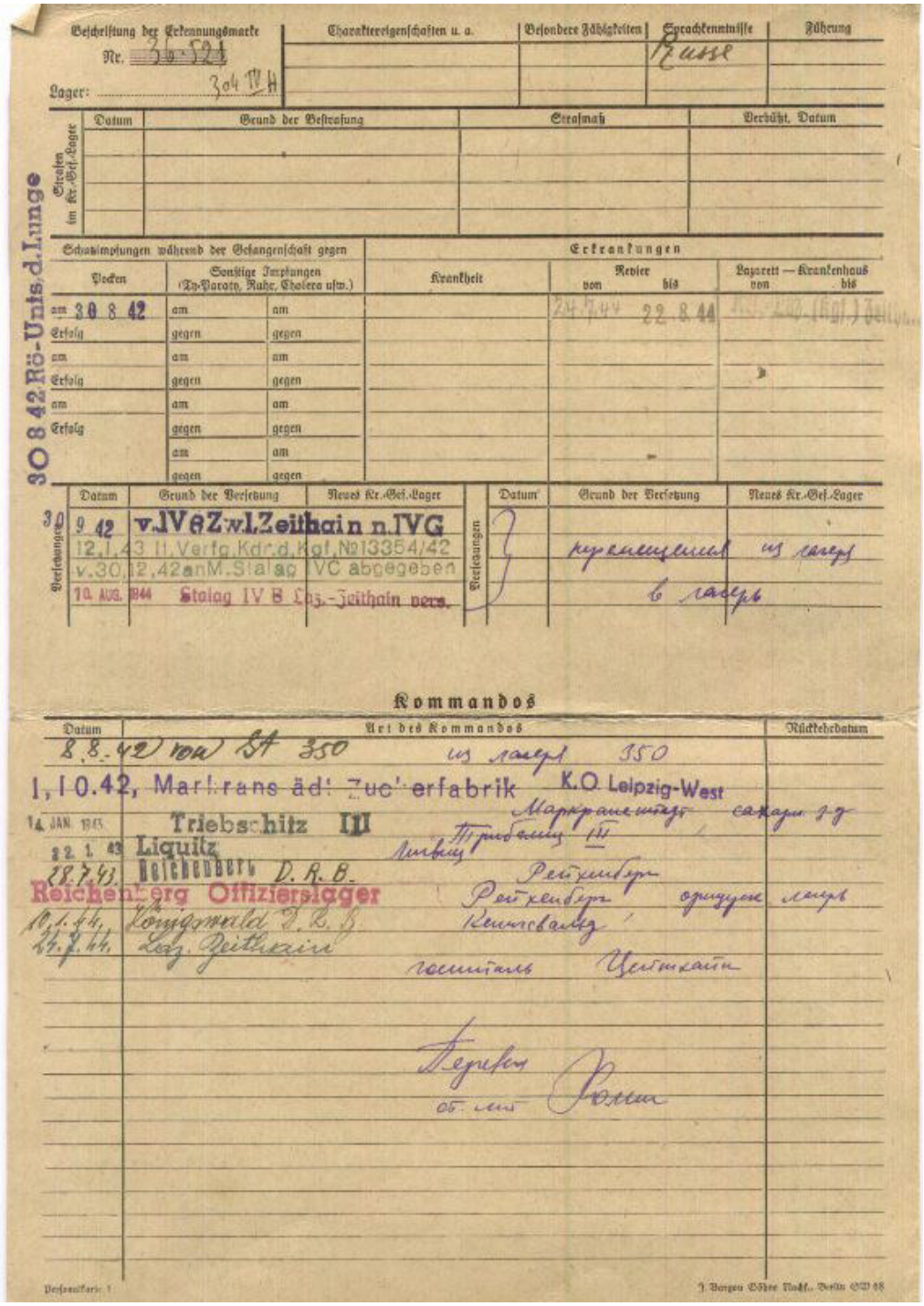
Персональная карточка № 1 умершего в плену советского офицера Шталага IV H (Цайтхайн), лицевая сторона[1]



[1] Центр документации Дрезден [Электронный ресурс] // URL: https://ru.stsg.de/cms/dokstelle/content/vydacha-spravok/grazhdane-sssr/voennoplennye/dokumenty/personalnaya-kartochka-i/personalkart (дата обращения: 02.03.2020).

Приложение 4

Персональная карточка № 1 умершего в плену советского офицера Шталага IV H (Цайтхайн), оборотная сторона[1]



[1] Центр документации Дрезден [Электронный ресурс] // URL: https://ru.stsg.de/cms/dokstelle/content/vydacha-spravok/grazhdane-sssr/voennoplennye/dokumenty/personalnaya-kartochka-i/personalkart (дата обращения: 02.03.2020).

Приложение 5

Правила интеллектуальной исторической игры

Правила нашей интеллектуальной игры схожи с оригинальной версией телевизионной передачи «Умники и умницы».

Перед началом игры звучит приветственная речь ведущего и объяснения правил интеллектуальной игры.

В начале игры участие принимают все обучающиеся в классе. Проводится блиц-игра. Ведущий задает вопросы.

Первым отвечает то, кто первым поднимает руку. За этим следит специально определенный член комиссии. Если ответ на вопрос дан неправильно, то ход переходит к тому, кто следующим поднял руку.

Каждый правильный ответ оценивается в 1 балл. Баллы записываются в ведомость ответов.

По итогам блица выбираются капитаны трех команд – обучающиеся с наибольшим количеством набранных баллов.

Затем капитаны выбирают себе членов команды из присутствующих. Очередность выбора капитанов зависит от количества полученных в блиц-игре баллов.

Затем начинается тур на дорожках:

– красная – самая быстрая и опасная, состоит из двух этапов, ошибаться на ней нельзя. Если ответ на вопрос был дан не правильно и команда не смогла помочь, задается еще один контрольный блиц-вопрос, при ответе на который решается судьба команды. Если ответ дан правильно, команда продолжает путь по дорожке. Если неправильно, то команда покидает дорожку и расформировывается. Ее бывшие члены могут участвовать в игре индивидуально в том случае, если две другие команды не смогли дать правильные ответы на вопросы.

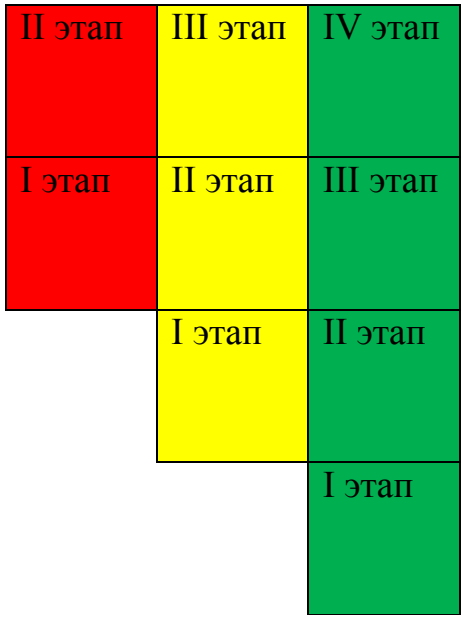
– желтая – состоит из трех этапов, допускается 1 ошибка.

– зеленая – самая безопасная, но и самая долгая, состоит из четырех этапов, допускается 2 ошибки.

После набора команд капитаны, посоветовавшись в течение 30 секунд с членами команды, выбирают дорожки. Дорожки так же выбираются в зависимости от количества набранных в блиц-викторине баллов. Первой выбирает команда, чей капитан набрал наибольшее количество баллов.

Дорожки оформляются с помощью цветных бумажных квадратов размером 50х50 в центре класса.

Дорожки выглядят так:



На дорожках стоят капитаны. Капитану для ответа на вопрос дается 10 секунд.

Члены команды сидят за составленными сзади партами. Они могут также получить дополнительные баллы.

Если капитан их команды не отвечает на ответ, они могут дать свой вариант ответа. Если капитан отвечает кратко, они могут дополнить его ответ.

Все ответы и дополнения членов команды оцениваются членами жюри от 1 до 5 баллов в зависимости от аргументации и правильно использования фактического материала в ответе.

Так же ведется учет индивидуального количества баллов на протяжении всей игры.

Жюри состоит из учеников старших классов или учителей истории.

Победителем игры становится команда, набравшая в сумме больше всего баллов.

Наиболее активным и отличившимся полными и оригинальными ответами так же вручаются грамоты и дипломы с присвоением званий: интеллектуальный лидер, знаток, эксперт, эрудит, искатель.

Приложение 6

Перечень вопросов к интеллектуальной исторической игре

Вопросы для блиц-викторины (общие по истории ВОВ):

1. Назовите дату начала и окончания ВОВ (22 июня 1941 г. – 9 мая 1945 г.)

2. Дайте определение понятию «война» (Война – это вооруженная борьба между государствами).

3. Кого называют пленными? (Пленный – человек, захваченный противником в плен).

4. В чем отличие военнопленных от пленных? (Военнопленными, как правило, называют взятых в плен в ходе боевых действий военнослужащих, а пленными – гражданских лиц).

5. Как называлась нейтральная международная гуманитарная организация, оказывающая помощь пленным? (Международный Комитет Красного Креста).

6. Первый серьезный шаг к ограничению варварских средств ведения войны был сделан Александром II в 1868 г. Что он предпринял? (Было запрещено пользоваться снарядами большой взрывной силы).

7. В каком году была принята Женевская конвенция, регулирующая обращение с военнопленными в годы ВОВ? (1929 г.).

8. На какой конференции было учреждено справочное бюро по военнопленным в странах-участницах вооруженных конфликтах? (На Гаагской конференции 1907 г.).

9. Сколько статей содержит Женевская конвенция 1929 г.? (97 статей).

10. Каким фактом многие историки объясняют негуманное отношение немецких солдат к советским военнопленным? (Тем, что Женевская конвенция 1929 г. не была подписана СССР).

11. Какой орган был создан в СССР для руководства размещением и содержанием военнопленных? (Центральное управление по делам о пленных

и беженцах).

12. Каким цветом были карточки в немецкой картотеке учета военнопленных, заводившиеся после сообщения о смерти пленного? (Белые).

13. Расскажите о службе ВАСт – полное наименование, чем занималась? (Справочная служба вермахта о военных потерях и военнопленных регистрировала потери германских вооруженных сил, вела учет и регистрацию военнослужащих противника, попавших в немецкий плен).

14. Расшифруйте аббревиатуры ГСОВГ и СВАГ (Группа советских оккупационных войск в Германии и Советская военная администрация в Германии).

15. Где проходили первичную проверку возвращающиеся из плена или окружения военнослужащие Красной Армии? (На армейских сборно-пересыльных пунктах и фронтовых проверочно-фильтрационных пунктах).

Вопросы для дорожек:

Красная:

1. 13 января 1942 г. Наркомом Внутренних Дел СССР Л. Берией был утвержден документ, регулирующий работу с военнопленными. Что это за документ? Как он назывался? Каковы его основные положения? («Временная инструкция о порядке содержания в специальных лагерях НКВД бывших военнослужащих Красной Армии, находившихся в плену и в окружении противника». Организацией спецлагерей занималось Управление НКВД СССР по делам военнопленных и интернированных (УПВИ НКВД СССР). Все категории бывших военнопленных, перечисленные в документе, приравнивались партийно-государственным руководством к пленным солдатам вражеской армии).

2. Весной 1945 г. в системе НКВД был создан специальный отдел. Как он назывался? Что входило в его обязанности? (Специальный отдел «Ф» координировал всю деятельность по проверке и фильтрации репатриируемых

советских граждан и граждан союзных и нейтральных государств).

Контрольный блиц-вопрос: 19 апреля 1956 г. Президиум ЦК КПСС принял решение о создании Комиссии, которой поручалось разобраться с положением вернувшихся из плена военнослужащих Советской Армии. Кто возглавил данную Комиссию? (Г. К. Жуков).

Желтая:

1. Какие службы в Германии отвечали за советских военнопленных? (Верховное командование сухопутных сил (ОКХ) и верховное командование вермахта (ОКВ), охранные отряды (СС).

2. По каким статьям Уголовного кодекса судили военнослужащих, пробиравшихся в одиночку или малыми группами на соединение с частями Красной Армии? (Судили как за воинские преступления по ст. 193-7, 193-8, 193-9 УК РСФСР, как за самовольное оставление части или места службы, за побег из части, за самовольное оставление части в боевой обстановке).

3. Как мы уже выяснили ранее, после поступления сообщения о смерти пленного немецкие власти заполняли белые карточки. В каком количестве они заполнялись и зачем? (Две карточки: одна – с именем, опознавательным номером, последней заявленной должностью, крестом смерти – для главной картотеки, вторая – для картотеки учета смертных случаев – с указанием учетного номера, под которым хранятся документы; личное дело оставалось в учетной картотеке).

Зеленая:

1. В плену оказалось 80 советских генералов. Сколько из них было восстановлено в правах? (26).

2. В качестве кого не может быть использован репатриированный согласно ст. 74 Женевской конвенции 1929 г. (Ни один репатриированный не может быть использован как активный военнослужащий).

3. Сколько человек пропало без вести и попало в плен согласно докладной записке «О потерях личного состава Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 гг.», разработанной специальной

комиссией под руководством генерала армии М.А. Гареева? (4 559 тыс. человек, из которых 939 700 было призвано обратно в армию, 1 836 тыс. вернулись в конце войны из плена на Родину, а 673 тыс. (по немецким данным) погибли в плену. Таким образом, достоверные данные имеются о 3 448 500 военнопленных. Неизвестна судьба 1 110 500 военнослужащих).

4. Каждого, попавшего в немецкий плен допрашивали и регистрировали. Сколько идентичных карточек заводилось на каждого пленного? (Три идентичные карточки: первая – для ВАСт, вторая – для страны, откуда военнопленный родом, третья – для МККК).

военного плена: опыт ретроспективного анализа // Вестник института: преступление, наказание, исправление. – 2007. – № 1. – С. 78 – 84. [Электронный ресурс] // URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_13623148_28815133.pdf (дата обращения: 29.12.2019).

84. Цайтхайн – Книга Памяти советских военнопленных. С. 53 [Электронный ресурс] // URL: https://ru.stsg.de/cms/sites/default/files/dateien/texte/Zeithain_ohne%20Schnitt_3.pdf (дата обращения: 22.02.2020).

85. Центр документации Дрезден [Электронный ресурс] // URL: https://ru.stsg.de/cms/dokstelle/content/o-tsentre/tsentr-dokumentatsii (дата обращения: 02.03.2020).

Дипломная работа выполнена мной самостоятельно

20.06.20

АНТИПЛАГИАТ
ТВОРИТЕ СОБСТВЕННЫМ УМОМ

Пензенский государственный университет

СПРАВКА

о результатах проверки текстового документа на наличие заимствований

Проверка выполнена в системе Антиплагиат.ВУЗ

Автор работы	**Забодаев Денис Сергеевич**
Подразделение	Историко-Филологический факультет, кафедра "История России и методика преподавания истории"
Тип работы	Выпускная квалификационная работа
Название работы	ВКР_Забодаев Д.С.
Название файла	ВКР_Забодаев Д.С..docx
Процент заимствования	**31.37 %**
Процент самоцитирования	**0.00 %**
Процент цитирования	**2.89 %**
Процент оригинальности	**65.74 %**
Дата проверки	**13:01:18 11 июня 2020г.**
Модули поиска	Модуль поиска ИПС "Адилет"; Модуль выделения библиографических записей; Сводная коллекция ЭБС; Модуль поиска "Интернет Плюс"; Коллекция РГБ; Цитирование; Модуль поиска переводных заимствований; Модуль поиска переводных заимствований по elibrary (EnRu); Модуль поиска переводных заимствований по интернет (EnRu); Коллекция eLIBRARY.RU; Коллекция ГАРАНТ; Коллекция Медицина; Диссертации и авторефераты НББ; Модуль поиска перефразирований eLIBRARY.RU; Модуль поиска перефразирований Интернет; Коллекция Патенты; Модуль поиска "ПГУ"; Модуль поиска общеупотребительных выражений; Кольцо вузов
Работу проверил	Сухова Ольга Александровна
	ФИО проверяющего
Дата подписи	
	Подпись проверяющего

Чтобы убедиться в подлинности справки, используйте QR-код, который содержит ссылку на отчет.

Ответ на вопрос, является ли обнаруженное заимствование корректным, система оставляет на усмотрение проверяющего. Предоставленная информация не подлежит использованию в коммерческих целях.

ОТЗЫВ НАУЧНОГО РУКОВОДИТЕЛЯ

на выпускную квалификационную (бакалаврскую) работу студента

группы 16ИПИ1 Забодаева Дениса Сергеевича:

«Плен в период Второй мировой войны: историко-антропологическое исследование»

В целях сохранения исторической памяти и в ознаменование 75-летия Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг., 2020 год в России, согласно указу Президента РФ, объявлен Годом памяти и славы. В связи с открытием ранее неопубликованных архивных документов в исторической литературе наблюдается актуализация научного интереса к различным аспектам, связанным с событиями Великой Отечественной войны. Одной из важнейшей и одновременно эмоционально сложной выступает тема плена и репатриации советских военнопленных. Актуальность исследования определяется необходимостью изучения данных вопросов с целью понимания объективной картины военного времени и цены Победы.

Автор изучил историографию обозначенной темы: определил этапы развития проблематики в исторической науке, выделил основополагающие труды отечественных ученых.

Источниковая база исследования представлена справочно-статистическими изданиями, сборниками документов, нормативно-правовыми актами.

Цель своей работы Забодаев Д.С. определил как исследование положения советских военнопленных в немецких концлагерях и их репатриации в послевоенный период. В этой связи он последовательно решил ряд научных задач: проанализировал международные конвенции о положении военнопленных; исследовал планы нацистского руководства в отношении советских военнопленных, а также доказательства их реализации на практике путем приведения выдержек из различных приказов и инструкций, издаваемых нацистским руководством; рассмотрел вопросы массового пленения красноармейцев в оценках советского руководства; изучил причины пленения советских военнопленных и проблемы их численности; исследовал процесс транспортировки, размещения, содержания и захоронения военнослужащих, попавших в плен; определил формы и методы сопротивления советских военнопленных, а также феномен коллаборационизма; проанализировал процесс репатриации и «фильтрации» бывших военнопленных в СССР, а также судьбы бывших военнопленных в

послевоенный период.

Полученные результаты исследования были применены при разработке конспекта внеклассного мероприятия на тему: «Плен в период Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.» для учеников 10 класса.

Забодаев Д.С. подробно рассмотрел историко-правовые аспекты военного плена, обстоятельства пленения и условия содержания советских военнопленных в концлагерях, а также процесс репатриации и послевоенную судьбу советских военнопленных.

Стоит отметить, что с обозначенными во введении выпускной квалификационной (бакалаврской) работе задачами автор справился. Исследование характеризуется выстроенной структурой и логикой изложения материала, что определяется содержанием работы. Забодаев Д.С. провел работу по поиску, анализу и систематизации информации из различных научных источников. В работе автор экспонировал сформулированные выводы исследования, которые обоснованы и аргументированы.

По мнению автора, плен был невероятным нравственным, психологическим и физическим испытанием для огромного количества советских военнопленных. Преступное отношение немецких властей к советским военнопленным стало результатом планомерной и четко организованной кампании нацистского руководства. В процессе освобождения и репатриации бывших военнопленных формируется структура репатриационных органов, организующих процесс массовой репатриации граждан СССР и иностранных государств. Автор заключает, что изучение аспектов данной темы необходимо с целью восстановления исторической справедливости и законных прав тех, кто попал в плен в боях при защите Отечества, оказался на временно оккупированной территории, был репатриирован в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период.

В целом, следует отметить, что бакалаврская работа на тему: «Плен в период Второй мировой войны: историко-антропологическое исследование» соответствует требованиям, предъявляемым к выпускным квалификационным работам.

Научный руководитель,

к.и.н., доцент кафедры ИРиМПИ / Д.В. Якупова